

СОВРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

С. С. ШАШКОВА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Историческіе очерки.

Историческіе этюды.

Изданіе О. Н. ПОПОВОЙ.

Цѣна за два тома 4 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1898.

«по вступленіи сихъ дѣтей въ казенное вѣдомство, размѣщать ихъ въ благонадежныя семейства, кои взять пожелаютъ на воспитаніе до замужества; сообразно примѣрамъ прежняго времени, совѣтъ полагаетъ, что каждую дѣвочку можно пріобрѣсти въ казенное вѣдомство отъ 2 до 7 лѣтъ за 40—80 р., отъ 7 до 12 лѣтъ за 80—120, а свыше 12 лѣтъ за 120—160 р.»!! Поэтому совѣтъ положилъ назначить слѣдующую плату за дѣтей:

	Мужск. пола.	Женск. пола.
менѣе 1 года . .	15 руб.	15 руб.
1 » . .	20 »	20 »
2 лѣтъ . .	25 »	25 »
3 » . .	35 »	30 »
4 » . .	50 »	35 »
5—7 » . .	70 »	55 »
7—9 » . .	90 »	70 »
9—12 » . .	100 »	90 »

Свыше этого возраста дѣти не принимаются, ибо тогда они могутъ сами снискивать пропитаніе. За воспитаніе опредѣлить заработные годы, полагая оные съ пятнадцати-лѣтняго возраста по слѣдующему расчисленію:

Возрастъ дѣтей.	Число заработныхъ годовъ.
1 года и менѣе	9 лѣтъ.
2 »	8 ¹ / ₂ »
3 »	8 »
4 »	7 ¹ / ₂ »
5 »	7 »
6 »	6 ¹ / ₂ »
7 »	6 »
8 »	5 ¹ / ₂ »
9 »	5 »
10 »	4 ¹ / ₂ »
11 »	4 »
12 »	3 ¹ / ₂ »

По отысканіи желающихъ взять себѣ на пропитаніе этихъ дѣтей, отправлять ихъ для размѣщенія по линіи по селеніямъ, подъ присмотромъ наемныхъ отъ казны служителей, на обывательскихъ подводахъ безъ прогонъ»¹⁾. Совѣтъ главнаго управленія прибавилъ къ этому, что желающимъ принять на воспитаніе этихъ дѣтей должно внушать, что «сверхъ той пользы, какую непременно получаютъ они, имѣя ихъ у себя столь долгое время въ работахъ, сдѣлаютъ еще богоугодное дѣло, потому что, приведя ихъ въ христіанскую вѣру и воспитавъ въ страхѣ Божіемъ, они присоединятъ ихъ къ христіанской церкви, а сіе доброе дѣло, какъ въ сей жизни обратитъ на ихъ домъ благословіе Божіе, такъ и въ будущей не оставитъ ихъ безъ достоюжнаго вознагражденія. Эти дѣти обязаны служить хозяевамъ до 25 лѣтъ жизни; по достиженіи ими 18 лѣтъ, а дѣвочки 15 лѣтъ, имѣютъ право вступить въ бракъ. До приведенія же этихъ мѣръ въ исполненіе, положено собрать свѣдѣнія о числѣ лицъ, желающихъ взять упомянутыхъ дѣтей на воспитаніе»²⁾. Оказалось, что принять на воспитаніе азіатскихъ дѣтей обою пола

заявили свое желаніе крестьяне по Тобольской губерніи 237 человекъ, по Томской губерніи 3 человека въ Канскомъ округѣ, до еще и въ Кузнецкомъ округѣ вѣскольکو человекъ, по Омской области 338 человекъ³⁾. Но множество крестьянъ, пользуясь трудомъ своихъ кабатниковъ, вовсе не имѣло нужды въ азіатскихъ дѣтяхъ. Вотъ, напр., приговоръ крестьянъ Теплодубровской волости: «Взять киргизскихъ дѣтей себѣ на воспитаніе изъ нашего селенія желающихъ не имѣется, потому что по Теплодубровской волости имѣется русскихъ довольно число у бѣдственныхъ отцовъ семействъ мужескаго пола малолѣтнихъ дѣтей довольно число, отъ которыхъ имѣютъ зажиточные крестьяне дѣтей въ срочныхъ работахъ, и тѣмъ тѣ семейства бѣдственные отъ прожиточныхъ пропитываются и уплатою податей облегчаются». Точно такіе же приговоры дали деревни: Шатаинская, Гузкина, Лапушная, Жартинская, Арлагунская, Куреннская, Степная, Сухменская, Батырева, Яровая, Чулашная, Глубокая и др.²⁾.

Такимъ образомъ рабство пало. Даже проектъ закабаленія киргизскихъ дѣтей крестьянамъ не былъ осуществленъ, потому что дѣла киргизовъ поправились, и они перестали продавать дѣтей. Рабство осталось только въ преданіи, и отъ сибирскихъ стариковъ еще и теперь можно слышать сожалѣніе о тѣхъ блаженныхъ дняхъ, когда ребенка можно было купить въ вѣчное владѣніе за какихъ-нибудь 14—20 коп.

Рабство пало, но не совсѣмъ; въ сущности уничтожилась только его особенная форма, а въ формѣ кабалы оно существуетъ въ Сибири до сегодня. Ходить душегубка-кабала по этой обширной землѣ, налагая свои цѣпи на каждого встречнаго инородца. Лишь только появится она въ извѣстной мѣстности, какъ всѣ эти многочисленные табуны и стада, эти воды съ ихъ рыбами и бобрами, эти лѣса — съ ихъ соболями и бѣлкою, даже самые инородцы, населяющіе эти улусы, — все это переходитъ въ наслѣдственную собственность кабалителя. Но объ этомъ мы будемъ говорить въ слѣдующемъ этюдѣ.

СИБИРСКІЕ ИНОРОДЦЫ ВЪ XIX СТОЛѢТІИ *).

I.

Положеніе инородцевъ до пріѣзда Сперанскаго.

Къ концу XVIII в. вся Сибирь была окончательно покорена и замирена. Періодъ броженія и по-

¹⁾ Репортъ въ сенатъ генералъ-губернатора, 20 апрѣля 1829 г.

²⁾ Арх. Главн. Упр. Зап. Сиб., № 2301.

³⁾ Главными источниками при составленіи этого очерка мнѣ служили слѣдующіе архивные документы:

а) Дѣло о сибирской лѣвѣ и о горячкѣ въ Туруханскомъ краѣ, 1813 г.

б) Дѣло о голодѣ и голодобствѣ въ Туруханскомъ краѣ, 1816 г.

¹⁾ Журналъ омск. области. сен., 30 іюня 1826 г.

²⁾ Приказъ Главн. Упр. Зап. Сиб., 14 февр. 1826 г.

пыткъ свергнуть русское владычество кончился, и одинъ сибирскій инта XVIII в. могъ уже, не противорѣча истинѣ, восклицать:

Хоть населяють разны орды
Хребтовъ и горъ сибирскихъ скаты горды,
Но отъ Туры до острова Ильи
Живутъ они, какъ дѣти мирныя семьи!..

Но этотъ миръ требовалъ еще многихъ условій для благоденствія завоеванной страны.

Такимъ образомъ XIX столѣтіе принесло для Сибири миръ, но только миръ виѣшній; прекратились инородческія возстанія; сибирскія колоніи перестали уже опасаться нападеній со стороны покоренныхъ племенъ, но зато не было еще мира внутренняго, и Сибирь была гнѣздомъ тѣхъ безпорядковъ и злоупотребленій, которыя вели за собою ревизію и реформу Сперанскаго.

Двадцать лѣтъ, предшествовавшія реформѣ Сперанскаго, приобрѣли полное право на печальную историческую извѣстность. Время управленія Селифонтова, Пестеля и Трескина было тяжелымъ временемъ для Сибири. Эти лица дѣлали, что хотѣли. Даже самые значительные обыватели не были избавлены отъ произвола упомянутыхъ администраторовъ. Откупщикъ Обходчиковъ былъ совершенно разоренъ и сосланъ въ каторгу. Генералъ Куткинъ за то только, что поспорилъ съ Пестелемъ, былъ лишенъ всего имуществъ, посаженъ подъ арестъ и умеръ въ заключеніи. Иркутскій архіерей Веніаминъ подвергался также притѣсненіямъ Трескина; онъ умеръ также подъ слѣдствіемъ, которымъ руководилъ самъ губернаторъ. Иркутскій вице-губернаторъ былъ обязанъ подавать Трескину калоши и шинель, и за малѣйшую неловкость губернаторъ осыпалъ его бранью. Совѣтникъ Корсаковъ былъ высланъ изъ Иркутска; всѣмъ властямъ Сибири было предписано не дозволять жить ему на одномъ мѣстѣ больше нѣсколькихъ дней и не выпускать за предѣлы Сибири. Въ Енисейскѣ городничій Куколевскій катался по улицамъ города въ экипажѣ, запряженномъ чиновниками, вина которыхъ состояла въ томъ, что они хотѣли хлопотать объ его смѣнѣ. Одинъ изъ начальниковъ Камчатки такъ управлялъ своею областью, что о немъ со-

ставилась поговорка: «на небѣ Богъ, въ Камчаткѣ Кохъ!».

Если такъ поступали съ русскими, даже съ значительными чиновниками, то можно себѣ представить, каково было положеніе инородцевъ, къ которымъ относились, какъ къ покоренному и, слѣдовательно, подневольному племени.

По окладу 1763 г. инородцы были обязаны платить умѣренную подать; но количество ея увеличивалось въ нѣсколько разъ такъ называемыми *поминками* и другими поборами въ пользу чинныхъ лицъ. Земская полиція хозяйничала въ инородческихъ улусахъ какъ дома, и не одна только земская полиція! На этомъ поприщѣ ревностно подвизались и собственные родовые начальники инородцевъ. При Трескинѣ, напримѣръ, одно инородческое бурятское вѣдомство имѣло 100.000 р. въ годъ темныхъ доходовъ съ своихъ подчиненныхъ. Когда это злоупотребленіе открылось, изъ Иркутска былъ посланъ въ бурятскіе улусы слѣдователь, которому приказали взять съ бурятъ не менѣе 50.000 р.; онъ, конечно, не ослушался такого приказанія. Словомъ, «начальство того края, — какъ писалъ въ 1810 г. Головинъ, — въ поступкахъ своихъ съ непросвѣщенными народами, приведенными въ подданство Россіи, не сообразовалось совершенно съ волею правительства. Голодные чиновники хотѣли быть не только сытыми, но и богатыми. И чего должно было ожидать отъ подобныхъ имъ людей въ странахъ, отдаленныхъ отъ высшаго правительства на многія тысячи верстъ, гдѣ они управляли народами, не имѣющими почти никакого понятія о законахъ и даже не знающими грамоты!»

Инородцы особенно сильно страдали отъ лежавшихъ на нихъ натуральныхъ повинностей. Они прокладывали дороги, строили мосты, гати, перевозы и т. д. Отвлекаемые часто на эти работы въ самое драгоцѣнное для нихъ время, многіе инородцы разорялись въ корень. Нѣкоторые изъ нихъ были вовсе непривычны и неспособны къ упомянутымъ работамъ, и начальство исполняло ихъ посредствомъ русскихъ работниковъ на счетъ инородцевъ. Такъ кругобакальскую дорогу Трескинъ прокладывалъ посредствомъ каторжниковъ, содержать которыхъ были обязаны буряты. Не имѣя для этого денегъ, они выгоняли на дорогу цѣлыя стада скота и продавали его за безцѣнокъ. Слѣственными комиссіями, учрежденными въ 1819 г., раскрыто, что деньги, вырученные отъ этой продажи, расходились по карманамъ чиновниковъ, а не на продовольствіе ссыльныхъ, что буряты входили въ страшные долги, что проценты съ этихъ долговъ простигались до 200 на 100! Не менѣе страдали инородцы и отъ подводной гонимы. Исправники, засѣдатели, сборщики податей, ученые экспедиціи, миссіонеры, оспопрививатели, пріѣзжіе посторонніе чиновники — всѣ требовали подводу! А не забудьте, что многіе инородцы живутъ въ холодныхъ и мрачныхъ тундрахъ, гдѣ часто одна станція стоитъ отъ другой на 200 верстъ, гдѣ нѣтъ дорогъ, а нужно ѣхать или по страшнымъ

с) Дѣло о злоупотребленіяхъ туруханскаго причта, 1820 г.

д) Дѣло высочайше учрежденной ясачной комиссіи 1820—1835 г., въ XIII томахъ

е) Дѣло о продовольствіи березовскихъ инородцевъ, 1828 г.

г) Дѣло о намѣреніи остяковъ истребить русскихъ во время ярмарки въ Обдорскѣ, 1827 г.

з) Дѣло о злоупотребленіяхъ разныхъ лицъ Березовскаго округа, 1830 г.

и) Дѣло объ уступкѣ инородцами земель купцамъ, 1831—1883 г.

і) Дѣло объ уничтоженіи сифилиса въ Сибири, 1831—1840 г.

к) Дѣло объ учрежденіи инородческихъ управъ, 1836—1865 г.

л) Дѣло о введеніи образованія между инородцами, 1853—1865 г.

м) Записки о Нарымскомъ краѣ, *рукопись* г. О—ва (1865 г.).

сугробамъ снѣга, или по необозримоу болоту; гдѣ царить зима и свѣжныя ураганы ежечасно грозятъ погубить путника; гдѣ дороги такъ плохи, что ихъ проклинаетъ всякій, кто только разъ проѣхалъ по нимъ. Въ Камчаткѣ, напримѣръ, можно ѣздить на собакахъ, запряженныхъ въ небольшія санки (*нарты*), такъ какъ тропинки, слыущія тамъ подъ именемъ дорогъ, чрезвычайно узки. Между тѣмъ начальникъ Камчатки Козловъ-Угреннъ разѣзжалъ постоянно въ возкѣ со стеклами. Подъ возокъ запрягали не менѣе 50 собакъ, а камчадалы по всей дорогѣ вырубали лѣсъ, чтобы возокъ не завязъ. Эти разѣзды были до того пагубны для собакъ, что все управленіе Козлова-Угренна народъ окрестилъ именемъ *собачьей осы*. Всѣ мало-мальски значительные люди въ Сибири любили путешествовать. Это было чрезвычайно выгодно — инородцы даромъ давали подводы, инородцы даромъ кормили проѣзжающихъ; инородцы непременно дарили каждаго рангованнаго человѣка, инородцевъ можно было спаивать виномъ и отнимать у нихъ соболей; съ инородцами можно было *сердцевать*, т. е. притворившись сердечнымъ ихъ доброжелателемъ, выманивать у нихъ цѣнныя вещи!.. Да, тогда русскіе сибиряки любили путешествовать! Когда, напр., въ Камчаткѣ учредили областное управленіе и ввели туда батальонъ, то тамъ поселилось множество чиновниковъ и офицеровъ. Батальонъ размѣстили по разнымъ частямъ полуострова. И вотъ тутъ то разные чины начали разѣзжать по Камчаткѣ подъ предлогомъ разныхъ смотровъ, свидѣтельствъ и проч., а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы вымѣнивать у камчадаловъ на водку соболей и лисицъ. «Мода путешествовать — пишеть Головинъ — отъ чиновниковъ распространилась даже на простыхъ подьячихъ и солдатъ, которые просились въ отпускъ, съ тѣмъ, чтобы промыслить для себя и для собакъ корму, но, купивъ вина, ѣздили по острожкамъ и обманывали камчадаловъ. Я зналъ одного офицера, который отпускалъ изъ своей команды солдатъ въ отпускъ и давалъ имъ денегъ на покупку вина, за которыя бралъ проценты по два соболя съ 25 р.; очень вѣроятно, что и многіе такъ дѣлали». Да, многіе такъ дѣлали и не въ одной Камчаткѣ, а по всей Сибири. Вино лилось огненнымъ потокомъ по инородческимъ поселеніямъ, сожигая и инородческое богатство, и ихъ здоровую патріархальную нравственность. Иноронецъ все отдаетъ за водку, онъ отдаетъ за нее даже свою свободу. И безсовѣстные торгаши пользовались этимъ; инородцы пропивались донага и за кратковременное удовольствіе платили продолжительными голодовками, питаясь падающею и толченою древесною корой. До этого ихъ доводила, впрочемъ, не одна виноторговля, но и всякая торговля. Доставляя инородцамъ постоянный кредитъ, спасая ихъ часто отъ голодной смерти, торговцы вовлекали ихъ въ неоплатные долги и для несвоевременно уплаты ихъ отбирали у инородца все, что онъ могъ добыть, оставляя ему лишь столько, сколько необходимо для того, чтобы онъ не умеръ отъ голода, отъ холода и могъ на будущее время работать въ поль-

зу своего эксплуататора. Головинъ наглядно описываетъ, какъ производилась тогда торговля въ Камчаткѣ, и мы имѣемъ полное основаніе приложить его слова ко всей Сибири. «Всякій камчадалъ имѣетъ между купцами своего кредитора, у котораго во всякое время беретъ въ долгъ разныя бездѣлицы, не спрашивая о цѣнѣ ихъ; купецъ записываетъ въ свою книгу за всякую вещь десятирную цѣну, такъ что по книгамъ купца камчадалъ долженъ ему рублей 1.000 и болѣе, на самомъ же дѣлѣ и на 100 не будетъ. Когда купцы ѣздить по Камчаткѣ, то и спрашиваютъ камчадаловъ, помнятъ ли они долги свои? — Помнимъ, отвѣчаетъ камчадалъ. — А сколько ты мнѣ долженъ? — Почемъ мнѣ знать, — ты грамотный, посмотри въ книгу, она скажетъ! — Купецъ сказываетъ ему долгъ его въ сотняхъ или тысячахъ. «Знать, такъ, — отвѣчаетъ камчадалъ, — книга не солжетъ!» Но когда купецъ потребуетъ платы, то камчадалъ, жалуюсь на худой промыселъ, предлагаетъ ему въ уплату соболей десятокъ и увѣряетъ божбою, что у него только и есть. Десять соболей купецъ цѣнитъ рублей въ 50—60, тогда какъ настоящая цѣна имъ на мѣстѣ рублей 150. Послѣ уплаты должникъ еще въ долгъ проситъ что-нибудь и получаетъ бездѣлицъ рублей на 10, которые въ книгу вносятся рублей на 100 и болѣе. Такимъ образомъ купецъ обманываетъ камчадаловъ, а камчадалы воображаютъ, что купца обманули... Въ нашу бытность (1809—1811) камчадалы должны были Россійско-американской компаніи 150,000 рублей. Долги эти ревизоры компанейскіе желали продать за 16,000 рублей. Но купецъ Мясниковъ, прежде самъ бывший ревизоромъ, весьма хорошо зналъ, чего они стоятъ, и по совѣсти объявилъ, «что товары, розданные камчадаламъ на вышеупомянутую сумму, не стоятъ болѣе 11,000 рублей». Тотъ же путешественникъ приводитъ характеристическій примѣръ встрѣченнаго имъ кулака-промышленника. Это былъ зажиточный мѣшанинъ Смоленниковъ, жившій на р. Воровской. «Онъ нажилъ порядочный домикъ, который хорошо убранъ и снабженъ хорошею мебелью, посудой и всѣмъ нужнымъ въ домашнемъ быту. Пользуясь слабостью камчадаловъ, онъ продаетъ имъ крѣпкіе напитки за соболей и другихъ дорогихъ звѣрей по неумѣреннымъ цѣнамъ и тѣмъ приводитъ ихъ въ бѣдность. Сверхъ того, когда они имѣютъ недостатокъ въ сѣбствныхъ припасахъ для себя и въ корму для собакъ, то онъ снабжаетъ ихъ тѣмъ и другимъ на весьма тягостныхъ условіяхъ, а именно, чтобы они лѣтомъ работали на него извѣстное время, и тѣмъ получаетъ десятирной барышъ. Такимъ образомъ онъ получаетъ нужное ему количество сѣна для скота и множество рыбы, которую, выждавъ время голода, опять отдаетъ камчадаламъ на тѣхъ же условіяхъ». И это также можно было встрѣтить во всѣхъ уголкахъ Сибири. Такими-то способами всѣ инородческія богатства, — ихъ мѣха, олени, рыболовные и лѣсные дачи переходятъ въ руки торгашей и промышленниковъ; инородцы превращались въ нищихъ, въ рабовъ, въ кабальниковъ. И счастливы еще были инородцы,

если ихъ разоряли и закабалили купцы и промышленники; инородцы, по крайней мѣрѣ, могли разсчитывать, что кабалители не дадутъ умереть имъ съ голода, поддержать ихъ существованіе. Но въ описываемое нами время большая часть торговли съ дикарями перешла въ руки чиновниковъ. Подъ тѣмъ предлогомъ, что купцы спаиваютъ инородцевъ водкой и выкупаютъ соболей, слѣдующихъ въ ясаки, въѣздъ купцовъ въ инородческія стойбища былъ стѣсненъ необходимостью брать билеты на этотъ въѣздъ. Многихъ купцовъ вовсе не пускали къ дикарямъ, а торговлю съ ними вели чиновники. Соединеніе въ одномъ лицѣ власти административной и торговой эксплуатаціи быстро разорило инородца. Нажившись, чиновникъ уѣзжалъ, а до пріѣзда новаго такого же кредитора инородецъ могъ умереть голодною смертію. Продажа инородцамъ хлѣба частными торговцами въ это время почти вовсе пала, и цѣны на муку стояли ужасныя. Губернаторъ Трескинъ забилъ себѣ въ голову какъ можно возвысить цифру капитала, состоявшаго изъ 200,000 р. и назначеннаго для закупки хлѣба къ казенные магазины. Посредствомъ довѣренныхъ чиновниковъ, преимущественно исправниковъ, онъ скупалъ у крестьянъ огромное количество хлѣба, по возможно дешевымъ цѣнамъ и до начала другихъ казенныхъ закупокъ. Съ наступленіемъ ихъ, цѣны на хлѣбъ необыкновенно возвышались; часто и по высокимъ цѣнамъ невозможно было достать хлѣба. Тогда Трескинъ продавалъ закупленный имъ хлѣбъ въ казенныя мѣста по возвышенной цѣнѣ. Запасы хлѣба у крестьянъ были истощены; какъ купцы, такъ и потребители принуждены были покупать хлѣбъ изъ казны по неимоверно высокимъ цѣнамъ. Трескинъ достигъ своей цѣли, въ нѣсколько лѣтъ капиталъ удвоился; запасные магазины были биткомъ набиты хлѣбомъ, а частная торговля совершенно подавлена. Эту торговлю убивала, кромѣ того, и самая система закупа хлѣба въ казну. Обязанные купить опредѣленное количество хлѣба, по опредѣленной цѣнѣ, чиновники-закупатели принуждены были всевозможными мѣрами стѣснять частную хлѣботорговлю, и тѣмъ быстро прокладывая въ инородческія стойбища путь опустошительному голоду.

Путемъ торговли и другими способами инородческое имущество переходило къ русскимъ. Инородцы бѣднѣли до того, что часто не имѣли возможности добыть себѣ другой пищи, кромѣ падали или толченой древесной коры. Иногда русскіе обыватели силой отнимали у нихъ все ихъ имущество, всѣ ихъ стѣсненные припасы и тѣмъ подвергали ихъ всѣмъ ужасамъ голодовки въ пустынной тундрѣ. Такъ въ началѣ настоящаго столѣтія часто голодовали русскіе жители безхлѣбной Гижиги. Начальство распорядилось продовольствовать ихъ посредствомъ отгона скота у окрестныхъ инородцевъ, изъ коихъ нѣкоторые имѣли по 10,000 оленей. По стопамъ начальства пошли и гижигинскіе обыватели; сотнями и тысячами въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ от-

гонялись олени; наконецъ инородцы совершенно разорились и разбрелись въ разныя стороны: кто въ другіе округи—искать пропитанія, а кто въ пустыню—умирать голодною смертію. И подобныя разорительныя потери главнаго инородческаго богатства—скота постоянно поражали инородцевъ. Скотъ погибалъ отъ изнурительныхъ работъ, отъ подводной гоньбы, отъ безкормицы; скотъ погибалъ въ то же время отъ сибирской язвы и другихъ опустошительныхъ эпидемій. А потерялъ инородецъ свой скотъ—значитъ, онъ потерялъ все. Ему не на чемъ выѣхать на отдаленную охоту или рыбную ловлю, не на чемъ привести дровъ для отопленія своей юрты, нечего, въ случаѣ крайней необходимости, зарѣзать на пищу. И счастливъ онъ, если эта потеря не доведетъ его до голодной смерти! На Колымѣ, въ концѣ описываемаго нами періода, подошли всѣ собаки; вслѣдствіе этого охота и рыбная ловля сдѣлались вовсе безуспѣшными; жители голодовали и страдали отъ изнурительныхъ работъ, исправлявшихся прежде посредствомъ собакъ. Погибель этихъ несчастныхъ была бы неизбежною, если бы не остались въ живыхъ два щенка, которыхъ одна женщина вскормила своею грудью и отъ которыхъ пошло новое племя собакъ. Вмѣстѣ съ потерей скота, инородцевъ часто поражала неудача рыбной ловли и охоты, неурожай ягодъ и кедровыхъ орѣховъ. Если бы они не были нищими то, конечно, переносили бы какъ-нибудь эти трудныя времена; но при теперешнемъ ихъ положеніи весьма многимъ изъ нихъ предстояло одно—голодная смерть. Инородцы разсыпались по тайгѣ одинокими семействами; у большинства ихъ не было ни скота, ни пороха, не свинца; питаясь падающею кореньями и древесною корой, многіе ихъ нищихъ доходили до совершеннаго изнеможенія, умирали въ пустыни голодною смертію, и ихъ трупы дѣлались добычею голодныхъ волковъ. Конечно, не всѣ инородцы не были обезопасены отъ подобнаго положенія; голодная смерть не грозила, напр., торгующимъ инородцамъ Западной Сибири, полуосѣдлымъ якутамъ, съ ихъ значительнымъ скотоводствомъ, и въ особенности нѣкоторымъ родамъ бурятъ, занимавшимся земледѣліемъ. Кочующіе въ окрестностяхъ значительныхъ русскихъ городовъ и поселеній, требовавшихъ много хлѣба, буряты еще въ XVIII в. начали понимать выгоды земледѣлія. Въ описываемый нами періодъ правительство старалось поощрять это стремленіе бурятъ, а Трескинъ даже силою заставлялъ ихъ братья за соху. И крутыя мѣры Трескина имѣли благотворный результатъ; даже въ то время многіе буряты не только сами были обезопасены отъ голодной смерти, но даже продовольствовались своимъ хлѣбомъ русскихъ. Но если не всѣмъ инородцамъ грозилъ голодъ, то всѣхъ ихъ равно поражали болѣзни—тифъ, оспа, сифилисъ, цынга. Вымирали, какъ мы увидимъ въ концѣ этой статьи, дѣльныя племена; другія племена, до корня волосъ зараженные сифилисомъ, навсегда теряли способность къ размноженію.

Въ подобныя времена, во времена эпидемій, го-

лода и голодной смерти между инородцами время отъ времени появлялось *людоедство*.

Г. Кривошапкинъ, въ своемъ «Описаніи Енисейскаго округа», ссылаясь на медика Яроцкаго, говоритъ, что на сѣверѣ Енисейской губерніи, въ холодной и безпріютной тундрѣ, существуетъ между инородцами особый родъ маніи—*жажда человеческой крови*. И это говоритъ медикъ, и это говоритъ компетентный знатокъ Енисейскаго округа!

По словамъ извѣстнаго знатока культуры Клемма, на низшихъ ступеняхъ культуры человѣкъ пожираетъ своего собрата только въ томъ случаѣ, если его побуждаетъ къ тому какая-нибудь сильная, необузданная страсть. Суевѣріе заставляетъ дикарей приносить въ умиловительную жертву разгнѣванному божеству людей и сѣдять ихъ мясо, какъ и мясо другихъ жертвенныхъ животныхъ. То же заставляютъ ихъ дѣлать пламенная ненависть, кровавая родовая месть и желаніе всецѣло истреблять своего врага съ кожею и съ мясомъ его. Чаше же всего причиною людоедства бываетъ голодъ и весьма естественное стремленіе избѣжать голодной смерти; на крайнемъ сѣверѣ это почти единственная причина людоедства. Сѣверное людоедство отлично характеризуется старинной гренландской сагой. Одно семейство, говоритъ эта сага, въ своихъ странствованіяхъ по отдаленнымъ землямъ встрѣтило людей, которые въ случаѣ голода убивали дряхлыхъ стариковъ и питались ихъ трупами. Они съ большею охотою убивали этихъ бесполезныхъ людей, чѣмъ своихъ полезныхъ собакъ. Подобные же факты можно встрѣтить и между инородцами Сибири. Не разъ умиравшіе съ голоду дикари убивали своихъ братьевъ и сѣдали даже свои семейства. Извѣстія о людоедствѣ у инородцевъ, напр., у тунгусовъ, сообщались иногда даже въ русскихъ газетахъ (*Сѣверная Пчела*, 18 января 1847 года). Въ началѣ настоящаго столѣтія факты эти были очень нерѣдки. Мы хотимъ здѣсь рассказать о голодѣ и людоедствѣ въ Туруханскомъ краѣ въ 1815—1816 г. Изъ нашего разсказа читатель увидитъ ясно, насколько справедливъ г. Кривошапкинъ, указывая, какъ на причину сибирскаго людоедства, на какую-то таинственную «жажду человеческой крови».

Кромѣ многочисленныхъ злоупотребленій, туруханскіе инородцы въ это время много страдали еще отъ безпорядочности податной системы. Переписанные въ 1763 г., они вплоть до ревизіи Спеканскаго принуждены были платить ясакъ по этой переписи. А между тѣмъ число ихъ съ 1763 г. значительно уменьшилось; въ нѣкоторыхъ волостяхъ отъ голода и болѣзней умерло цѣлыхъ $\frac{3}{4}$ инородческаго населенія, и оставшаяся $\frac{1}{4}$, при всей своей бѣдности, была принуждена платить ясакъ и за себя и за всѣхъ умершихъ, но числившихся еще по окладнымъ книгамъ, своихъ родичей. Это окончательно подрѣзало инородцевъ. Къ тому же, они часто въ это время имѣли неудачу въ своихъ звѣриныхъ промыслахъ, вслѣдствіе чего были принуждены питаться только пихтовою корою, воронами да падалью. Такая пища не столь-

ко поддерживала, сколько разрушала ихъ организмъ.

Стеченіе подобныхъ несчастій вело за собою частое повтореніе эпидемій и большую смертность. Такъ, въ 1813 г. въ Туруханскѣ начала свирѣпствовать эпидемическая горячка, отъ которой страдало цѣлыхъ двѣ трети городского населенія. Остатки, отправлявшіеся на звѣринныя ловли, имѣли нѣсколько хлѣба: но въ надеждѣ на счастливый уловъ дикихъ оленей, преимущественно употребляемыхъ ими въ пищу, и по крайней бѣдности, они за безцѣнокъ распродали всю эту муку тунгузамъ. Уловъ оленей не удался вовсе. Оборванные, истомленные, умиравшіе отъ голода остатки въ то же время были поражены горячкой. Эпидемія, по обыкновенію, навела на нихъ паническій страхъ и, не смотря на слабость ихъ изнуренныхъ силъ, заставила ихъ бѣжать въ село Монастырское. Но многіе не успѣли достигнуть этого селенія и умерли на дорогѣ, одни отъ голода, другіе отъ горячки. Пришедшіе же въ село Монастырское были спасены отъ голодной смерти частными людьми и начальствомъ.

Русское населеніе Туруханскаго края въ это время нисколько не было счастливѣе инородцевъ и не могло посредствомъ продажи хлѣба доставлять имъ пропитаніе. Хлѣбопашество въ Енисейскомъ и Туруханскомъ округахъ падало. Тягостная повинность исправленія дорогъ и мостовъ, обязательная бесплатная поставка дровъ на винокуренный заводъ, поборы, отдача въ заработки лицъ, на которыхъ числились хотя малѣйшія недоимки, — все это разоряло поселятъ и заставляло ихъ бросать и земледѣліе, и свои дома. Лица, сосланные въ эти мѣста за маловажныя преступленія, вмѣсто занятія земледѣліемъ или другими промыслами, были водворены по тракту отъ Енисейска до Туруханска и обязаны содержать здѣсь почтовую гоньбу. На каждой станціи было велѣно поселить по десяти семей, но вмѣсто того, при многихъ станціяхъ жило только по пяти и даже по два человѣка. Для проѣзда казаковъ и чиновниковъ, оленей и собакъ вовсе не было, а на лошадяхъ по тамашнимъ льдамъ и глубокимъ снѣгамъ ѣздить невозможно. Между тѣмъ проѣзжающіе требуютъ подводъ, и жившіе на станціяхъ люди были принуждены сами запрягаться вмѣсто оленей и тащить проѣзжающихъ лямкою верстъ по 80 и по 100. Голодъ, морозъ, изнуреніе преслѣдовали ихъ въ этомъ утомительномъ пути, изъ котораго они возвращались домой не ранѣе, какъ недѣли черезъ двѣ.

Упадокъ земледѣлія велъ за собою упадокъ хлѣбной торговли и чрезвычайную дороговизну муки. Такъ, священникъ села Тазовскаго продавалъ муку по 10 р. пудъ; въ деревнѣ Лебедской пудъ стоилъ 12—15 р., на Подкаменной Тунгузкѣ—8 р.; въ Енисейскѣ же въ это время пудъ стоилъ отъ 30 до 50 коп. При такихъ цѣнахъ хлѣбъ могли покупать одни богачи; бѣдные же только могли разсчитывать на покупку его изъ казенныхъ магазиновъ. Но и въ нихъ муки было очень мало. Въ мѣстностяхъ, которыя должны были продовольствоваться изъ казенныхъ магазиновъ е. Тазовскаго

и Часовни, въ это время жило 400 инородцевъ муж. пола, кромѣ ихъ семей и русскихъ жителей, также не имѣвшихъ хлѣба. Между тѣмъ казеннаго хлѣба въ эти мѣста доставлялось только по 150, даже по 80 пудовъ въ годъ; на каждаго человѣка приходилось по 3 или по 4 фунта въ годъ! Въ другихъ казенныхъ магазинахъ, кромѣ инбатскаго, количество муки было также незначительно. Всѣ эти магазины были разбросаны на огромномъ пространствѣ, часто верстѣ на 300, даже и на 800. Эта дальность разстоянія, особенно въ зимнее время, чрезвычайно затрудняла инородцевъ и русскихъ въ полученіи хлѣба изъ упомянутыхъ магазиновъ. За хлѣбомъ нужно было ходить за сотни верстѣ на лыжахъ въ сильныя вьюги и жестокіе морозы, затѣмъ тащить на себѣ нарту съ 4—5 п. муки и дорогою ее же употреблять въ пищу. Не только инородцы, даже казаки, жившіе въ этомъ краѣ для надзора за поселенцами, принуждены были ходить за провіантомъ пѣшкомъ отъ 75 до 225 верстѣ. Часто эти странники умирали на дорогѣ отъ изнуренія, голода или мороза. Мука въ казенныхъ магазинахъ стоила очень дорого; въ это время сибирское начальство всѣми мѣрами старалось объ умноженіи казеннаго запаснаго капитала и при продажѣ муки брало огромные проценты. Въ Туруханскомъ краѣ на пудъ муки бралось барыша отъ 1 р. 50 к. до 4 р. 90 к. Къ тому же, мука эта продавалась на фальшивый безмѣнъ, съ примѣсью льду и песку. Смотрители хлѣбныхъ магазиновъ увеличивали и безъ того огромныя казенныя цѣны надбавкою въ свою пользу; продавали хлѣбъ только людямъ достаточнымъ и всячески старались о своемъ личномъ обогащеніи. На долю бѣдныхъ инородцевъ весьма мало выпадало хлѣба. Два енисейскихъ купца старались помочь имъ своею благотворительностью, и одинъ изъ нихъ пожертвовалъ для бесплатной раздачи инородцамъ 500 пуд. муки; но почти вся эта мука была обращена въ собственность вахтеровъ. Инородцы получали ее, но получали по страшно дорогой цѣнѣ и съ неизбежными въ этомъ случаѣ злоупотребленіями.

Ко всѣмъ этимъ обстоятельствамъ присоединилась еще трехлѣтній неуровъ звѣрей (1814—1816 г.). Инородцы и русскіе питались падалью и пихтовой корой. Умирало съ голоду много дикарей и русскихъ, жившихъ по берегамъ Енисея. Трупы умершихъ голодною смертію валялись по тундрѣ, особенно около селеній. Около самаго Туруханска валялось безъ погребенія много труповъ, оторванные члены которыхъ растаскивались собаками по улицамъ города; туруханскій стряпчій, обратившій на это вниманіе городничаго, приложилъ при своемъ отношеніи къ нему руку и человѣческую голову, найденныя имъ на улицѣ. Но не одиѣ собаки питались мясомъ этихъ мертвецовъ, — имъ кормились также и инородцы, а русскіе кое-какъ продовольствовались кореньями, пихтовою корою, кониною.

Наконецъ, голодъ въ тундрѣ достигъ высшей степени; люди начали убивать и пожирать людей.

Такъ два крещеныхъ остяка съ матерью, сестрою и двумя братьями въ началѣ 1816 года откочевали въ глубь тундры. Мать ихъ отправилась вмѣстѣ съ дочерью въ село Тазовское за хлѣбомъ и рыбою, но вернулась съ пустыми руками и безъ дочери, объявивъ своему семейству, что она дорогой умерла; по всей вѣроятности, мать съѣла свою дочь. Вскорѣ умеръ съ голоду одинъ изъ ея сыновей; семья нѣсколько дней питалась его мясомъ. Вышло это мясо, и снова голодная смерть начинается угрожать несчастнымъ. Мать велѣла убить другого своего сына, съѣли и этого. И снова мучительный голодъ, и снова голодная смерть угрожаютъ несчастнымъ. Мать снова приказываетъ одному изъ оставшихся сыновей убить другого, и раздраженная его отказомъ, бросается на него съ ножомъ; но братья зарубили ее топоромъ и тѣломъ матери нѣсколько дней поддерживали свои слабыя силы. Они таскались по тундрѣ, отыскивая труповъ или живыхъ людей. Дорогою они наткнулись на тѣло остяка; съѣли его и, придя въ с. Тазовское, сами объявили обо всемъ, что сдѣлали, и отдались въ руки власти.

Въ это же время на р. Часолкѣ, въ 800 верстахъ отъ Тазовской церкви, кочевалъ остякъ съ женою, однимъ сыномъ и двумя дочерьми. Голодъ заставилъ родителей зарѣзать и съѣсть всѣхъ своихъ дѣтей и еще одного, встрѣтившагося имъ на дорогѣ остяка.

Подобныхъ случаевъ было много и въ другихъ мѣстахъ сѣверной украины Енисейской губерніи, но въ руки власти попались только немногіе люди. Закованные въ тяжелые кандалы, они были отосланы въ туруханскую тюрьму, въ которой они всѣ, кромѣ одного, и умерли, отъ дурного содержанія и обращенія съ ними, какъ доносилъ слѣдователь, аудиторъ Камаевъ.

Томскій губернаторъ, въ вѣдѣніи котораго состоялъ тогда Туруханскій край и который не обращалъ вниманія на положеніе его, донесъ по начальству «объ этомъ неслыханномъ злодѣяннѣ». Губернаторъ увѣрялъ, что причиною «злодѣяннѣ» былъ вовсе не недостатокъ въ хлѣбѣ, что казеннаго хлѣба достаточно для продовольствія инородцевъ, но что они, удалясь чрезмѣрно отъ запасовъ сихъ и не имѣя удачи въ промыслѣ звѣрей и рыбы, рѣшились *по жестокости нрава и невѣрію* на злодѣяннѣ, убѣждаясь притомъ сноенравіемъ, что дѣти есть ихъ собственность, которою они могутъ располагать по своей волѣ».

Въ указѣ командиру сибирскаго корпуса Глазенапу, Александръ I предписалъ произвести объ этомъ дѣлѣ точное слѣдствіе и «донести въ собственныя руки — не были ли доведены туруханскіе остяки до необходимости истреблять другъ друга упущеніемъ мѣстнаго начальства въ доставленіи имъ хлѣба?»

Глазенапъ послалъ на слѣдствіе аудитора Камаева, бумаги котораго служили намъ главнымъ источникомъ при изложеніи этого эпизода.

II.

РЕФОРМА СПЕРАНСКОГО И ЯСАЧНАЯ КОМИССИЯ 1828—1835 г.

До Сперанскаго все сибирскіе инородцы стояли въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ юридическаго быта. Неся общее названіе *иновѣрцевъ*, или *ясачныхъ*, они платили небольшую подать по окладнымъ книгамъ 1763 года, давали большія взятки и отбывали столько земскихъ повинностей, сколько требовалось съ нихъ по обстоятельствамъ. Количество законныхъ и незаконныхъ поборовъ съ инородцевъ было громадное. Большинство ихъ давно уже разорилось, и мы видѣли выше, какими ужасными послѣдствіями сопровождалось разореніе ихъ. Но не все инородцы были брошены въ такое горестное положеніе; многіе изъ нихъ, благодаря осѣдлой жизни, хлѣбопашеству или торговымъ оборотамъ, пользовались выгодами гораздо лучшаго положенія. Такимъ образомъ, находясь на различныхъ степеняхъ благосостоянія, инородцы несли совершенно одинаковыя тягости, по крайней мѣрѣ *de jure*, потому что *de facto* количество податей, повинностей и другихъ поборовъ измѣнялось сообразно съ различными обстоятельствами. По закону, умиравшіе съ голода остяки и тунгусы должны были платить столько же податей и отбывать столько же повинностей, какъ и зажиточные тобольскіе татары или земледѣльцы-буряты. Это обратило на себя вниманіе Сперанскаго и Батенькова, служившаго тогда въ Восточной Сибири и составившаго для сибирскаго уложенія инородческой уставъ. Батеньковъ и Сперанскій сочли необходимымъ раздѣлить туземцовъ, которыхъ съ ихъ легкой руки стали называть *инородцами*,—на три разряда—*осѣдлыхъ*, *кочующихъ* и *бродячихъ*.

Къ осѣдымъ, по сибирскому уложенію, принадлежатъ все тѣ, которые ведутъ осѣдлый образъ жизни, т.-е. живутъ въ городахъ и селеніяхъ. Это, во-первыхъ, торговые бухарцы и ташкентцы, во-вторыхъ, осѣдлые земледѣльцы, какъ, напр. бухтарминскіе татары и нѣкоторые бійскіе и кузнецкіе инородцы; въ-третьихъ, малочисленные роды, живущіе смѣшанно съ русскими и, въ-четвертыхъ, инородцы, сыздавна живущіе въ русскихъ деревняхъ, въ качествѣ крестьянскихъ работниковъ. (*Инород. уст.* § 1, 2).

Сюда не причисляются тѣ инородцы, которые хотя и живутъ въ постоянныхъ шалашахъ и землянкахъ, но по образцу своей жизни и по роду своихъ промысловъ относятся къ разряду кочевыхъ (§ 9). Все осѣдлые инородцы, какъ занимающіеся свойственными земледѣльцамъ промыслами, въ своихъ правахъ и обязанностяхъ *вполнѣ сравнены съ государственными крестьянами*, кромѣ одной рекрутчины (§ 17—23). Они дѣлятся на волости и на общихъ основаніяхъ выбираютъ своихъ волостныхъ властей (§ 88, 89). Если же инородческія поселенія, по своей незначительности, не могутъ составить особой волости, то причисляются къ ближайшей русской, равнымъ образомъ и живущіе разсѣянно по русскимъ де-

ревнямъ (§ 91—92). Уложеніе предписывало, чтобы устройство инородческаго быта на новыхъ основаніяхъ было окончено въ теченіе одного года.

Переводъ инородцевъ въ разрядъ осѣдлыхъ и окончательное уравниеніе ихъ въ правахъ и обязанностяхъ съ государственными крестьянами было окончено къ 1 января 1824 г. Все было сдѣлано чрезвычайно поспѣшно и тягостями осѣдлаго состоянія было обложено множество такихъ инородцевъ, которымъ эти тягости были совершенно не подѣ силу. Когда въ 1828 г. ясачная коммиссія спросила тобольскую казенную палату, какими соображеніями руководилось мѣстное начальство, переводя инородцевъ въ осѣдлые, то палата отвѣчала, что «этихъ свѣдѣній у нея нѣтъ». Коммиссія обратилась съ этимъ вопросомъ къ губернатору, и онъ объяснилъ, что, «при раздѣленіи инородцевъ на разряды, не было собираемо объ образѣ ихъ жизни никакихъ особенныхъ свѣдѣній, ибо въ самомъ уставѣ объ инородцахъ сказано, кто изъ нихъ въ какой разрядъ поступить долженъ, да и распредѣленіе ихъ по разрядамъ и обложеніе податями зависѣло не отъ благосостоянія ихъ, а отъ образа жизни и промышленности». Уже одно это странное противорѣчіе, заключающееся въ словахъ губернатора, показываетъ, что, переводя инородцевъ въ разрядъ осѣдлыхъ, мѣстное начальство руководилось самыми поверхностными соображеніями, вовсе не задаваясь вопросомъ, въ состояніи ли эти инородцы уплачивать подати и отбывать повинности, сопряженныя съ переходомъ въ осѣдлое состояніе? Между тѣмъ, это былъ вопросъ первой важности, и если бы имъ занялись тогда какъ слѣдуетъ и рѣшили справедливо, то множество инородцевъ было бы спасено отъ разоренія. Впрочемъ, нужно замѣтить, что главный упрекъ за поверхность соображеній, служившихъ основаніями для раздѣленія инородцевъ на разряды, долженъ пасть на головы Батенькова и Сперанскаго. Они должны были самымъ точнымъ образомъ обозначить тѣхъ инородцевъ, которыхъ надлежало перевести въ разрядъ осѣдлыхъ, а главнымъ образомъ указать общія начала, которыми мѣстное начальство должно было руководствоваться при этомъ переводѣ. Ни того, ни другого уложеніе не указываетъ въ точности. Намъ даже кажется, что Батеньковъ и Сперанскій сами не имѣли яснаго и отчетливаго представленія о томъ, какихъ именно инородцевъ слѣдуетъ перевести въ осѣдлые. Подробно перечисляя тѣхъ, которыхъ слѣдуетъ оставить въ кочевыхъ и бродячихъ, относительно осѣдлыхъ уложеніе ограничивается, какъ мы видѣли, самыми общими указаніями и при этомъ впадаетъ даже въ забавную ошибку, относя къ осѣдымъ какихъ-то *бухтарминскихъ татаръ*,—племя, во все не существующее! Вѣроятно, уложеніе разумѣло подѣ ними русскихъ колонистовъ, извѣстныхъ подѣ названіемъ *каменщиковъ*. Далѣе уложеніе относитъ къ осѣдымъ всехъ инородцевъ, живущихъ издавна въ работѣ у крестьянъ, т.-е. тѣхъ несчастныхъ пролетаріевъ, которые, разорившись, попали въ кабалу къ крестьянамъ и для которыхъ

даже прежнія подати и повинности были чрезвычайно тягостны. Наконецъ, уложеніе, при переводѣ инородцевъ въ осѣдлые, предписывало обращать вниманіе не на степень благосостоянія туземцевъ, а на образъ жизни, приближающій ихъ къ образу жизни русскихъ земледѣльцевъ. Это была самая крупная ошибка. Инородцы Тобольской губерніи, предназначенные къ переводу въ осѣдлые, по словамъ ясачной комиссіи, не могли удовлетворять требованіямъ осѣдлаго быта. «Въ разное время они продали и заложили русскимъ крестьянамъ и торгующимъ бухарцамъ многіе участки своихъ земель. Весьма рѣдкіе изъ нихъ занимались хлѣбопашествомъ; они мало предпринимали мѣръ и къ увеличенію скотоводства. Главное продовольствіе ихъ была рыба, а промыселъ—звѣрованье. Но съ нѣкотораго времени и рыбные, и звѣриные промыслы ихъ оскудѣли и изъ постоянныхъ сдѣлались только случайными». Ескалбинская волость, сдѣланная осѣдлою, хотя и вела осѣдлую жизнь, но вовсе не могла заниматься хлѣбопашествомъ, по причинѣ своей болотистой почвы, неспособной къ земледѣлію. Ескалбинцы питались рыболовствомъ, но и этотъ источникъ продовольствія прекратился, влѣдствіе отбора въ казну четырехъ озеръ. И этихъ нищихъ ескалбинцевъ перевели въ осѣдлые! Точно также были переведены въ осѣдлые тарскіе татары. «Уплачивая подати и повинности,—писали они въ своемъ прошеніи,—мы не имѣемъ успѣха въ хлѣбопашествѣ, да и къ нему не сродны, а занимаемся рыбною ловлею около своего мѣста, да и то мало, для своего пропитанія, а скотоводство отъ большихъ нынѣ упадковъ никакъ развести не можно, почему и приходимъ въ немалое разореніе». Тобольскіе захребетные татары также считали себя «крайне обиженными и стѣсненными, влѣдствіе обращенія ихъ въ государственные крестьяне». Въ такомъ же положеніи находились осѣдлые инородцы всѣхъ остальныхъ волостей. Такъ, инородцы Томскаго округа, обращенные въ 1824 г. въ осѣдлые, найдены ясачной комиссіей «въ совершенной бѣдности», въ худшемъ еще положеніи, чѣмъ инородцы Тобольской губерніи. Они были такъ же бѣдны, какъ и кочевые инородцы, и сдѣланы осѣдлыми только потому, что мѣстное начальство, не входя въ серьезныя соображенія, строго держалось буквы 2-го § инородческаго устава. Въ особенности страшно ошиблись и составители уложенія и мѣстные начальники, переводя въ разрядъ осѣдлыхъ тѣхъ инородцевъ, которые издавна поселились въ деревняхъ для работы у крестьянъ или «живутъ скѣпшанно съ россиянами». Большинство этихъ инородцевъ состояло буквально изъ нищихъ, которые закармливали себя крестьянамъ и, получая отъ нихъ скудное пропитаніе да дрянную одежду, работали

на нихъ совершенно даромъ. Прежде крестьяне охотно уплачивали за нихъ подати, по ихъ незначительности; теперь же, съ увеличеніемъ податей, крестьяне или не хотѣли, или не могли платить двойные крестьянскіе оклады, и за себя, и за своего работника инородца. Между тѣмъ земская полиція требовала съ этихъ пролетаріевъ податныхъ и повинностныхъ взносов, заставляя ихъ лишаться остального своего имущества для уплаты части этихъ сборовъ, а за оставшуюся недоимку отдавали ихъ въ заработки. Съ какою непростительною небрежностью производился тогда переводъ въ осѣдлые инородцевъ этого разряда, показываютъ просьбы инородцевъ тридцати волостей тогурскаго отдѣленія. Изъ этихъ просьбъ видно, что нѣкоторые изъ инородцевъ «хотя и проживали издавна въ русскихъ селеніяхъ, но не по особеннымъ какимъ-либо видамъ, а единственно по бѣдности, изъ скудной заработной платы и даже часто изъ одного продовольствія хлѣбомъ, или, войдя случайно въ задолженіе у крестьянъ, по необходимости оставались въ домахъ ихъ работниками». Другіе «только въ лѣтнее время занимались работами въ русскихъ селеніяхъ, а съ наступленіемъ осени и въ продолженіе зимы занимались постоянно звѣриными промыслами въ дачахъ своихъ кочевыхъ волостей». Инородцы же Васюганской волости «никогда не проживали въ русскихъ селеніяхъ, но во время переписки 1823 г. кочевали въ отдаленныхъ мѣстахъ, на границахъ округовъ Тарскаго и Каинскаго». Остальные же инородцы, желая дѣлать опыты въ земледѣліи и не имѣя въ своихъ дачахъ способныхъ къ тому мѣстъ, переходили на крестьянскія земли и дѣйствительно занимались земледѣліемъ; одни, для этого, проживали въ однихъ и тѣхъ же селеніяхъ многіе годы, другіе, напротивъ, переходили изъ однихъ въ другія. Всѣ эти инородцы объясняли, что если они и оставили кочевья свои, то «единственно въ увѣренности, что чрезъ сіе не будутъ они отторгнуты отъ волостей своихъ», и что «они никогда бы себѣ не дозволили отдѣляться отъ прочихъ родовъ, если бы могли предвидѣть, что за вышесказанное бродяжество, по смыслу устава 1822 г., будутъ они лишены правъ тѣхъ кочевыхъ волостей, къ коимъ они принадлежали».

Вообще, выражаясь словами комиссіи, при обращеніи инородцевъ въ осѣдлые, «не были приняты въ соображеніе, съ одной стороны, бѣдность и нищета ихъ, съ другой стороны, важность налоговъ, съ новымъ званіемъ на нихъ падавшихъ».

Число инородцевъ, переведенныхъ въ 1824 г. въ осѣдлые, такъ распредѣлялось по сибирскимъ губерніямъ:

Въ Тобольской губ.:

торгующихъ	1,129 м. п.	1,116 ж. п.
земледѣльцевъ	14,818 м. п.	13,556 ж. п.

Въ Томской губ.:

торгующихъ	168 м. п.	151 ж. п.
земледѣльцевъ	5,767 м. п.	5,209 ж. п.
Всего	5,935 м. п.	5,360 ж. п.

Въ Енисейской губ.:

земледѣльцевъ	580 м. п.	610 ж. п.

Въ Иркутской (съ Забайкальемъ):

земледѣльцевъ	8,191 м. п.	7,653 ж. п.
Въ Якутской области	11 м. п.	6 ж. п.

Всего въ Сибири 30,664 м. п. 28,301 ж. п.

Каково же было положеніе этихъ инородцевъ, зачисленныхъ въ государственные крестьяне.

До 1824 г. они уплачивали въ сложности около 1 р. 50 коп. съ души ясачной подати. Въ этомъ же году, съ переводомъ ихъ въ разрядъ осѣдлыхъ, количество подати разомъ было возвышено до 11 р. съ души да постольку же за умершихъ съ ревизіи 1816 г., престарѣлыхъ и увѣчныхъ. Къ этому еще присоединились денежные сборы на земскія повинности, достигавшіе также значительныхъ размѣровъ. По расписанію 1824—1825 г. на земскія повинности взымалось по округамъ Тюменскому, Ялуторовскому и Тобольскому по 6 р. 8 к. съ души, по Тарскому 4 р. 87 к., по волостямъ Есрабинской и Бабаянской по 3 р. 65 к. Всего же, круглымъ числомъ, инородцы Тобольской губерніи, по исчисленію ясачной комиссіи, вмѣсто прежнихъ 1 р. 50 к., должны были съ 1824 г. платить податей и земскихъ повинностей по 20 р. съ души. Въ другихъ губерніяхъ количество сборовъ увеличивалось въ такой же степени. Такъ, напр., инородцы Томскаго округа обязаны были уплачивать около 18 р. съ души. Въ первый же годъ можно было бы понять, что инородцы не въ состояніи вносить такого количества налоговъ: недоимка равнялась цѣлой половинѣ сборовъ. Съ осѣдлыхъ инородцевъ Тобольской губ. по старому окладу слѣдовало въ годъ 15,977 р. 45 к. Если бы они остались на этомъ окладѣ, то съ 1824 по 1832 г. должны были бы уплатить 127,819 р. По новому же окладу съ нихъ причиталось за эти восемь лѣтъ податей и денежной повинности 1,359,845 р. Инородцы смогли уплатить въ счетъ этой громадной суммы только 735,397 р. Слѣдовательно, къ 1832 г. въ недоимкѣ за ними состояло 624,648 р. Въ такой же степени росли недоимки осѣдлыхъ инородцевъ другихъ округовъ. На осѣдлыхъ Томскаго округа къ 1831 г. недоимки было 121,181 р. На инородцахъ Орской волости къ 1833 г. состояло 2,042 р. Въ Бійскомъ округѣ къ 1832 г. недоимки было 9,985 р. — По изслѣдованіямъ ясачной комиссіи, главною причиною накопленія недоимки была крайняя несоразмѣрность налоговъ со степенью инородческаго благосостоянія; но были по мѣстамъ и другія причины. Въ Бійскомъ, напр., округѣ счета по уплатѣ податей и повинностей велись крайне неисправно, и

вслѣдствіе этого на нѣкоторыхъ волостяхъ числилось много лишней недоимки. Такъ, на инородцахъ кокшинскаго улуса, причисленныхъ къ русской Смоленской волости, числилось 3,648 р., между тѣмъ какъ въ дѣйствительности состояло только 494 р., остальные же были записаны на нихъ волостными властями, желавшими свалить на нихъ недоимку, состоявшую на русскихъ обывателяхъ. На инородцахъ Бухтарминской в. было записано 1,540 р., слѣдовавшихъ со Смоленской же волости. Въ 1831 г. къ Смоленской волости приписано 34 новыхъ души и открыто незаписанныхъ въ ревизію 9 ч.; вслѣдствіе этого записано за разъ недоимки на всю волость 3,311 р., слѣдовавшихъ съ упомянутыхъ сорока трехъ человѣкъ. На нѣкоторыхъ волостяхъ другихъ округовъ также иногда записывалась недоимка, принадлежавшая вовсе не имъ. Причину этого комиссія видитъ въ спутанности дѣлъ, небрежности земской полиціи и наивной довѣрчивости инородцевъ.

Кромѣ упомянутыхъ денежныхъ сборовъ, инородцы должны были отбывать еще много натуральныхъ повинностей, — содержать обывательскую подводную гоньбу, исправлять дороги, строить мосты, гати и т. д. Въ Тобольской губ. въ 1824 г. велѣно было еще взымать земскія повинности за два года разомъ. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ къ этому присоединился неурожай и падежъ скота. Инородцы очутились въ самомъ горестномъ положеніи. Самый способъ взиманія податей и отбыванія натуральной повинности былъ сопряженъ съ пагубными строгостями и большими злоупотребленіями. Ясачная комиссія замѣчаетъ, что «земскіе чиновники Бійскаго и другихъ округовъ являлись къ инородцамъ не защитниками, но утѣшителями, такъ что одинъ уже слухъ о пріѣздѣ земскаго чиновника наводилъ на всѣхъ преждевременный страхъ». Вотъ, напр., осѣдлые инородцы бѣдной Ескалбинской волости издержали съ 1824 г. по 1831 г. 600 р. на одни только подарки казакамъ, ѣздившимъ за сборомъ податей и повинностей; «сверхъ того, они исправляли подѣ деревней Сорокиной мостъ, стояцій 1,800 р., земскую подводную гоньбу наймомъ за 320 р. и находились въ 1825 г., въ страдное время, въ рабочіе дни, при исправленіи трактовой дороги, отчего лишились и послѣдняго достоянія своего». Отлично

рисуетъ разсматриваемый нами предметъ въ просьбѣ Государю тобольскихъ инородцевъ. «При введеніи въ исполненіе устава о сибирскихъ губерніяхъ, народъ ясачный неожиданно увидѣлъ себя обложеннымъ податями, денежными и натуральными повинностями, наравнѣ съ государственными крестьянами. Строгія мѣры, принимаемыя мѣстными начальствами при взысканіи податей, довели цѣлая волости до бѣдственнаго положенія. Народъ ясачный, побуждаемый такими мѣрами къ исполненію новыхъ обязанностей и желая избѣгнуть истязаній, продавалъ свой скотъ и имущество и впалъ въ совершенную нищету, которую довершило тобольское начальство. На содержаніе большихъ трактовыхъ дорогъ, устройство гатей, мостовъ и рѣчныхъ переправъ съ насъ было собрано въ 1824—1826 г. деньгами по 13 р. съ каждой души. И сверхъ оныхъ благоугодно было тобольскому губернскому начальству употребить ясачный народъ почти поголовно на работы для улучшенія дорогъ, мостовъ и переправъ, съ приготовленіемъ лѣсу, который, гдѣ оного нѣтъ, покупался на счетъ волостей и селеній. Сверхъ того, народъ ясачный натурою наряжается къ исправленію земской и этапной подводной гоньбы, стоящей по найму значительныхъ суммъ». Нѣкоторыя волости отбывали даже двойныя земскія повинности, въ двухъ различныхъ округахъ. Такъ, инородцы Ачирской волости, жившіе въ Тюменскомъ округѣ, отбывали здѣсь натуральныя повинности; но они были причислены къ Ескабинской волости Тобольскаго округа, ихъ заставляли отбывать повинности и по этой волости: они участвовали здѣсь въ подводной гоньбѣ, въ исправленіи дорогъ и мостовъ, въ содержаніи волостного правленія. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ, гдѣ осѣдлые инородцы жили смѣшанно съ русскими, послѣдніе сильно эксплуатировали ихъ, вваливая на нихъ большую половину слѣдующихъ съ волости податей и повинностей. Это было замѣчено въ особенности въ Бійскомъ округѣ. Такъ, причисленные къ Смоленской волости инородцы жаловались, что отъ вмѣшательства во внутреннее ихъ управленіе русскихъ головъ и старостъ терпятъ они всегдашнія притѣсненія. Смоленское волостное правленіе раскладываетъ на нихъ подати и повинности за такихъ инородцевъ, коихъ они, просители, не только не знаютъ, но даже никогда о нихъ и не слыхали». Многіе инородцы, приписанные къ русскимъ волостямъ, жили отъ нихъ въ отдаленіи, а это чрезвычайно затрудняло ихъ въ отбываніи натуральной повинности. Такъ, инородцы, разсѣянные по восточной и западной сторонамъ Катуні, исправляли на станціи Иконниковой подводную гоньбу; «но такъ какъ селенія ихъ отстоятъ отъ Иконниковой на 100—150 в. и притомъ раздѣлены рѣками Катуней и Бией, затрудняющими отправленіе сей повинности, то въ народѣ ихъ, разсѣянномъ повсемѣстно, произошли такіе недоимки и несправности, которыхъ никакъ невозможно поправить». Во всѣхъ другихъ инородческихъ волостяхъ Бійскаго округа, по словамъ ясачной ко-

миссіи, «бѣдность осѣдлыхъ болѣе и болѣе увеличивается отъ усиленныхъ земскою полиціей сборовъ». Сами инородцы въ своихъ многочисленныхъ просьбахъ говорили то же самое и просили о дарованіи имъ льготъ въ податяхъ и повинностяхъ. И замѣчанія комиссіи, и инородческія просьбы равнымъ образомъ свидѣлствуютъ, что вниманіе податей и отбываніе повинностей и во всѣхъ другихъ округахъ сопровождалось тѣми же результатами и носило тотъ же характеръ, какъ и въ округахъ Тобольской губерніи. Только о земской полиціи Томскаго округа ясачная комиссія замѣчаетъ, что она не отличалась дѣятельностью во взысканіи налоговъ. Земскіе чиновники, по увѣренію инородцевъ, нѣкоторыхъ волостей вовсе не посѣщали. Томскій исправникъ на требованіе ясачной комиссіи доставить ей маршрутъ для поѣздки въ Малокорховскую волость чистосердечно признался, что «мѣстопробываніе оной волости ему неизвѣстно, и только черезъ повтореніе требованія путь къ ней имъ указанъ». Но если не дѣйствовали исправники, то дѣйствовали казаки, посылаемые за сборомъ податей и повинностей; не даромъ же положеніе томскихъ инородцевъ комиссія нашла гораздо худшимъ, чѣмъ положеніе тобольскихъ. Здѣсь иногда заставляли осѣдлыхъ инородцевъ отбывать даже рекрутскую повинность, вопреки прямому закону Сибирскаго Уложенія.

Еще разорительнѣе податей и повинностей дѣйствовало на инородцевъ взысканіе недоимокъ, производившееся часто при помощи такихъ средствъ, которыя не только что не дозволялись, но прямо запрещались уложеніемъ. По словамъ отчета комиссіи, это взысканіе производилось только двумя способами: 1) публичной продажей домашнего скота и прочаго имущества и 2) принужденіемъ рубить дрова и строевой лѣсъ для продажи, а въ Тобольской губерніи этихъ должниковъ посылали еще на судахъ въ Кориковъ для перевоза соли. «Но сіи средства—замѣчаетъ комиссія—не могли быть вѣрными, ибо цѣны на дрова и по наймамъ на судахъ до того упали, что не могли уже вознаграждать труда, а ежегодное повтореніе публичной продажи имущества служило къ конечному разоренію инородцевъ. Между тѣмъ, усѣхи земледѣлія въ теченіе шести лѣтъ почти не примѣтны, тогда какъ единственно черезъ усиленіе сей промышленности имъ возможно было привести себя въ состояніе быть полезными себѣ и правительству».

При самомъ началѣ введенія инородческаго устава инородцы, сдѣланные осѣдлыми, начали хлопотать объ отмѣнѣ этого устава. Они заваливали своими просьбами и присутственныя мѣста, и генералъ-губернаторовъ, и сибирскій комитетъ, и ревизовавшихъ Сибирь сенаторовъ; нѣсколько просьбъ было подано даже Государю. Въ большинствѣ этихъ просьбъ объясняется тяжесть новаго положенія и непригодность его для инородческаго быта. Вотъ, напр., тобольскіе инородцы пишутъ, что уложеніемъ Сперанскаго «народъ ясачный отличенъ отъ такого же въ Сибири обитающаго кочеваго и бродячаго наименованіемъ осѣдлыхъ инородцевъ и

сопричисленъ къ крестьянамъ. Хотя сей ясачный народъ, кромѣ постоянныхъ жилищъ своихъ, весьма незначительнымъ хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ отъ кочевыхъ и бродячихъ инородцевъ отличается, но ни въ образѣ жизни, ни въ промышленности звѣриной и рыбной, природою и воспитаніемъ внушенной, ни въ чемъ не разнствуется и пребываетъ въ неизмѣнномъ и первобытномъ состояніи... Народъ ясачный, доведенный до нищеты, повергается къ священнымъ стопамъ вашего величества съ умоленіемъ воззрѣть на страданія его милосерднымъ окомъ и всемилостивѣйше утвердить манифестъ, состоявшійся въ 15 день февраля 1763 г.» Инородцы Колыванскаго округа также объясняли въ своемъ прошеніи, что «новое положеніе не сообразно съ родомъ ихъ жизни и совершенно несвойственно самообдѣйшему ихъ положенію, которое до того простирается, что они не только не могутъ отбывать этихъ налоговъ, но съ великою нуждою и большимъ трудомъ снискиваютъ для себя дневное пропитаніе и самообдѣйшую одежду». Многіе инородцы, кромѣ того, ссылались въ своихъ просьбахъ на льготы, высочайше дарованныя ихъ предкамъ, и заявляли, что Уложеніе Сперанскаго нарушаетъ эти льготы и уничтожаетъ дарованныя имъ привилегіи. На этой юридической почвѣ стояли въ особенности тарскіе татары, торговые бухарцы, тащкентцы и другіе выходцы изъ Средней Азіи, принявшіе въ разное время русское подданство и за то награжденные привилегіями. Ходатайство объ отмѣнѣ новаго положенія, не достигая желанныхъ инородцами результатовъ, только содѣйствовало ихъ разоренію. На отправку въ губернскіе города или въ Петербургъ своихъ довѣренныхъ ходатаевъ, на ихъ содержаніе, на разные подарки лицамъ, могшимъ имѣть вліяніе на это дѣло,—инородцы тратили много денегъ, продавая для этого свои пожитки и входя въ долги. Говорятъ, что причина обѣдненія барабинцевъ была не столько во введеніи ихъ въ разрядъ осѣдлыхъ, сколько въ хлопотахъ о переводѣ ихъ обратно въ кочевые. Злоупотребители пользовались этими хлопотами инородцевъ и ихъ готовностью не жалѣть на это денегъ. Иногда сами довѣренные инородцевъ употребляли въ свою пользу значительныя суммы, данныя имъ на ходатайство по дѣлу. Иногда пользовались этими хлопотами для грубыхъ вымогательствъ. Такъ, въ 1835 г. инородцы Ашкиштынской волости жаловались на засѣдателя земскаго суда Затинщикова, который угрозами и побоями вымогалъ у нихъ въ подарокъ для себя 1,000 руб., и, получивъ въ число ихъ 400 р., объявилъ всему обществу, «чтобы они никакихъ податей никому не платили, съ обѣщаніемъ ходатайствовать объ избавленіи ихъ отъ оныхъ». Вся настойчивость инородческихъ хлопотъ, всѣ сопряженныя съ ними пожертвованія не привели ни къ чему. Сибирскій комитетъ въ своемъ журналѣ 20 декабря 1826 г. постановилъ слѣдующее: «1) Выгоды, коими нынѣ пользуются просители равны выгодамъ крестьянскаго и другихъ сословій, и поэтому нѣтъ никакой справед-

ливости оставлять ихъ долѣе при платежѣ подати 1763 г., не имѣющей никакого равенства съ платимою русскими, находящимися въ сихъ же самыхъ условіяхъ. 2) Тѣми грамотами и указами, на кои ссылаются просители, не было имъ присвоено никакихъ особенныхъ правъ, кромѣ свободы отъ рекрутства, которая подтверждена и указомъ 1822 г... Просьбы сіи сибирскій комитетъ отвергаетъ, а льготныя грамоты уничтожаетъ».

Перейдемъ теперь къ положенію инородцевъ кочевыхъ и бродячихъ.

Къ *кочующимъ* уложеніе отнесло кочевыхъ земледѣльцевъ, скотоводовъ и промышленниковъ, т.-е. бурятъ качинцевъ; часть инородцевъ бійскихъ и кузнецкихъ; сагайцевъ, нижнеудинскихъ, енисейскихъ, баргузинскихъ и киренскихъ тунгузовъ; якутовъ; нарымскихъ, березовскихъ и обскихъ остяковъ (§ 3). Къ *бродячимъ* отнесены инородцы охотскіе, гижигинскіе, камчатскіе, коряки, юкагиры, алеуты, карагасы, обдорскіе самоѣды, туханскіе инородцы (§ 4). Каждое *кочевое* стойбище, состоящее изъ 15 семей, имѣетъ свое родовое управленіе, стойбища же меньшаго объема причисляются къ ближайшимъ управленіямъ; родовое управленіе состоитъ изъ старосты и одного или двухъ помощниковъ (§ 94—96), выбираемыхъ изъ лучшихъ родовичей. Всѣ дѣла въ родовыхъ управленіяхъ производятся словесно. Нѣсколько стойбищъ со своими родовыми управленіями подчиняются инородной управѣ, которая состоитъ изъ головы, двухъ выборныхъ и писмоводителя, если только есть средства для его содержанія (§ 101, 103—105). Инородныя управы относятся къ мѣстамъ земской полиціи и получаютъ ея предписанія. Многіе роды, соединяемые въ общую зависимость, имѣютъ свою степную думу. Она составляется изъ главнаго родоначальника, нѣсколькихъ выборныхъ засѣдателей и писмоводителя. Обязанности думы въ народонасчисленіи, въ раскладкѣ сборовъ, въ правильномъ учетѣ всѣхъ общественныхъ суммъ и имуществъ, въ распространеніи земледѣлія и народной промышленности и въ ходатайствѣ у высшаго начальства о пользѣ родовичей (§ 114, 117, 119). Инородныя управы, а гдѣ нѣтъ ихъ, то родовыя управленія непосредственно подчиняются земскимъ судамъ или отдѣльнымъ засѣдателямъ, а степныя думы—общимъ окружнымъ управленіямъ (§ 157—160). Старосты, помощники ихъ, головы выборные, засѣдатели степныхъ думъ, старосты на ярмаркахъ и главные родоначальники не получаютъ отъ своихъ родовичей никакого вознагражденія за свою общественную службу. Жалованье же писмоводителю составляется раскладкою съ родовичей. Тою же раскладкою составляются суммы на постройку или ремонтъ общественныхъ зданій, на содержаніе школъ и покупку канцелярскихъ припасовъ для управъ и степныхъ думъ. При смѣнѣ главнаго родоначальника новый утверждается въ своей должности генералъ-губернаторомъ, а старосты, выборныя головы и засѣдатели въ думахъ утверждаются губернаторомъ. Препятствіями къ утвер-

денію избраннаго или наслѣдовавшаго извѣстную должность по родовому обычаю лица, считаются собственнымъ отказъ его, негосласіе на выборъ его большинства родовичей или доказанное судомъ худое его поведеніе. Право удалять отъ должности лицъ, составляющихъ степное управленіе, принадлежитъ губернаторамъ, а главныхъ родоначальниковъ удаленію генераль-губернаторъ. Причиною удаленія служить уголовное преступленіе, злоупотребленіе по должности, просьба инородцевъ (§ 142, 144, 145—148, 150, 154, 157, 160). Кочующіе инородцы имѣютъ назначенныя каждому роду во владѣніе земли, которыя раздѣляются ими между собою совершенно самостоятельно по ихъ обычаямъ. Они могутъ совершенно свободно заниматься на своихъ земляхъ земледѣліемъ, скотоводствомъ или другими промыслами. Русскимъ весьма строго запрещается селиться на инородческихъ земляхъ; они, впрочемъ, могутъ снимать ихъ въ аренду у инородческихъ обществъ (§ 26—31). За кражу и другія менѣе важныя преступленія инородцы судятся по своимъ степнымъ законамъ и обычаямъ, каждому племени свойственнымъ, и только за возмущеніе, намѣренное убійство, грабежъ, насиліе, фабрикацію фальшивой монеты и кражу казеннаго или общественнаго имущества они судятся русскимъ судомъ, по уголовнымъ законамъ. Кочевые инородцы платятъ подати по особому положенію съ числа душъ, которое опредѣляется общей ревизіей. Губернаторы въ сентябрѣ мѣсяцѣ составляютъ для слѣдующаго года подробныя смѣты всѣхъ сборовъ, слѣдующихъ съ инородцевъ. Утвержденные главнымъ управленіемъ, эти смѣты черезъ казенныя палаты рассылаются по степнымъ думамъ или родовымъ управленіямъ, которыя опредѣляютъ для каждой семьи степень участія въ этомъ сборѣ деньгами или звѣриными шкурами (§ 32—39, 306—310). Такъ составляются только смѣты податей и земскихъ повинностей, раскладка же внутреннихъ повинностей опредѣляется степною думою или общественнымъ приговоромъ инородцевъ. Родовое управленіе обязано озаботиться, чтобы къ опредѣленному въ законѣ сроку имѣть полное количество сбора деньгами или звѣриными шкурами. Земское начальство собираетъ подати не непосредственно съ инородцевъ, а только посредствомъ родового управленія. Для облегченія живущихъ въ отдаленіи инородцевъ, сборы съ нихъ принимаются на ярмаркахъ или сугланахъ земскими чиновниками, посылаемыми туда, или благонадежными казаками. При взиманіи подати звѣриныя шкуры должны быть переводимы на денежный счетъ, по установленной таксѣ. Эта такса составляется на каждое трехлѣтіе губернскимъ начальствомъ и утверждается главнымъ управленіемъ. Рухлядь же особенно дорогая оцѣнивается въ общихъ окружныхъ управленіяхъ. Инородцы, кочующіе въ отдаленіи, могутъ вносить повинности и не тому начальству, какъ означено въ расписаніи, а ближайшему. Это въ особенности касается бродячихъ инородцевъ, которые могутъ сдавать свои подати въ другихъ уѣз-

дахъ, даже и въ другихъ губерніяхъ, чѣмъ назначено въ расписаніи. Количество сборовъ можетъ быть различно для каждого племени инородцевъ, по роду и размѣрамъ ихъ промысловъ (§ 331—338, 339, 366, 302). Кочующіе инородцы участвуютъ въ общихъ по губерніи повинностяхъ, кромѣ штемпельныхъ и гербовыхъ пошлинъ и рекрутчины; впрочемъ, инородческіе казачьи полки, учрежденные для содержанія пограничныхъ карауловъ, комплектуются попрежнему. Бродячіе инородцы освобождаются отъ всѣхъ денежныхъ земскихъ повинностей, равно какъ и инородцы, не совершенно зависящіе (напр., чаукчи); но послѣдніе, гдѣ есть такой обычай, обязаны нести особую старинную повинность—давать аманатовъ (§ 40—44, 62, 167). Относительно подводной повинности, всегда имѣвшей огромное вліяніе на судьбу сибирскихъ инородцевъ, уложеніе дало слѣдующее правило: надлежитъ вообще стараться, чтобы разъѣзды русскихъ властей по стойбищамъ инородцевъ были какъ можно рѣже, и никогда не требовать большого числа подводъ. Разъѣзды земскихъ чиновниковъ и казаковъ допускаются только для ревизіи управленія, для слѣдствія по сбору податей, для надзора за порядкомъ на ярмаркахъ. Впрочемъ, все-таки нужно замѣтить, что уложеніе допускаетъ довольно много разъѣздовъ; такъ, оно полагаетъ, что для одной только ревизіи управленія земское начальство можетъ посѣщать стойбища кочующихъ инородцевъ *шесть* разъ въ годъ, а бродячихъ однажды въ годъ. Кромѣ того, на кочующихъ инородцевъ ложится также содержаніе и исправленіе дорогъ, мостовъ и перевозовъ, въ мѣстахъ же мало или вовсе ненаселенныхъ русскими, напр., въ Охотскомъ краѣ, кочевые инородцы обязаны содержать и почтовые станціи, получая пособія изъ общихъ земскихъ сборовъ (§ 236—238).

Предшествующее изложеніе устава о кочевыхъ и бродячихъ инородцахъ показываетъ, что реформа Сперанскаго коснулась ихъ довольно поверхностно и, во всякомъ случаѣ, не въ такой степени, какъ тѣхъ инородцевъ, которыхъ реформаторъ считалъ нужнымъ перевести въ разрядъ осѣдлыхъ. Кочевые и бродячіе инородцы были оставлены при тѣхъ же податяхъ, при тѣхъ же вообще обязанностяхъ, какія были опредѣлены еще въ 1763 г. Щербачевымъ. Со времени Щербачева окладныя инородческія книги не пересматривались, и отъ этого въ сборѣ податей царили страшныя и вредныя для инородцевъ безпорядки. Роды, чрезвычайно увеличившіеся съ 1763 г., платили подать съ прежняго числа душъ; напротивъ, роды почти вовсе вымершіе платили и за всѣхъ своихъ умершихъ родовичей. Такъ, ясачная комиссія пошла въ Якутской области почти совершенно вымершимъ барагатскій родъ, который прежде былъ однимъ изъ многочисленныхъ и отъ котораго осталось въ живыхъ только *два человека*, и эти-то двое несчастныхъ обязаны были уплачивать полное количество податей, слѣдовавшихъ съ ихъ рода по окладной книгѣ 1763 г. Въ Туруханскомъ краѣ, по свидѣ-

тсѣству аудитора Камасва, съ 1763 по 1816 г. вымерло $\frac{3}{4}$ ясачныхъ плательщиковъ, и осталная четверть должна была вносить ясакъ также по ревизіи 1763 г. Подобные же факты повторялись и въ другихъ мѣстахъ, какъ увидимъ ниже. Хотя послѣ ревизіи Щербачева инородцы были переписываемы еще въ 1816—1817 г., но эта послѣдняя перепись не принесла пользы въ разсматриваемомъ нами случаѣ, потому что при этой переписи новыхъ накладныхъ книгъ не составлялось, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и переписи вовсе не производилось: по словамъ ясачной комиссіи, нѣкоторые чиновники просто за-просто выписывали въ эту перепись цифры численности инородцевъ изъ ревизскихъ книгъ 1763 г., не измѣняя даже показанныхъ тамъ лѣтъ инородцевъ! Неравномѣрность въ распредѣленіи ясака между инородцами доходила до того, что одни платили двойной ясакъ, а другіе ничего не платили. Многіе инородцы съвера уклонились отъ взноса ясака, скрываясь отъ встрѣчи съ земскою полиціей въ глубинѣ своихъ тундръ. Отъ этого и выходило, что слѣдуетъ собрать, напр., съ 1,000 человекъ, по земской полиціи попадаются только 500 человекъ и съ нихъ взимается ясакъ за полныя 1,000 душъ. Во многихъ инородческихъ волостяхъ, кромѣ того, въ счетъ обязательной платы ясака, вносились совершенно посторонніе поборы, не говоря уже о взяткахъ. Такъ, напр., 7-я калмыцкая дючина Бійскаго округа сверхъ ясака была обязана вносить еще надбавленныхъ на нее въ разное время подарочныхъ поборовъ на 376 р. На первую дючину надбавлено было такимъ же образомъ 85 р., на вторую 132 р., на третью 71 р., на четвертую 135 р. и т. д. Тяжесть ясачной повинности увеличивалась по мѣстамъ еще отдаленностью мѣстъ, назначенныхъ для взноса ясака. Такъ, инородцы волостей Мрасско-Шушерской, Штиберско-Шарагашевской, Казановой, Мрасско-Елейской и Мрасской жили на Сагайской степи Минусинскаго округа, а числились въ кузнецкомъ вѣдомствѣ, куда и должны были приносить свои подати, не смотря на то, что ихъ степь отдѣлена отъ Кузнецкаго округа множествомъ горъ, лѣсовъ и озеръ, дѣлающихъ сообщеніе чрезвычайно труднымъ. Такая запутанность произошла при открытіи Енисейской губерніи въ 1823 г. и продолжалась до окончанія дѣйствій ясачной комиссіи. Такъ, сургутскіе инородцы, жившіе около г. Сургута, числились въ туруханскомъ вѣдомствѣ и были обязаны носить свой ясакъ на сборное около Туруханска мѣсто, по р. Тазу, употребляя на передній и обратный путь *не меньше четырехъ мѣсяцевъ*. Черезъ таковую отлучку, писали они въ своемъ прошеніи, «мы лишаемся звѣриной и рыбной ловли, а семейства наши остаются безъ всякаго прихода, возвращаемся домой чрезъ полгода. И не запасаясь въ удобное время рыбою, съ семействами своими претерпѣваемъ голодъ». Поверхностное разграниченіе осѣдлыхъ отъ кочевыхъ и относительно послѣднихъ имѣло столь же вредныя послѣдствія,

какъ и относительно первыхъ. Кочевые платятъ ясакъ, т.-е. подать звѣремъ, и переводятся на денежный окладъ, колы скоро обратятся къ земледѣлію. Но такой переходъ совершается медленно. Остатокъ, напр., бросивъ звѣрованье, долго еще не берется за соху, а живетъ рыбною ловлею или промысломъ такихъ звѣрей, которые нейдутъ въ ясакъ. Между тѣмъ какъ неосѣдлый онъ обязанъ вносить подать звѣремъ, покупая его дорогою цѣною у купцовъ или русскихъ звѣропромышленниковъ; такимъ образомъ онъ платитъ двойной, даже тройной ясакъ, ибо цѣна соболя въ частной продажѣ гораздо выше цѣны, по которой онъ принимается въ ясакъ. Такіе безпорядки во взиманіи податей очень вредно дѣйствовали на благосостояніе инородцевъ, которое подрывалось еще тяжестью земскихъ повинностей. Разсмотрѣніе процентнаго отношенія налоговъ къ степени инородческаго богатства лучше всего покажетъ намъ, какъ тяжелы были для инородцевъ эти налоги. Такъ, инородцы Отборской волости Березовскаго округа сбывали своихъ произведеній *) въ хорошій годъ на 46,000 р., а въ плохой на 28,000 р. Въ выручкѣ этого сбыта у нихъ, какъ и у большинства инородцевъ, заключается *все* ихъ богатство, всѣ источники ихъ существованія. Подати же эти инородцы платили на 3,549 р., да отбывали подводной гоньбы на 2,500 р., всего значить платили 6,049 р., т.-е. 13—21% ихъ годового дохода. Волость Подгорно-Юганская сбывала въ хорошій годъ на 1,800 р., а въ плохой на 1,000 р., а платила податей на 274 р. и отбывала подводной гоньбы на 300 р., всего на 574 р., т.-е. 31—57% своего годового дохода. Волость Котскіе-городки сбывала въ годъ 23,000—15,000 р., а уплачивала податей и повинностей на 6,049 р., т.-е. 27—42%. Всѣ же вообще девятнадцать волостей Березовскаго округа сбывали въ годъ на 134,000—84,000 р., а уплачивали податей на 11,599 р. и земскихъ повинностей 12,723 р., всего на 24,322 р., т.-е. 18—28% ихъ годового дохода.

Волость Верхне-Кондинская, Целымскаго округа, сбывала въ годъ на 4,000—2,500 р., а уплачивала на подачи и повинности 564 р. да отбывала натуральной повинности на 320 р., всего 884 р., т.-е. 22—35% сбыта. Волость Лястви-ничная сбывала на 300—200 р., а уплачивала всѣхъ податей и повинностей на 117 р., т.-е. 39—58% сбыта. Волость Больше-Кондинская сбывала на 5,500—4,000 р., а уплачивала налоговъ на 1,165 р. т.-е. 21—29% сбыта. Всѣ же одинадцать волостей Туринскаго округа вмѣстѣ сбывали въ годъ на 30—20,000 р., а уплачивали податей и земскихъ повинностей на 6,564 р., т.-е. 21—32% сбыта. Первая дючина Бійскаго округа сбывала въ хорошій годъ, обыкновенно приходившійся на три плохихъ года, на 15,000 и въ плохой годъ на 8,000 р., а уплачивала податей и

*) Нужно замѣтить, что инородцы сбываютъ почти все добытое ими, т.-е. эта цифра сбыта—цифрѣ имуществъ. Цифры извѣстны нами изъ таблицъ ясачной комиссіи, относящихся къ 1828—1832 г.

повинностей на 356 р., т.-е. 2—4% сбыта. Волость Нижне-Кумандинская сбывала на 8—4,000 р., а уплачивала на 976 р., т.-е. 12—24% сбыта. Всѣ же вмѣстѣ четырнадцать волостей Бійскаго округа сбывали въ хорошій годъ на 125,000 р., въ худой 62,000 р., а уплачивали на 5,926 р., т.-е. 4—9% сбыта. Кортгульская волость, Томскаго округа, сбывала въ годъ на 5,000—2,500 р., а уплачивала податей и повинностей на 915 р., т.-е. 9—18% сбыта. Малочурбаровская волость сбывала на 2,500—1,500 р., а уплачивала на 438 р., т.-е. 17—35% сбыта. Больше-Бангульская-Чулымская — остяцкая сбывали на 1,500—800 р., а уплачивали на 496 р., т.-е. 33—62% сбыта. Больше-Чурубаровская сбывала на 4—2,000 р., а уплачивала на 736 р., т.-е. 9—18%. Итоговъ за Томскій округъ мы не приводимъ, потому что въ таблицахъ комиссіи, которыми мы руководствуемся, не во всѣхъ волостяхъ кочевые отдѣлены отъ осѣдлыхъ.

При такомъ процентномъ отношеніи податей и повинностей къ степени инородческаго богатства, или, правильнѣе сказать, инородческой бѣдности, взиманіе этихъ налоговъ не могло быть успѣшнымъ. Накоплялись недоимки. Такъ, на четырехъ самыхъ бѣдныхъ и малочисленныхъ якутскихъ родахъ (мамяльскомъ, годниковскомъ, темирскомъ и барагатскомъ) состояло къ 1831 г. недоимки 5,406 р. За кочевыми инородцами Томскаго округа къ 1831 г. недоимокъ числилось 42,345 р. На кочевыхъ инородцахъ Каинскаго округа (2,477 ч. м. п.) недоимки въ 1833 г. было 25,021 р. Въ бійскомъ округѣ на 1,452 кочевыхъ инородцевъ къ 1832 г. недоимки было 8,701 р. и такъ далѣе.

Тяжесть и неравномѣрность инородческихъ податей и повинностей, объ уменьшеніи которыхъ инородцы не переставали хлопотать, вели за собой уменьшеніе и инородческаго благосостоянія и количества уплачиваемаго ясака. По словамъ всеподданнѣйшаго доклада министровъ двора и финансовъ (1835 г.), уменьшенію ясака содѣйствовали также безпорядки, накопившіеся въ теченіе времени съ 1763 г. «Въ первые годы по обложеніи 1763 г. сборъ ясака рухлядью производился весьма успѣшно и въ кабинетъ былъ доставленъ въ знатномъ количествѣ и превосходной доброты. Но по мѣрѣ того, какъ торговля цѣны на звѣря возвышались, сборъ ясака изъ года въ годъ уменьшался. Инородцы подъ предлогомъ неурожа звѣря платили за оный деньгами по личному (опредѣленному въ 1763 г.) цѣнамъ, а добытыя шкуры продавали торговцамъ, по цѣнамъ несравненно высшимъ. Вотъ причины, по которымъ платежъ ясака шкурами пришелъ въ совершенный упадокъ. Независимо отъ сего, платежъ ясака отъ убыли инородцевъ въ однихъ родахъ, отъ умноженія въ другихъ и отъ перемѣны образа жизни и промысловъ, сдѣлался крайне неуравновѣшеннымъ и для нѣкоторыхъ родовъ совершенно разорительнымъ». Когда это было доведено до высочайшаго свѣдѣнія, то Николай I

велѣлъ сибирскому комитету учредить двѣ ясачныхъ комиссіи и послать одну изъ нихъ въ восточную, а другую въ западную Сибирь, для перенеси инородцевъ и составленія для нихъ новыхъ окладныхъ книгъ. Дѣйствія ясачной комиссіи должны были касаться только инородцевъ внутреннихъ округовъ и не распространялись на чукчей и киргизовъ. Главною цѣлью комиссіи было обложеніе туземцевъ новою податю, а такъ какъ съ этимъ былъ связанъ вопросъ о принадлежности инородцевъ къ тому или другому разряду, то комиссія должна была еще разсмотрѣть: 1) чѣмъ руководилось мѣстное начальство при переводѣ инородцевъ въ разрядъ осѣдлыхъ; 2) разобрать просьбы инородцевъ на неправильность такого перевода и 3) предоставить окончательное рѣшеніе комиссіи относительно разрядовъ.

Западная комиссія открыла свои дѣйствія въ мартѣ, а восточная въ іюнѣ 1828 г. Занятія ихъ окончены совсѣмъ къ 1835 г.

Восточная комиссія обложила новою податю всѣхъ кочевыхъ и бродячихъ инородцевъ Якутской области, Иркутской и Енисейской губерній. По счету комиссіи, инородцевъ оказалось 192,012 душъ. По прежнему обложенію они платили соболей 5,232, лисицъ 12,200, песцовъ 25, горностаевъ 604, бѣлокъ 16,997 на 52,100 р. 22½ к. да деньгами 69,975 р. 39 к., *всего на 122,075 р. 62 к.*

Комиссія же наложила на нихъ подати—соболей 2,165, лисицъ 451, песцовъ 2,496 горностаевъ 4,348, бѣлокъ 54,734—на 65,407 р. 32 к., да деньгами 385,721 р. 24 к., *всего на 451,128 р. 56 к.*

По переписи западной комиссіи, въ западной Сибири оказалось инородцевъ 29,095 душъ. Комиссія наложила на нихъ подати: соболей 1,294, лисицъ 1,034, выдру 1, колонковъ 1,840, песцовъ 2,394, горностаевъ 3,655, бѣлокъ 18,037, лосиныхъ кожъ 7—на 41,106 р. 8 к., да деньгами 18,288 р. 52 к., *всего на 59,394 р. 60 к.*

По старому же обложенію они платили разными шкурами на 16,003 р. 99 к., да деньгами 3,075 р. 21 к., *всего на 19,169 р. 20 к.*

Независимо отъ ясачныхъ комиссій обложены:

а) Начальникомъ Камчатки, Голенищевымъ, камчадалы и оленные коряки 1778 г., по старому обложенію они платили: соболей 611, лисицъ 940, бобровъ 18, на 2,365 р. По новому окладу: соболей 390, лисицъ 287, пыжиковъ 409, на 7,281 р. 25 к.

б) Охотскимъ и гижигинскимъ исправникомъ инородцы Охотскаго края, 1,934 души. Они платили по старому окладу: соболей 412½, лисицъ 457½, бѣлокъ 622, пыжиковъ 7, парокъ 3, маутовъ 13, оленьихъ кожъ 6, денегъ 81 р. 33 к., *всего на 2,000 р. 50 к.* По новому же окладу: лисицъ 150, бѣлокъ 2,735, денегъ 640 р. 8 к.; *всего на 4,566 р. 58 к.* Тѣмъ же чиновникомъ переобложены инородцы Гижигинскаго края, 1,533 души. По старому окладу они платили: соболей

575

41^{1/4}, лисичь 647, бѣлокъ 481, парокъ 25, мау-
товъ 9, оленью кожу 1, денегъ 4 р. 49 к.,
всего на 850 р. 19^{1/2} к. По новому окладу: собо-
лей 11, лисичь 142, бѣлокъ 462, волковъ 2, пес-
цовъ 33, пыжиковъ 4, оленьихъ кожъ 403, всего
на 2,792 р.

Всего же въ Сибири найдено *кочевыхъ* и *бродя-
чихъ* инородцевъ 226,452 души. По старому обло-
женію они платили всѣхъ податей на 146,460 р.
55 к. По новому же окладу они были обязаны взно-
сить на 525,162 р. 99 к.

Изложивъ эти результаты дѣятельности ясач-
ныхъ комиссій, мы перейдемъ къ разсмотрѣнію ихъ
дѣйствій въ частности.

Мы уже видѣли выше, что инородцы, сдѣланные
осѣдлыми, настойчиво хлопотали о переводѣ ихъ на
прежнее положеніе кочевыхъ. Ясачная комиссія за-
падной Сибири была завалена инородческими
просьбами объ этомъ предметѣ. Но комиссія не
была уполномочена отмѣнять самый законъ Спе-
ранскаго о разрядѣ осѣдлыхъ инородцевъ; она долж-
на была только изслѣдовать, къ какому разряду
должно отнести извѣстныхъ инородцевъ «по разуму
устава 1822 г.»; она должна была только испра-
вить ошибки, допущенныя мѣстнымъ начальствомъ
при введеніи устава объ инородческихъ разрядахъ.
Поэтому, комиссія нисколько не могла содѣйство-
вать исполненію завѣтныхъ желаній осѣдлыхъ ино-
родцевъ—уничтоженію разряда осѣдлыхъ. Только
нѣкоторыя волости, переведенныя въ осѣдлое со-
стояніе не «по разуму устава», обращены комис-
сіей въ разрядъ кочевыхъ, но зато и нѣсколько
кочевыхъ сдѣлано ею осѣдлыми. Такъ, Томскому
округу изъ 47 кочевыхъ волостей 43 оставлены
въ разрядѣ кочевыхъ, а 4—Малокарюковская, Ма-
лошегарская, Курчиковская, Курчиковская 1-я—
переведены изъ кочевого разряда въ *осѣдлый*. Де-
вятъ осѣдлыхъ волостей оставлены въ разрядѣ
осѣдлыхъ; 389 инородцевъ, зачисленныхъ въ *осѣд-
лые* и разсѣянныхъ по 29 волостямъ, переведены
въ *кочевые*. По Кузнецкому округу семнадцать коче-
выхъ волостей оставлены въ томъ же разрядѣ; пять
осѣдлыхъ волостей оставлены осѣдлыми. Семь ко-
чевыхъ волостей каинскаго округа также переве-
дены въ разрядъ осѣдлыхъ. При этомъ распреде-
леніи на разряды, комиссія «имѣла въ виду глав-
нѣйшее географическое положеніе земель, зани-
маемыхъ инородцами; ибо, разсматривая осѣд-
лыхъ и кочевыхъ инородцевъ въ отношеніи къ
ихъ промышленности, было бы трудно допустить
какое-либо между ними различіе, такъ какъ
они равно бѣдны; но мѣстное положеніе во-
лостей, не смотря на общую нищету инородцевъ,
дастъ явное преимущество однимъ передъ други-
ми. Одни изъ нихъ расположены въ климатѣ умѣ-
ренномъ, въ мѣстахъ возвышенныхъ, способныхъ
къ земледѣлію и окружены русскими селеніями,
другіе хотя и не имѣютъ во владѣніи своемъ хлѣ-
бопашныхъ полей, но, будучи расположены подъ
самымъ губернскимъ городомъ, удобно могутъ за-
мѣнять обработываніе полей другими способами
промышленности въ губернскомъ городѣ; осталь-

ныя же, будучи многочисленнѣе первыхъ, нахо-
дятся или въ удаленіи отъ русскихъ селеній, или,
примыкая къ нимъ съ одной стороны, располо-
жены въ климатахъ суровыхъ, на мѣстахъ низкихъ,
водоносныхъ и даже болотныхъ. Руководствуясь
симъ взглядомъ, не трудно будетъ опредѣлить пред-
полагаемые разряды, ибо ясно, что въ однихъ изъ
тѣхъ волостей инородцы, обладая лучшими мѣст-
ными способами жизни, хотя бы въ настоящее
время и оказались, по сродной имъ безпечности,
не въ желаемомъ благосостояніи, но отъ нихъ са-
михъ и отъ попеченій мѣстнаго правительства бу-
детъ зависѣть улучшеніе состоянія ихъ. Въ дру-
гихъ же мѣстахъ, напротивъ, по невыгодному по-
ложенію, нѣкоторыя еще волости долго не будутъ
въ состояніи приближаться къ состоянію крестьян-
скому, и если такія, кои по физическому положе-
нію земель, кажется, никогда этого и не достиг-
нутъ.

Впрочемъ, окончательно ужъ нищихъ инород-
цевъ комиссія не переводила въ осѣдлые, не смотря
на выгодное мѣстоположеніе ихъ волостей. Такъ,
комиссія нашла, что «хотя инородцы волостей
Верхнетабаринской, Нижнетабаринской и Комутской
по образу ихъ жизни и по качеству ихъ промы-
словъ близки уже къ крестьянскому состоянію, но
по скудости тѣхъ промысловъ въ настоящее вре-
мя, они не были въ состояніи вносить всѣхъ по-
датей и повинностей, съ тѣмъ званіемъ сопряжен-
ныхъ». Поэтому комиссія рѣшила «оставить въ
разрядѣ кочевыхъ до времени, когда способы ихъ
будутъ усилены до возможности уплачивать крестьянскіе
оклады».

Мы уже упоминали выше, что внутреннее во-
лостное управленіе осѣдлыхъ инородцевъ находи-
лось въ большемъ безпорядкѣ. Денежные счета ве-
лись неисправно, недоимки одной волости записы-
вались на другой, инородцы, приписанные къ рус-
скимъ волостямъ, терпѣли различныя притѣсненія
со стороны волостного начальства, хозяйство нѣ-
которыхъ инородцевъ страдало отъ того, что ихъ
селенія далеко отстояли отъ той волости, къ кото-
рой они были приписаны, и т. д. Комиссія стара-
лась по возможности исправить эти безпорядки.

Поэтому она старалась по возможности концен-
трировать инородческія волости, а тѣхъ изъ ино-
родцевъ, которыхъ неудобно было присоединять къ
другимъ, у тѣхъ составляла отдѣльныя управле-
нія, такъ какъ вся спутанность волостныхъ сче-
товъ происходила отъ разбросанности и передви-
женій инородцевъ. Впрочемъ, на переводъ инород-
цевъ изъ одной волости въ другую комиссія рѣша-
лась только въ томъ случаѣ, если эти инородцы не
имѣли на своемъ мѣстѣ жительства прочнаго, хо-
зяйскаго обзаводства; въ противномъ случаѣ она
считала такой переводъ «несогласнымъ съ спра-
ведливостію». Кромѣ того, комиссія старалась на-
блюдать, чтобы инородцы одной и той же волости
не были разбиваемы на разные разряды, ибо 1) «сія
такъ называемая волость у нихъ не иное что,
какъ родъ или улусъ, составляющій, такъ сказать,
одно семейство, управляемое собственными стар-

пинами, съ нѣкоторыми правами, основанными на коренныхъ обычаяхъ инородцевъ; и посему инородцы всего болѣе страшатся отдѣляться отъ своего рода и подпадать управленію русскихъ волостей, столь несогласному съ ихъ природными обычаями; 2) если во всей волости одно, два, три и рѣдко пять семействъ не столь бѣдны, какъ другія, то сіе еще не можетъ служить поводомъ къ отторженію ихъ отъ кочевыхъ волостей и лишенію правъ, тѣмъ волостямъ присвоенныхъ, за то только, что они были трудолюбивѣе другихъ».

Громадныя недоимки, числившіяся на осѣдлыхъ инородцахъ, необходимо должны были обратить на себя вниманіе комиссіи. Комиссія держалась вообще того мнѣнія, что недоимокъ прощать не слѣдуетъ, «такъ какъ разъ допущенное сложеніе недоимокъ укореняетъ въ плательщикахъ вредную надежду о возможныхъ повтореніяхъ сихъ случаевъ». Но въ то же время комиссія была убѣждена въ положительной невозможности взыскать эти недоимки: все, что можно было взыскать, уже было взыскано мѣстнымъ начальствомъ съ примѣрною строгостію. «Недоимки по волостямъ различны, — замѣчаетъ комиссія, — а такъ какъ способности жизни всѣхъ осѣдлыхъ инородцевъ почти одинаковы, то безошибочно можно заключить, что гдѣ больше взыскано недоимокъ, тамъ сильнѣе дѣйствовала полиція и болѣе потерпѣли инородцы». Поэтому комиссія ходатайствовала о сложеніи недоимокъ, «такъ какъ взыскать ихъ было невозможно, не доведя инородцевъ до совершеннаго разоренія». Недоимки, накопившіяся по 1 января 1832 г., были прощены, «по уваженію разстроеннаго состоянія инородцевъ отъ обременительной экзекуціи и другихъ, допущеннымъ мѣстнымъ начальствомъ, злоупотребленій», какъ сказано въ указѣ сената генералъ-губернатору Западной Сибири. Но и за такимъ важнымъ облегченіемъ, какъ сложеніе громаднхъ недоимокъ, осѣдлые инородцы все-таки были не въ состояніи платить всѣ подати и повинности по полному крестьянскому окладу. Комиссія поэтому признала необходимымъ переводить на полный крестьянскій окладъ не вдругъ, а постепенно, замѣчая, что только при этомъ условіи возможно оставить ихъ въ разрядѣ осѣдлыхъ. Поэтому осѣдлые инородцы Томской губерніи, по предположенію комиссіи, должны были въ продолженіе десяти лѣтъ (1840—1850) платить $\frac{2}{3}$ крестьянскаго оклада, съ 1 января 1850 г. полный окладъ. По земскимъ же повинностямъ комиссія записала этихъ туземцевъ въ четвертый разрядъ на 10 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи этого срока мѣстное начальство сообразило, возможно ли перевести ихъ въ высшій разрядъ? Для осѣдлыхъ инородцевъ Томской губерніи была опредѣлена $\frac{1}{4}$ подушныхъ и оброчныхъ податей, съ 1844 по 1854 г. велѣно взимать съ нихъ половинныя крестьянскія подати, а 1 января 1854 г. они переведены на полный окладъ.

Вотъ все, что сдѣлала комиссія для осѣдлыхъ инородцевъ.

т. п.

Главною цѣлью дѣятельности комиссіи было составленіе окладныхъ книгъ для инородцевъ кочевыхъ и бродячихъ. Мы уже видѣли выше, что всѣ кочевые и бродячіе инородцы платили до комиссіи 146,460 р., а комиссіей эта подать увеличена до 525,163 руб. Для показанія процентнаго отношенія налоговъ къ степени инородческаго благосостоянія, мы предлагаемъ здѣсь читателю слѣдующія цифры:

Волость Обдорская при 1,991 ясачномъ плательщикѣ (мужчины 18—50 л.) обязана платить податей на 8,267 р., да отбывать натуральныхъ повинностей на 2,500 р.; *всего на 10,767 р.* До комиссіи эта волость уплачивала 13—20% а послѣ комиссіи 23—38% своего ежегоднаго дохода (56—28 тыс. руб.).

Волость Котскіе-городки, при 832 плательщикахъ, по окладу комиссіи платитъ на 2,080 р. и отбываетъ натуральныхъ повинностей на 4,500 р.; *всего на 6,580 р.*, т.-е. 28—43% своего сбыта (13—15,000 р.).

Волость Подгорно-Юганская, при 82 ясачныхъ плательщикахъ, платитъ по окладу комиссіи податей 229 р., да отбываетъ натуральныхъ повинностей на 300 р., *всего на 529 р.*, т.-е. 28—52% сбыта (1,800—1000 р.).

Всѣ 19 волостей Березовскаго округа при 5,811 ясачныхъ плательщикахъ по окладу комиссіи должны платить податей на 20,212 р. и отбывать натуральныхъ повинностей на 12,723 р., *всего на 32,935 р.*, т.-е. 24—39% ихъ сбыта (134,000—84,000 р.).

Волость Верхне-Кондинская, Туринскаго округа, при 100 ясачныхъ плательщикахъ обязана платить податей на 425 р., на земскія повинности 404 р., да отбывать натуральной повинности на 320 р.; *всего на 1,419 р.*, т.-е. 28—45% сбыта (4,000—2,500 р.).

Волость Лиственничная при 11 ясачныхъ плательщикахъ платитъ податей на 35 р., на земскія повинности 63 р., да отбываетъ натурою на 20 р.; *всего на 118 р.*, т.-е. 39—59% сбыта.

Всѣ 11 волостей Туринскаго округа платятъ податей на 5,007 р., на земскія повинности 3,413 р., да отбываютъ натурою на 1,480 р.; *всего на 9,900 р.*, т.-е. 33—49% сбыта (30,000—20,000 руб.).

Первая дюжина Бійскаго округа обязана платить податей 1,330 р. и земскихъ повинностей 356 р.; *всего 1,686 р.*, т.-е. 11—20% сбыта.

Волость Нижнекумандинская платитъ податей 657 р., земскихъ повинностей на 975 р.; *всего на 1,632 р.*, т.-е. 20—40% сбыта (8,000—4,000 руб.).

Всѣ же области Бійскаго округа платятъ податей на 10,660 р., на земскія повинности 5,926 руб.; *всего на 16,586 р.*, т.-е. 13—26% сбыта (125,000—62,500 р.).

Кортульская волость, Томскаго округа, платитъ податей на 400 р., земскихъ повинностей на 395 руб., натуральной повинности на 520 р., *всего на*

1,315 р., т.-е. 26—52% годового сбыта (5,000—2,500 р.).

Малочурбаровская волость платить податей 189 р., земскихъ денежныхъ повинностей 208 р., натуральныхъ 430 р.; *всего на 862 р.*, т.-е. 33—55% сбыта (2,500—1,500 р.).

Волость Большебайгульская-Чулымская-остяцкая платить податей 136 р., денежныхъ повинностей 184 р., натуральныхъ на 310 р.; *всего на 632 р.*, т.-е. 42—79% сбыта (150 р.—800 р.).

Читатель потрудится самъ сравнить сейчасъ приведенныя нами цифры налоговъ, положенныхъ комиссией, съ выше данными нами цифрами налоговъ, платившихся до этой комиссіи. Читатель увидитъ, что при одномъ и томъ же числѣ плательщиковъ, и при одной и той же степени ихъ благосостоянія, количество налоговъ значительно увеличилось. Нужно еще замѣтить, что выставленныя нами цифры цѣнности ясака далеко ниже настоящихъ цѣнъ. Мѣха принимаются въ ясакъ не по той цѣнѣ, по которой они обращаются въ частной торговлѣ. Въ Березовскомъ краѣ, напр., соболь въ частной продажѣ стоитъ, смотря по его достоинству, отъ 12 до 20 р., а въ ясакъ тотъ же самый соболь принимается за 4 р. 50 к.—7 р. Въ Нарымскомъ краѣ лисица-бѣлодушка стоитъ отъ 7 до 9 р., а въ казну поступаетъ только за 2 р. 85 к., а соболь за 2 р. Кромѣ того количество ясака много увеличивается еще разными побочными обстоятельствами. Для пріема ясака существуютъ извѣстныя правила; мѣха, не подходящія подъ эти правила, бракуются. Пріемщики, пользуясь этимъ, притѣсняютъ инородцевъ. Вотъ какъ описываетъ сборъ ясака г. О—въ въ своей рукописи о Нарымскомъ краѣ. «Въ началѣ мая всѣ инородцы съѣзжаются къ церквямъ для уплаты повинностей и хлѣбныхъ долговъ. Здѣсь происходитъ раскладка ясака; затѣмъ старшины, собравъ ясачнаго звѣря, отправляются въ Нарымъ сдавать ясакъ мѣстному засѣдателю. Старшины пріѣзжаютъ съ своими кандидатами, десятниками и расходчикомъ, который завѣдываетъ общественными деньгами и выдаетъ ихъ, куда слѣдуетъ, по приказанію старшины. Сдача ясака очень затруднительна для инородцевъ, особенно если взять во вниманіе, что ясачнаго звѣря принимаетъ не самъ засѣдатель, а знакомый съ этимъ дѣломъ пріемщикъ изъ казаковъ... Избѣжать всѣхъ недостатковъ мѣха, къ которымъ можно придраться при пріемѣ ясака, весьма трудно. Поэтому, остяку необходимо пріобрѣсть благоволеніе пріемщика, безъ чего послѣдній можетъ не найти ни одного звѣря, годнаго въ ясакъ. Дается взятка. Общественныя суммы, привезенныя инородцами, также не лежатъ спокойно. Старшины живутъ въ Нарымѣ съ ясакомъ по мѣсяцу и по два, или за отсутствіемъ засѣдателя, или за его недосугомъ. Часто случается, что старшина искушается зеленымъ виномъ, и во время его пьянства, у него съ квартиры обыватели воруютъ всѣ общественныя суммы. Въ такомъ случаѣ старшины обыкновенно при-

бѣгаютъ къ займамъ у нарымскихъ купцовъ. Обязательства составляются на цѣлую волость, и купцы берутъ огромные проценты, за 100 получаютъ 150». Выставленныя нами цифры стоимости земскихъ повинностей такъ же, какъ и цифры ясака, далеко ниже настоящихъ. Эти цифры не заключаютъ въ себѣ оцѣнки слѣдующихъ обстоятельствъ. Для отбыванія подводной повинности кочевые инородцы должны выходить на трактъ изъ своихъ отдаленныхъ кочевьевъ и потомъ снова возвращаться домой. Такимъ образомъ передній и обратный путь простирается иногда до 2,000 верстъ. Сколько стоятъ инородцу эти разъѣзды и потраченное на нихъ время?! Далѣе, отъ усиленной подводной гонимы ломаются экипажи и падаетъ много скота. Сколько стоитъ это инородцу? Во время отсутствія его для отбыванія повинности, голодаетъ его семья, разстраивается его хозяйство, онъ пропускаетъ иногда удобное время охоты. Сколько стоитъ это инородцу? Наконецъ, правомъ бесплатно разъѣзжать на инородцахъ, кромѣ чиновниковъ, лѣкарей, фельдшеровъ, вахтеровъ, миссіонеровъ, пользовались совершенно постороннія лица, напр., купцы, священники, дьячки, получившіе по кумовству бланки для разъѣздовъ. Да и послѣ комиссіи подводная повинность осталась такою же отяготительною, какою была и до нея. Она бываетъ иногда такъ тяжела, что выводитъ изъ себя даже смирнаго и робкаго березовскаго остяка. Случалось въ березовской тундрѣ, что везущіе чиновника инородцы останавливаются, обрѣзываютъ постромки у оленей и уѣзжаютъ на нихъ, оставивъ чиновника одного въ снѣжной пустынѣ, въ добычу волкамъ и жгучему морозу.

Большинство же сибирскихъ дикарей покорно несетъ разорительныя повинности и въ конецъ разоряется подъ ихъ нестерпимою тяжестью. Для обрисовки этого дѣла укажемъ на нѣкоторые факты. Такъ, напр., въ сороковыхъ годахъ тунгусы, кочевавшіе у залива Аянъ, въ числѣ 600 человекъ, были причислены къ Амгинской церкви, отстоящей отъ ихъ кочевья на 850 верстъ. Для исполненія христіанскихъ обязанностей они должны были отправляться на назначаемое выѣзжавшимъ изъ Якутска священникомъ мѣсто. Этотъ выѣздъ часто бывалъ во время рыбной ловли, когда тунгусы запасаются пищею на цѣлую зиму. Выѣзжая въ это время на назначаемое попомъ мѣсто, они не успѣвали заготовлять припасовъ на зиму и принуждены были терпѣть голодъ. Для священника тунгусы должны были приготовить на Хахарскомъ урочищѣ два плота, на 15 лошадей каждый, а на Чумаканѣ десять лодокъ съ гребцами. То же было при разъѣздахъ лѣкаря съ фельдшеромъ для прививки оспы. Для пріобрѣтенія свинца и пороха тунгусы должны были выходить навстрѣчу ѣздившаго по округу исправника къ Нелькану, за 250 в. Если исправникъ выѣзжалъ лѣтомъ, то тунгусы, выѣзжая къ Нелькану, принуждены были бросать рыбную ловлю; если же выѣздъ исправника случался зимой, то, не имѣя ни оленей, ни собакъ, многіе не могли выѣзжать къ нему. Для сбора

ясака исправникъ ѣздилъ по стойбищамъ, имѣя съ собою по пяти и болѣе партъ, слѣдовательно, по 36—56 собакъ, которыхъ тунгусы должны были кормить собственными оленями. Въ сборѣ ясака не было ни системы, ни справедливости. Исправники брали ясакъ только съ тѣхъ тунгусовъ, которыхъ встрѣчали, и брали съ нихъ все количество, слѣдующее съ рода. Кромѣ того, на тунгусовъ падала особенная повинность продовольствія осѣдлыхъ русскихъ жителей. При каждомъ неуровѣ рыбы, а слѣдовательно, при каждой голодовкѣ, обыватели Гижиги отгоняли у инородцевъ цѣлые табуны оленей. Начальство покровительствовало этому и отгоняло оленей и на свою долю. Дѣйствительность этихъ отгоновъ подтверждается официальными актами. Вотъ, напр., одинъ изъ многихъ случаевъ. Въ 1839 г. корякъ Кегылтыевъ кочевалъ на р. Таловкѣ. Пріѣхалъ лѣкарь Ивановъ и объявилъ ему, что по случаю голодовки въ Гижигѣ онъ долженъ прикочевать со своими оленями къ городу. Только по усиленнымъ просьбамъ Кегылтыева ему дозволено вмѣсто Гижиги идти къ Паренгѣ, гдѣ взяли у него и тотчасъ угнали въ Гижигу всѣхъ оленей. Число оленей, отнятыхъ у инородцевъ русскими, было: въ 1816—1818 г. на 9,194 р., въ 1826—1828 г. на 5,707 р.; въ 1832 г. на 2,435 р.; въ 1840 г. на 2,060 р.; въ 1841—1843 г. на 2,990 р., и т. д. Все это было записано, какъ добровольныя пожертвованія инородцевъ. Тунгусы-«жертвователи» окончательно разорились, и многіе изъ нихъ умерли съ голода.

Комиссія понимала, что новые налоги очень велики, а такъ какъ она собственнымъ опытомъ убѣдилась во всеобщей бѣдности кочевыхъ и бродячихъ инородцевъ, то, для успѣшнаго взиманія съ нихъ налоговъ на будущее время, она признала необходимымъ сложить съ нихъ недоимки, накопившіяся по 1 января 1834 г. Такъ какъ до комиссіи, вслѣдствіе небрежности и злоупотребленій земской полиціи, къ платежу податей были привлечены иногда люди, неспособные ни къ какой работѣ, то комиссія положила включить въ число плательщиковъ только мужчинъ 18—50 лѣтъ. Увѣчныхъ же комиссія положила не исключать изъ числа податныхъ плательщиковъ, по невозможности дѣлать имъ во всякое время освѣдѣтельство. Комиссія старалась, кромѣ того, устроить родовое управленіе кочевыхъ инородцевъ по точному смыслу уложенія, ибо «могутъ ли съ успѣхомъ ими управлять родоначальники кочевыхъ волостей, сіи дикари, начальники только по имени!»

Устройство родовыхъ управъ у кочевыхъ и волостныхъ правленій у осѣдлыхъ инородцевъ было, впрочемъ, передано на долю мѣстныхъ начальствъ, такъ какъ это дѣло требовало не мало предварительной работы. Нужно было назначить мѣста, гдѣ быть управамъ, составить карту инородческихъ поселеній, приписать къ этимъ управамъ стойбища, убѣдить инородцевъ въ необходимости содержанія этихъ управленій и т. д. Но съ самаго начала эти планы начали разбиваться о вопіющую бѣдность инородцевъ и ихъ упорные отказы—содер-

жать эти управленія. Такъ инородцы Орской волости, Колыванскаго округа, въ своемъ волостномъ приговорѣ (1831 г.) положили просить начальство объ оставленіи у нихъ прежняго старшинскаго управленія. Въ 1835 г. бійскій исправникъ доносилъ, что инородцы кокшинскаго улуса и Смоленской волости, «по малочисленности своей и разбѣянности по разнымъ губерскимъ, заводскимъ и инородческимъ деревнямъ и форпостамъ, равно и по бѣдному ихъ состоянію, не могутъ ни желать, ни предпринять учрежденія волостного управленія, требующаго на содержаніе его издержекъ, превышающихъ ихъ состояніе. Большая часть изъ нихъ такъ бѣдны, что не въ силахъ почти снискивать пропитанія, сколько отъ тѣсноты и неудобства земель, ими занимаемыхъ, столько и отъ непривычки нѣкоторыхъ къ полному крестьянскому хозяйству». Кузнецкій исправникъ писалъ, что «нѣкоторые изъ инородцевъ не желаютъ учреждать у себя волостныхъ управленій по совершенной бѣдности, другіе по бѣдности, происшедшей отъ неурожая въ прошлыхъ годахъ хлѣба и уплачиванья болѣе восьми лѣтъ податей и повинностей за умершія и престарѣлыя души». Подобные же приговоры составлялись и кочевыми инородцами. Томскій исправникъ доносилъ, что они «просятъ избавить ихъ отъ учрежденія у нихъ инородческихъ управъ, по ихъ бѣдности и малочисленности». О томъ же просили инородцы Каинскаго и другихъ округовъ. Само собою понятно, что мѣстное начальство должно было отказывать просителямъ и продолжать свое дѣло по устройству волостного и родового управленія инородцевъ. Но успѣха не было! Вотъ что говорится въ журналѣ томскаго губернскаго совѣта, 13 сентября 1865 г.: «дѣло это по прошествіи сорока лѣтъ не приведено въ положительную ясность; оно не заключаетъ въ себѣ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы сдѣлать заключеніе о томъ, что и какъ слѣдуетъ учредить между инородцами. И эта весьма естественно. Мѣстное начальство, дѣлая распоряженія, не указывало способовъ, не давало средствъ исполнителямъ своихъ распоряженій... Всѣ сорокъ лѣтъ прошли въ одной сухой и совершенно безплодной перепискѣ. Собиратели статистическихъ данныхъ и составители картъ дѣйствовали крайне небрежно, и эти матеріалы никуда не годятся. Землемѣръ Маньковъ, напр., при описаніи инородцевъ Нарымскаго края, говоритъ, что все народонаселеніе его состоитъ изъ «бѣлыхъ и черныхъ калмыковъ, татаръ, телеутовъ и киргизъ!..» Губернскій совѣтъ рѣшилъ поэтому, «настоящую переписку, безрезультатно тянувшуюся сорокъ лѣтъ, обременительную для должностныхъ лицъ и совершенно бесполезную для инородцевъ, прекратить и... начать дѣло снова!»

Нашъ очеркъ не былъ бы полнымъ, если бы мы не упомянули, что инородцы дѣйствовали не однимъ только легальнымъ путемъ для избавленія себя отъ подчиненія уставу Сперанскаго о разрядахъ. Нѣкоторые старались избавиться отъ этого устава посредствомъ бѣгства. Такъ, въ время переобложе-

нія инородцевъ Восточной Сибири ясакомъ, остались необложенными 128 человекъ тунгусовъ, якутовъ и коряковъ, бѣжавшихъ отъ этой переписи. Такъ, въ 1827 году многіе инородцы Шуйской волости кузнецкаго округа, желая избавиться отъ обязанностей осѣдлаго состоянія, удалились въ Алтайскія горы. Бывали даже случаи бунтовскихъ замысловъ и покушеній. Въ 1827 г. тобольскій прокуроръ донесъ министру юстиціи, что остяки Березовскаго края составили заговоръ напасть на Обдорскъ во время ярмарки и перебить всѣхъ русскихъ. Это развѣдали управляющій обдорскимъ отдѣленіемъ и бывшій въ Березовѣ при ученой экспедиціи штурманъ Ивановъ. Губернаторъ, Бантышъ-Каменскій, самъ отправился въ Березовскій край для разслѣдованія этого дѣла. Хотя это разслѣдованіе и не доказало упомянутаго замысла, однако несомнѣнно, что онъ существовалъ. Нѣкоторые остяки высказывались русскимъ, что «если ихъ будутъ принуждать къ принятію христіанства, то они всѣхъ русскихъ перебьютъ во время ярмарки въ Обдорскѣ». Самоѣдскій старшина Пайголъ говорилъ губернатору: «всѣ самоѣды находятся въ страхѣ отъ слуховъ, будто хотятъ ихъ насильно крестить, чего они никакъ не желаютъ». О штурманѣ Ивановѣ, присланномъ для описанія острова Бѣлаго, самоѣды думали, что онъ присланъ для размежеванія ихъ земель, и что эти земли хотятъ отнять у нихъ. Самоѣды рѣшительно отказались давать Иванову подводы, говоря губернатору: «пускай снимутъ лучше съ насъ головы, а подводы мы не дадимъ». Обдорскіе остяки убѣдительно просили губернатора избавить ихъ отъ платежа повинностей; они говорили, что «имѣютъ одинаковую жизнь и одинакіе промыслы съ самоѣдами, но сіи послѣдніе, пользуясь тѣми же землями и рѣками, какъ и остяки, избавлены отъ повинностей, а съ остяковъ оныхъ требуютъ». Хотя губернаторъ сумѣлъ на этотъ разъ успокоить дикарей, но ихъ бунтовскіе замыслы не прекратились и черезъ нѣсколько лѣтъ созрѣли уже до открытаго бунта. Это былъ бунтъ самоѣдовъ подъ предводительствомъ Ваули Пьеттомина. Сначала Пьеттоминъ съ своею шайкою долго бродилъ около Урала, занимаясь разбоями и отгономъ оленей. Въ 1839 г. онъ былъ схваченъ березовскою земскою полиціей, наказанъ плетью и сосланъ въ самую отдаленную волость Сургутскаго поселенія. Но, пробывъ здѣсь не болѣе двухъ мѣсяцевъ, онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Майри Ходакымъ. Занявшись снова разбоями, онъ въ то же время запасался разнымъ оружіемъ—луками, копьями, винтовками и большими ножами. Склонивъ на свою сторону самоѣдовъ, онъ обѣщалъ имъ, что *понижитъ цѣны на всѣ продаваемые купцами припасы, что вмѣсто взимаемаго въ казну ясака въ 2 песца онъ установитъ по одному* и будетъ повелителемъ всей сѣверной стороны Урала. Вскорѣ около него собралось 400 вооруженныхъ инородцевъ. Съ ними онъ отправился, въ январѣ 1841 г., на оленяхъ къ Обдорску. За сутки вѣды до города, бунтовщики остановились и задерживали всѣхъ

самоѣдовъ, вѣхавшихъ въ Обдорскъ на ярмарку и для взноса ясака. Пьеттоминъ смѣнилъ въ то же время обдорскаго князька, назначивъ на его мѣсто остяка Муржана. Всѣ жители Обдорска были въ страхѣ. Исправникъ Скорняковъ, для разузнанія о числѣ и вооруженіи бунтовщиковъ, отправилъ къ нимъ мѣщанина Нечаевского, хорошо знакомаго и съ мѣстностью, и съ инородцами. Нечаевскій встрѣтилъ бунтовщиковъ за 150 в. отъ Обдорска и былъ ласково принятъ ими. Онъ сказалъ Пьеттомину, что въ городѣ ничего не знаютъ объ его замыслахъ, и звалъ его къ себѣ въ гости. Шайка отправилась вмѣстѣ съ Нечаевскимъ на восьмидесяти нартахъ. За 25 верстъ до Обдорска имъ встрѣтился обдорскій князекъ; Пьеттоминъ началъ его ругать и хотѣлъ бить бывшимъ при немъ оленьимъ рогомъ, но былъ удержанъ отъ этого Нечаевскимъ. Князекъ кланялся въ ноги Пьеттомину, дѣловалъ у него руки и обѣщалъ ему дань. 14-го января вся шайка прибыла въ Обдорскъ, и Пьеттоминъ остановился въ домѣ князька. Въ то время, какъ его угощали здѣсь, исправникъ съ казаками и торговцами напалъ на шайку и разогналъ ее. Потомъ схватили и самого Пьеттомина. Шесть главныхъ виновниковъ были тотчасъ закованы въ кандалы и отправлены въ Березовъ. На слѣдственныхъ допросахъ открылось, что они были намѣрены ночью напасть на Обдорскъ, зажечь церковь и идти по домамъ колоть русскихъ, и, разграбивъ всѣ дома, уйти за рр. Тазъ и Енисей. Пьеттоминъ и главные его соучастники сосланы въ Восточную Сибирь на каторгу.

Такимъ образомъ, уставъ Сперанскаго не привелъ сибирскихъ инородцевъ къ тому благосостоянію, которое, конечно, имѣлъ въ виду составитель этого устава. Впрочемъ, нѣкоторые изъ самымъ многочисленныхъ инородческихъ племенъ въ описываемый нами періодъ достигли значительной степени благосостоянія, и поэтому неудобства устава оказали на нихъ гораздо менѣе вліянія, чѣмъ на другихъ инородцевъ. Мы разумѣемъ здѣсь бурятъ и якутовъ. Буряты, живущіе въ окрестностяхъ Иркутска и другихъ значительныхъ русскихъ поселеній, еще въ XVIII в. начали обращаться къ земледѣлію. Уже во время путешествія Георги (1772 г.) буряты начали заниматься земледѣліемъ. Вскорѣ послѣ Георги они сдѣлали въ этомъ отношеніи значительные успѣхи. Главный тайша хоринскаго рода въ концѣ XVIII в. въ особенности старался содѣйствовать перехода своего народа въ осѣдлое земледѣльческое состояніе. При немъ 1,200 бурятъ сдѣлались осѣдлыми земледѣльцами и въ 1802 г. уже привезли въ Иркутскъ 15,000 пудовъ своей муки. Въ 1803 г. родоначальники двѣнадцати бурятскихъ колѣнъ Верхнеудинскаго округа также изъявили желаніе заняться земледѣліемъ, прося у правительства сѣмянъ и земледѣльческихъ орудій. По повелѣнію Александра I, имъ было выдано то и другое. Имъ также помогли въ этомъ дѣлѣ и ихъ соотечественники, хоринскіе земледѣльцы, снабдивъ ихъ скотомъ и сѣмянами. Въ инструкціи Селифанову, данной при назначеніи его

сибирскимъ генералъ-губернаторомъ, предписывалось поощрять и поддерживать бурятское земледѣліе. И этотъ пунктъ инструкціи дѣйтельно приводился въ исполненіе. Иркутскій губернаторъ Трескинъ даже силою заставлялъ бурятъ взяться за соху, и это едва ли не самое разумное изъ дѣйствій Трескина, такъ заклеившаго свое имя передъ современниками и потомствомъ. Въ 1839 году буряты уже засѣвали хлѣбомъ 84,479 десятинъ, въ томъ числѣ хоринцы 21,400 дес. Въ настоящее время бурятское земледѣліе находится въ цвѣтущемъ состояніи. Буряты доставляютъ гораздо лучшій хлѣбъ, чѣмъ русскіе, благодаря тому, что они несравненно лучше русскихъ обрабатываютъ свои поля, орошая ихъ посредствомъ канавъ и удобряя, чего русскіе въ Сибири не дѣлаютъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ численныхъ данныхъ о современномъ состояніи бурятскаго земледѣлія; рукописныхъ officialныхъ свѣдѣній объ этомъ у насъ нѣтъ, а въ печатныхъ источникахъ этого не найти: даже въ такомъ изданіи, какъ географическій словарь Семенова, въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, касающихся инородцевъ, приведены только цифры тридцатыхъ годовъ. Мы можемъ привести только двѣ численныхъ данныхъ. Въ Иркутскомъ округѣ земледѣліемъ занимается около 40,000 бурятъ мужского пола. Въ 1864 г. всего хлѣба въ Иркутской губерніи посѣяно 441,839 четвертей, снято 1.481,273 четверти; около $\frac{1}{3}$ этого хлѣба принадлежало инородцамъ. А въ Забайкальѣ, съ усиленіемъ запроса хлѣба на Амуръ, бурятское земледѣліе значительно усилилось. По officialнымъ свѣдѣніямъ, доставленнымъ въ забайкальское областное правленіе въ 1857 г., буряты посѣяли хлѣба 19,344 четверти, а въ 1858 г. 33,971 четв. Благодаря такому успѣшному переходу къ земледѣлію, буряты въ настоящемъ столѣтіи пользовались несравненно лучшимъ положеніемъ, нежели какіе-нибудь другіе инородцы.

Якуты, какъ извѣстно, славятся своимъ скотоводствомъ, которое достаточно гарантируетъ ихъ отъ тѣхъ неудачъ въ промыслахъ, которые такъ часто поражаютъ другихъ инородцевъ и которые часто за собой ведутъ совершенное разореніе дикарей, даже голодную смерть. Кромѣ того, якуты не чужды и земледѣлія, не смотря на всю угрюмость окружающей ихъ природы. Еще въ 1839 году якуты намскаго улуса получали со своихъ пашень 1 четв. хлѣба, кангаласскаго улуса 238 четв., батурусскаго 317, борогонскаго 11, мегинскаго 198. Конечно, количество добываемаго хлѣба незначительно, но нужно вспомнить, что и у русскихъ жителей Якутской области земледѣліе находится въ жалкомъ положеніи. Благодаря своему скотоводству, якуты зажиточнѣе и счастливѣе всѣхъ другихъ инородцевъ сѣверовосточной Сибири. Якуты и буряты, какъ увидимъ ниже, размножаются чрезвычайно быстро, въ то время, какъ другіе инородцы, не пользующіеся такимъ же счастливымъ положеніемъ, или постепенно вымираютъ, или размножаются чрезвычайно медленно.

III.

Религіозное состояніе инородцевъ. Водвореніе между ними образованія. Общія замѣтки объ ихъ правахъ.

Съ конца XVIII и въ особенности съ начала XIX в. въ Сибири вполне утвердился буддизмъ и исламъ.

По словамъ буддѣйской мифической легенды, распространеніе буддизма между шаманистами совершалось далеко не мирными средствами. Шакьямуни, говоритъ легенда, объявилъ себя противникомъ всѣхъ шамановъ и осудилъ ихъ на гибель. Будучи на одномъ состязаніи съ представителями *Черной вѣры*, Шакьямуни рѣшилъ ихъ участь однимъ мановеніемъ руки: едва коснулся онъ своего трона, земля потряслась, и раздался дикій голосъ, похожій на ревъ слона; явились изъ земли духи и начали поражать шамановъ. Несчастные искали спасенія въ бѣгствѣ, но рѣка преградила имъ путь, и гибель ихъ сдѣлалась неизбежною. Изъ 600,000 уцѣлѣло только 200 шамановъ. То, что легенда приписываетъ Буддѣ, было совершено въ Сибири его фанатическими проповѣдниками, ламами. Въ XVIII в., они толпами проникали къ бурятамъ, истребляли шамановъ, строили свои капища и водворяли такимъ образомъ религію Будды. Сами буряты охотно обращались въ ту вѣру, которую исповѣдуютъ ихъ соотечественники монголы. Благодаря религіи, буряты входили все болѣе и болѣе въ тѣсныя сношенія съ Тибетомъ и Монголіей. Тамъ живутъ папы буддѣйскаго міра—Далай-Лама и Кутухта; оттуда привозятся идола, священныя книги и засушенные экскременты Далай-Ламы, съ благоговѣніемъ вкушаемые буддистами; отсюда выходятъ ламы и хубилганы, т.-е. мужи, возшедшіе на степень божественности по очистительной лѣстницѣ метемпсихоза. Плотскимъ отечествомъ для бурята-буддиста служить Монголія, духовнымъ отечествомъ для него сдѣлался Тибетъ. Желая создать для буддизма новый центръ въ Сибири и тѣмъ по возможности предупредить вѣроятное выселеніе изъ нея бурятъ, правительство рѣшилось учредить въ Забайкальѣ особую высшую духовную власть для сибирскихъ буддистовъ. Въ 1764 г. Ширетуй цонгольскаго доцана на правомъ берегу Чикоя, былъ облеченъ упомянутою властью съ титуломъ *бандидо-хамболамы*. Это званіе оставалось за цонгольскимъ настоятелемъ до 1808 г., когда, послѣ продолжительной борьбы, оно перешло къ настоятелю гусиноозерскаго доцана, за которымъ и было утверждено правительствомъ. Хамбо-лама избирается сходкою при селегининской степной думѣ изъ родоначальниковъ бурятскаго народа и изъ депутатовъ 34 буддѣйскихъ приходоу. Избирается такимъ образомъ три кандидата, и достойнѣйшаго изъ нихъ генералъ-губернаторъ представлялъ на высочайшее утвержденіе. Прежде, при вступленіи въ свою должность, хамбо-лама давалъ присягу въ томъ, что онъ обязывается ревностно поддерживать и

распространять въ Россіи буддійскую вѣру; нынѣ эта странная присяга уничтожена. Хамбо-ламѣ принадлежитъ высшая власть надъ всѣми буддійскими монастырями Забайкалья, которыхъ прежде было утверждено правительствомъ 11, а по положенію 15 мая 1853 г.—34. Къ каждому доцану приписанъ церковный приходъ, въ которомъ ламы этого доцана обязаны за плату, конечно, совершать требы. Кромѣ этой платы за требы, ламы имѣютъ доходы отъ dobroхотныхъ приношеній мирянъ и отъ продажи идоловъ, молитвъ, поясовъ и другихъ церковныхъ предметовъ по таксѣ, ежегодно утверждаемой военнымъ губернаторомъ Забайкальской области. Кромѣ того доцанамъ отведены такія прекрасныя и обширныя земли, какихъ не имѣютъ лучшіе православные монастыри въ Сибири. Къ гусиноозерскому доцану примѣжованы 1,500 десятинъ, къ агинскому 1,400, цонгольскому и аларскому 1,200; самые незначительные доцаны имѣютъ по 350 десятинъ. Количество этой земли сообразуется съ числомъ штатнаго духовенства въ доцанѣ. На долю хамбо полагается 500 дес., на ширетуя 200, на ламу 60, на бандія 30, на ховарака 15 десятинъ. Денежные доходы доцана дѣлятся на 10 частей, изъ которыхъ $\frac{1}{10}$ поступаетъ хамбо-ламѣ, $\frac{2}{10}$ ширетуямъ, $\frac{3}{10}$ на содержаніе доцановъ, а остальныя $\frac{4}{10}$ дѣлятся между ламами и бандіями. Всѣ ламы освобождены отъ тѣлеснаго наказанія, отъ всѣхъ казенныхъ и общественныхъ повинностей, даже отъ казачьей службы, если лама казачьяго происхожденія. Ламы болѣе другихъ сословій свободны отъ надзора русскихъ властей, потому что подчинены хамбо-ламѣ, который зависитъ непосредственно отъ генералъ-губернатора.

Благосклонное покровительство, оказанное буддизму въ Сибири, вело за собою его быстрое распространеніе въ этомъ краю. По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1741 г., оказалось, что большинство бурятъ держатся шаманской вѣры, а у буддистовъ было только 11 доцановъ и 150 ламъ. Число это было утверждено комплектнымъ; но въ 1831 г. оказалось буддистовъ 85,000, а ламъ 3,514; въ 1848 г. буддистовъ—125,000, а ламъ—4,546. Правительство въ 1853 г. сочло необходимымъ нѣсколько ограничить такое быстрое распространеніе буддизма и въ особенности ограничить число ту-неядцевъ—ламъ. Но положеніе 1853 г. остается далеко не достигающимъ своей цѣли, и ламы умѣютъ поддерживать тѣ безпорядки, для пресѣченія которыхъ было издано это положеніе.

По буддійскому ученію, ламы есть не что иное, какъ аскеты, не имѣющіе никакого отношенія къ мірянамъ; но у насъ въ Сибири ламы отличаются крайнею распущенностью и развращенностью. Ламы держатъ обыкновенно по нѣскольку наложницъ и незаконныхъ своихъ дѣтей держатъ при себѣ подъ именемъ племянниковъ. Къ этимъ незаконнымъ дѣтямъ переходятъ по наслѣдству самыя лучшія ламскія должности; ламское сословіе такимъ образомъ представляетъ собою родъ жреческой касты. Даже должность хамбо-

ламы передается иногда по наслѣдству; послѣдній хамбо Чойвант-Дорджи-Иши-Чжамсуевъ, замѣчательный своею глупостью и своимъ шестнадцатипудовымъ тѣломъ, былъ незаконный сынъ прежняго хамбо-ламы, имѣлъ много дѣтей и умеръ отъ излишняго угощенія на свадьбѣ своей дочери. Кромѣ своихъ родственниковъ ламы стараются увеличить силу и численность своего сословія посредствомъ вербовки въ число своихъ учениковъ дѣтей постороннихъ имъ бурятъ. Не смотря на запрещеніе начальства, они обрекаютъ въ духовное званіе множество дѣтей, часто при самомъ ихъ рожденіи. Своимъ нравственнымъ вліяніемъ на суевѣрныхъ прихожанъ, они заставляютъ ихъ отдавать въ это званіе своихъ дѣтей вслѣдствіе обѣтовъ, сдѣланныхъ для предотвращенія несчастія или устраненія болѣзней, угрожающихъ смертью имъ или скоту ихъ. Ламы берутъ къ себѣ мальчиковъ съ самаго малолѣтства, учатъ ихъ читать по-монгольски и по-тибетски и вмѣстѣ съ тѣмъ заставляютъ ихъ работать на себя. Этимъ приобретаютъ они огромное вліяніе въ семействахъ своихъ учениковъ. Сами ламы крайне невѣжественны, и все ихъ образованіе состоитъ въ одномъ умѣннѣ читать по-монгольски и по-тибетски, но читать безъ всякаго пониманія смысла. Многіе ламы—чистые атеисты, въ родѣ послѣдователей Конфуція; они не вѣрятъ ни въ Будду, ни въ три драгоценности, ни въ спасительную силу экскрементовъ Далай-Ламы, книги свои считаютъ собраніемъ сказокъ и съ наглымъ безстыдствомъ признаются, что они поддерживаютъ свою вѣру только для глупой черни. Они стараются содержать народъ въ невѣжествѣ, лишеніяхъ и грязи кочевой жизни, изъ боязни, чтобы, полюбивши русское просвѣщеніе и удобства русской осѣдлой жизни, онъ не принялъ бы и русской вѣры. Они стараются поддержать въ нихъ сердечную привязанность къ Монголіи и Тибету, откуда приходятъ къ нимъ хубилганы, обирающіе ихъ до нитки ради своего высокаго сана. Пользуясь своимъ жреческимъ авторитетомъ, ламы угнетаютъ и разоряютъ бурятъ. Они воспользовались шаманскими суевѣріями бурятъ и обезобразили примѣсю ихъ чистое ученіе Будды, учредивъ многочисленныя *гурумы*, или требы, которыя есть нечто иное, какъ заимствованныя изъ шаманства отчитыванья, наговоры, жертвоприношенія и ворожба. Ламы—непремѣнные члены на родинахъ, свадьбахъ, похоронахъ, при чемъ они пускаютъ въ ходъ все свое наглое шарлатанство, чтобы вытянуть послѣднюю овцу у бѣднаго бурята. Даже понынѣ случается, что послѣ смерти бурята ламы силою растаскиваютъ все его имущество, продаютъ даже его юрту, а его семейство пускаютъ по міру. Плата за похороны простирается до 80 и больше скотинъ; другія требы оплачиваются въ такой же степени. Можно себѣ послѣ этого представить, какъ вредно дѣйствуетъ на благосостояніе бурятъ ихъ духовное сословіе, и какъ эта каста шарлатановъ-грабителей задерживаетъ переходъ бурятскаго племени въ область высшей культуры.

Точно такое же вліяніе на судьбу инородцевъ

имѣть и магометанское духовенство. Въ XIX в. исламъ уже не претерпѣвалъ въ Сибири тѣхъ гоненій, которымъ онъ подвергался въ XVII и XVIII в. отъ тобольскихъ архіереевъ. И онъ утвердился въ Сибири, преимущественно въ Западной, также прочно, какъ буддизмъ въ Восточной. Въ 1851 г. въ Сибири было 188 мечетей, въ томъ числѣ 148 въ одной Тобольской губерніи; муллъ было 237. Поддерживая въ своихъ прихожанахъ религіозный фанатизмъ и суевѣріе, муллы также безцеремонно обираютъ магометанъ, какъ ламы буддистовъ, и тѣмъ много содѣйствуютъ обѣдненію инородцевъ. Невѣжественные, даже едва умѣющіе читать сибирскіе муллы держатъ въ такомъ же невѣжествѣ все магометанское населеніе, и соодержимыя при мечетяхъ школы приносятъ только денежную пользу самимъ мулламъ.

Ламы и муллы всегда противодѣйствовали своимъ нравственнымъ вліяніемъ на инородцевъ распространенію между ними христіанства. И реакція христіанству этихъ жрецовъ всегда была успѣшна потому что она встрѣчала полное сочувствіе со стороны инородцевъ. Всѣ инородцы Сибири, какъ буддисты и магометане, такъ и шаманисты, любятъ свою національность и боятся потерять ее, сдѣлавшись христіанами. Въ ихъ понятіяхъ слово *вѣра* вполнѣ синонимизируетъ съ словомъ *культура*, и принять русскую вѣру для инородца значитъ то же, что сдѣлаться русскимъ, принять русскіе обычаи, устроить всю свою внѣшнюю обстановку по русскому образцу. И вотъ березовскіе самоѣды, защищавшіе въ XVIII в. свою вѣру и свою національность съ оружіемъ въ рукахъ, до сихъ поръ остались упорными шаманистами. Въ 1828 г. они готовы были даже взбунтоваться, вслѣдствіе распространенныхъ между ними ложныхъ слуховъ о намѣреніи начальства силою обратить ихъ къ христіанству. Обскіе остяки, по словамъ Кастрена, давно уже желаютъ поселиться по берегамъ Оби осѣдлыми рыболовными деревнями, но ихъ удерживаетъ отъ этого боязнь миссіонеровъ. И они раздробляются на отдѣльныя семейства, которые изъ страха встрѣчи съ миссіонерами все болѣе и болѣе удаляются въ глубь лѣсовъ, окончательно разстроивая тѣмъ свое благосостояніе. Въ одномъ изъ своихъ писемъ съ Алтая (въ Archiv Egmann's) д-ръ Радловъ говоритъ, что основаніе алтайской миссіи встрѣтило сильное противодѣйствіе со стороны зайсановъ, и число новокрещенныхъ до сихъ поръ еще незначительно (около 3,000 ч.). Какъ въ каждомъ побѣжденномъ народѣ, такъ и у калмыковъ (говоритъ Радловъ) является противодѣйствіе господствующему племени. Калмыкъ боится утратить свою національность, сближаясь съ русскими, и потому всегда старается держать себя дальше отъ нихъ. Русскія колоніи обхватываютъ Алтай, и по многимъ уже рѣкамъ русскіе далеко проникли во внутренность страны. Калмыкъ бѣжитъ отъ нихъ, удаляется все дальше и дальше въ горы и постепенно бѣднѣетъ, лишаясь прекрасныхъ луговыхъ мѣстъ. Калмыкъ считаетъ миссію учрежденіемъ, воздвигнутымъ на его погибель; онъ уда-

ляется отъ нея, насколько это возможно, крѣпко привязывается къ старымъ правамъ и обычаямъ и смотритъ на перешедшихъ въ христіанство, какъ на отступниковъ». То же самое свидѣтельствуетъ относительно бурятъ начальникъ забайкальской миссіи, еп. Веніаминъ. «Крещенный бурятъ—пишетъ онъ—среди своихъ некрещенныхъ соотечественниковъ есть всегдашній мученикъ, и самая бдительная полиція не въ состояніи защитить его отъ притѣсненій его родичей—язычниковъ». Буряты большіе индифферентисты. Случается, что буряту-шаманисту служить молебень лама; буряты молятся, затѣмъ покупаютъ восковую свѣчу и идутъ молиться въ русскую церковь, а потомъ призываетъ къ себѣ шамана и приносятъ жертву своимъ идоламъ. Большинство бурятъ давно уже приняло бы христіанство, если бы отъ этого не удерживали ихъ нѣкоторыя, не касающіяся самаго христіанства побужденія, и прежде всего любовь къ своей національности. По словамъ протоіерея П. Громова, коряки, кочующіе около Тигиля, радушно встрѣчали миссіонеровъ; но на предложеніе креститься, они отвѣчали, что «боятся съ принятіемъ русской вѣры сдѣлаться такими же злыми и нечестными, какъ тигильскіе казаки». Чаукоцкій шаманъ Тнепа такъ отвѣчалъ на проповѣдь миссіонера Аргентова: «Вы—люди русскіе, Богъ далъ вамъ и вѣру русскую и лошадей; мы люди чаукчи, Богъ далъ намъ и вѣру чаукоцкую и оленей. Итакъ вы русскіе, вѣруйте по-русски и оставайтесь съ вашими лошадьми; а мы, чаукчи, будемъ вѣровать по-чаукоцки и останемся съ нашими оленями. Богъ же, присматривающій за всѣми вѣрами и всѣми народами, будетъ глядѣть съ неба и наблюдать—по-русски ли живутъ русскіе, по-чаукоцки ли—чаукчи». Другой чаукча говорилъ г. Аргентову: «Я былъ молодъ; русскіе предлагали мнѣ свое знакомство, лаская дружбою; сопротивляться было нельзя, и я окрестился. Теперь я гляжу на бывшее иными глазами, стариковскими! Что принесло намъ крещеніе? Испыталъ я на себѣ, видѣлъ и надъ другими, что, крестившись, люди бѣднѣютъ, стада ихъ уменьшаются, олени переводятся; да и самые люди переводятся, съ тѣхъ поръ, какъ начали креститься. Стариковъ почти вовсе не стало. Многіе умерли не по-людски. Въ старину не водилось этого съ нашимъ народомъ. Бывало, всѣ наши умирали по-нашему. Нѣтъ, я не позволю никому креститься и самъ хочу умереть по-человѣчески». Когда кончилъ эту рѣчь старшина Ульбекъ, стоявшій тутъ молодой шаманъ, обратясь къ чаукчамъ, выразительно произнесъ: «не надобно!» а миссіонеру—«не хотимъ!» и вышелъ изъ шатра. Сынъ Ульбека говорилъ: «мы живы оленями, и безъ нихъ намъ нельзя быть живыми въ здѣшнемъ краѣ. Уменьшенія въ стадахъ не желаемъ, къ нищетѣ не расположены, креститься не хотимъ!» Это убѣжденіе о гибельномъ вліяніи русской вѣры на экономическое благосостояніе сильно распространено между инородцами. На обращеніе въ христіанство они смотрятъ, какъ на переходъ къ нищетѣ. Поэтому нѣ-

донинскій монастырь, и въ немъ открыта школа для десяти остяцкихъ мальчиковъ на казенномъ содержаніи. Въ Тобольской губерніи въ 1851 г. христіанъ-инородцевъ было 24,385 ч. Приведенныя нами цифры много говорятъ въ пользу успѣховъ христіанства между инородцами; но эти успѣхи чисто количественные, а не качественные.

Каждая религія при своемъ распространеніи между чуждыми ей народами сначала прививается къ нимъ только своею виѣшнею стороною. Приобрѣтенные ею прозелиты примѣшиваютъ къ ней множество своихъ прежнихъ вѣрованій; часто даже перемѣняются только имена боговъ, а сами боги остаются совершенно тѣми же. Если народный разумъ не стоитъ на одной и той же степени развитія, а постепенно идетъ впередъ и совершенствуется, то онъ создаетъ, наконецъ, періодъ религіозной реформациіи и очищаетъ свою вѣру отъ упомянутой посторонней примѣси; въ противномъ же случаѣ, религія остается въ своей смѣшанной формѣ таковъ буддизмъ, который, вслѣдствіе сліянія съ народными вѣрованіями и обычаями азіатцевъ, принялъ форму ламаизма и окаменѣлъ въ ней. Та же исторія повторилась и при распространеніи христіанства. Язычники, вступая въ лоно церкви, долго еще оставались при своихъ прежнихъ вѣрованіяхъ, и религія, которую они исповѣдывали подъ названіемъ христіанства, представляла изъ себя только пеструю смѣсь христіанства съ язычествомъ.

Распространеніе христіанства въ Сибири сопровождалось тѣми же результатами: водворялось и водворяется не чистое христіанство, а двоевѣріе.

Вести христіанскую пропаганду такъ, чтобы инородцы обращались въ православіе съ полнымъ убѣжденіемъ въ его достоинствахъ, — чрезвычайно трудно. Для этого нужно знать въ совершенствѣ нарѣчія инородцевъ, ихъ нравы, обычаи, вѣрованія, бытъ; нужно приобрести уваженіе и любовь туземцевъ, нужно дать имъ понятіе нравственное величіе христіанства. Это трудная дѣятельность, на нее способны не многіе... Въ Сибири же инородческіе приходы часто замѣщаются людьми, во-вовсе неспособными въ миссіонерской дѣятельности, иногда людьми, не окончившими курса даже въ уѣздномъ училищѣ. Между тѣмъ миссіонерская дѣятельность всегда была очень выгодна. Миссіонеръ, обратившій многихъ язычниковъ, получаетъ отъ начальства награды и, увеличивая число своихъ прихожанъ, увеличиваетъ съ тѣмъ вмѣстѣ матеріальныя выгоды своей должности. Но для того, чтобы получить награду, для того, чтобы увеличить свои доходы посредствомъ увеличенія числа прихожанъ, — для этого достаточно одного номинальнаго обращенія.

Инородцы, съ своей стороны, обращаются въ христіанство большею частью также изъ-за выгоды. Ихъ соблазняютъ трехлѣтняя льгота отъ податей и подарки отъ воспріимниковъ или миссіонеровъ. Обращеніе такого рода отлично характеризуется разсказомъ путешественника Матюшкина. Въ мѣстечкѣ островномъ, во время пріѣзда чаукчей на армарку, туда пріѣзжаетъ священникъ и обыкно-

венно креститъ нѣсколько чаукчей. Матюшкинъ, присутствовавшій при одномъ изъ такихъ крещеній, разсказываетъ, что одинъ чаукча согласился окреститься за нѣсколько фунтовъ табаку. Привели его въ часовню, гдѣ уже была готова бочка, замѣнявшая купель. Чаукчѣ предложили окунуться; но онъ началъ спорить, доказывая, что можно обойтись и безъ этого; «давай мой табакъ», твердилъ онъ. Только послѣ долгаго спора онъ рѣшился войти въ купель; но, окунувшись разъ, тотчасъ выскочилъ и, бѣгая по часовнѣ, кричалъ: «давай табакъ! мой табакъ!» Всѣ убѣжденія окунуться еще два раза не повели ни къ чему, — на нихъ чаукча отвѣчалъ одно: «давай табакъ!» Обращенный подобнымъ образомъ инородецъ хотя и приобретаетъ въ послѣдствіи какія-нибудь понятія о христіанствѣ, но въ сущности остается все-таки язычникомъ. Березовскіе остяки, напр., давнымъ-давно уже всѣ обращены въ христіанство. Но Гоффманъ въ своемъ «Сѣверномъ Уралѣ» говоритъ, что они все-таки остаются язычниками, «продолжаютъ держаться старыхъ обычаевъ и, при появленіи незнакомыхъ людей, тотчасъ прячутъ своихъ идоловъ.» Начальникъ Тобольской губерніи въ своемъ отчетѣ о ревизіи Березовскаго края въ 1864 г. также говоритъ, что «христіанство хотя и распространено между ними, но распространено болѣе номинально. Инородцы остаются въ душѣ язычниками, попрежнему чествуютъ своихъ шамановъ, и между ними незамѣтно того благотѣльнаго вліянія, какое христіанство имѣло на другіе народы». То же самое можно сказать о множествѣ бурятъ, числящихся православными. Кто потрудится заглянуть въ мою статью «О шаманствѣ въ Сибири» (*Зап. Географич. Общ. 1864 г. ч. II*), тотъ найдетъ тамъ нѣсколько бурятскихъ легендъ, въ которыхъ христіанскія вѣрованія бурятъ перемѣшаны съ огромною долею шаманскаго міѳологическаго элемента. Случалось даже, что сами миссіонеры поддерживали шаманство изъ корыстныхъ видовъ, напр., ворожили по-шамански, дѣлали предсказанія на шаманскій манеръ, и т. п. Къ этимъ двумъ элементамъ вѣрованій христіанствующихъ бурятъ часто присоединяется еще третій — элементъ русскихъ народныхъ суевѣрій, который прочно прививается ко всѣмъ вообще инородцамъ Сибири. Не оставляя своихъ шаманскихъ вѣрованій, буряты не оставляютъ и шаманскихъ религіозныхъ обычаевъ. Они и шаманскія жертвы приносятъ, и продолжаютъ относиться къ шаманамъ съ полною вѣрою въ ихъ фамиллярныя сношенія съ духами. Между якутами-христіанами, по свидѣтельству путешественниковъ, сохранилось также много шаманскихъ вѣрованій и шаманскихъ обычаевъ. Но болѣе всего недавно обнаружилось описываемое двоевѣріе между камчадалами, которыхъ давно уже считали хорошими христіанами и которые по своему характеру болѣе всѣхъ инородцевъ способны къ усвоенію себѣ христіанства. Въ 1847 г., по всему сѣверу Камчатки разнесся слухъ, что изъ глубины сѣвера ѣдетъ на оленяхъ камчадалскій національный богъ *Кутху*; что онъ надѣ-

являть всѣхъ лучшими оленями, рыболовными съ-
тами и другими подарками; куда ни приходилъ
онъ, всюду исчезаетъ снѣгъ, являются цвѣты и
зелень. Всѣ, и крещенные, и некрещенные инородцы,
съ полною вѣрою и съ большимъ нетерпѣніемъ
ожидали Кутху въ мартѣ 1848 г. Они бросали свою
старую утварь, сѣти, оружіе; убивали своихъ луч-
шихъ оленей, часто безъ всякой надобности, и
многіе поэтому вовсе лишились своихъ стадъ. Но
Кутху не пришелъ!..

Главною причиною неуспѣховъ христіанства
служить отсутствіе грамотности и образованія.
Можно надѣяться, что съ новымъ уставомъ алтай-
ской и забайкальской миссій вмѣстѣ съ вѣрою
будетъ водворяться между инородцами и образова-
ніе. Въ доказательство успѣшности такой пропа-
ганды можно указать на дѣятельность англійскихъ
миссіонеровъ въ Забайкальской области. Посе-
лившись около Селенгинска, они прожили тамъ
около двадцати лѣтъ; они завели монгольскую ти-
пографію, бібліотеку, сдѣлали превосходный пе-
реводъ бібліи на монгольскій языкъ, обучали бу-
рятъ ремесламъ и обратили около 3,000 въ хри-
стіанство. Въ началѣ сороковыхъ годовъ они были,
къ сожалѣнію, высланы изъ Сибири; одинъ изъ
нихъ до настоящаго времени съ успѣхомъ подви-
зается на Зондскихъ островахъ.

Въ XVIII в. въ Сибири было основано много ино-
родческихъ школъ, но ни одна изъ нихъ не до-
жила до настоящаго столѣтія; однѣ закрылись,
вслѣдствіе недостатка денежныхъ средствъ и учи-
телей, а двѣнадцать камчатскихъ школъ были за-
крыты мѣстнымъ начальствомъ, сдѣлавшимъ это
въ пику мѣстному духовенству. Школы пали и не
возобновлялись болѣе. Новыхъ школъ для инород-
цевъ до самаго послѣдняго времени было основано
очень мало. Только въ 1800 г. якутскій князецъ
кангалайскаго улуса Шадринъ въ своемъ проше-
ніи на высочайшее имя просилъ учредить при
якутскомъ монастырѣ школу для обученія якут-
скаго юношества. Синодъ опредѣлилъ открыть се-
минарію, въ которой преподавать русскую грам-
матику, катехизисъ, св. исторію, а учителями
опредѣлить монаховъ. Въ эту семинарію начали
поступать и нѣкоторые якуты, переходившіе, по
окончаніи курса, въ духовное званіе. Въ иркут-
скую семинарію, въ иркутское и нерчинское ду-
ховныя уѣздныя училища также иногда, очень
рѣдко впрочемъ, поступали буряты. Нѣсколько
человѣкъ бурятъ были даже въ университетахъ,
и въ томъ числѣ извѣстный ученый монго-
листъ Дорджи Банзаровъ. Но все это были
частные факты, вовсе не имѣвшіе вліянія на
умственное развитіе инородческихъ племенъ. Мало
имѣли также значенія и тѣ инородческія школы,
которыя основались при церквахъ инородческихъ
приходовъ и при монастыряхъ Туруханскомъ и
Кондинскомъ. Кажется, большая часть этихъ
школъ существовала только на бумагѣ, а не въ
дѣйствительности. Въ описаніи Березовскаго края
Абрамова говорится, что «въ Кондинскомъ мона-
стырѣ и при нѣкоторыхъ сельскихъ церквахъ съ

1843 по 1847 г. заведены *десять* инородче-
скихъ школъ, въ которыхъ въ 1850 г. училось
71 остякъ, да въ русскихъ училищахъ 16 остя-
ковъ». Кондинскій монастырь, нужно замѣтить,
на содержаніе школы для 12 остяцкихъ мальчи-
ковъ получаетъ въ годъ отъ казны 285 р. 75¹/₂ к.
Въ другихъ книжкахъ, подобныхъ абрамовской,
и въ официальныхъ отчетахъ состояніе инородче-
скаго образованія въ Березовскомъ краѣ выра-
жалось цифрами, подобными вышеприведеннымъ.
Конечно, друзья народнаго просвѣщенія считали
эти цифры незначительными, но все-таки они
не могли не радоваться тому, что въ странѣ Ипер-
бореевъ насаждено древо знанія, что оно растетъ
и со временемъ принесетъ, конечно, хорошіе плоды.
Но друзья просвѣщенія горько ошибались. Въ
январѣ 1864 г. начальникъ Тобольской губерніи
ѣздивъ по Березовскому краю и «былъ крайне
пораженъ невѣжественнымъ состояніемъ инород-
цевъ. Не смотря на то, что тамъ давно уже суще-
ствуетъ русское управленіе, и русскіе торговцы
и промышленники давно уже посѣщаютъ этотъ
край и даже живутъ вблизи инородцевъ, образо-
ванность нисколько не коснулась послѣднихъ, и
они остаются почти въ томъ же нервобитномъ
состояніи, какъ были назадъ тому сотни лѣтъ.
Дикое и невѣжественное состояніе сѣверныхъ
инородцевъ причиною тому, что пьянство и дру-
гіе самые отвратительные пороки распространены
между ними до послѣдней крайности. Пороки эти,
ведя за собою бѣдность и болѣзни, способствуютъ
разоренію края и *уменьшенію народонаселенія*,
которое замѣчается ежегодно и видимо ведетъ къ
тому, что оставленное въ настоящемъ состояніи
племя сѣверныхъ инородцевъ, наконецъ, исчез-
нетъ». «Имѣющіяся нынѣ училища для инород-
цевъ— продолжаетъ г. начальникъ губерніи—
существуютъ болѣе на бумагѣ, чѣмъ на дѣлѣ.
Такихъ училищъ два: въ Кондинскомъ монастырѣ
и въ Обдорскѣ; кромѣ того, учится 1 остякъ въ
березовскомъ приходскомъ училищѣ; въ сургут-
ской же школѣ нѣтъ ни одного». Остяки не-
охотно отдають въ школы своихъ дѣтей, а ко-
торыя и отдавали бы, то содержать нечѣмъ.
Между тѣмъ изъ числа всѣхъ инородческихъ
училищъ въ одномъ только кондинскомъ уча-
щіеся пользовались даровымъ помѣщеніемъ и со-
держаніемъ. Въ лучшее время этого училища въ
немъ было не болѣе 10 остяковъ, которыхъ обык-
новенно брали въ школу насильно при содѣйствіи
земской полиціи. Самое обученіе производилось
очень небрежно. Мальчики учились по три-по че-
тыре года, и все-таки, по выходѣ изъ школы, едва
умѣли читать и писать, а проживъ года два дома,
въ юртахъ, совсѣмъ позабывали грамоту. Въ на-
стоящее время это училище, получая отъ казны
ежегодное пособіе, существуетъ только на бумагѣ
и не имѣетъ ни одного ученика... Въ Обдорскѣ
при миссіи селенія находится очень мало ино-
родческихъ учениковъ. Приходскія училища хотя
и были учреждены при многихъ церквахъ Бере-
зовскаго округа, но духовенство, не получая ни-

какого вознагражденія за свои труды, не только занималось ими неохотно, но даже постепенно прекращало занятія свои по школамъ, такъ что въ настоящее время не существуетъ училищъ ни при одной церкви».

Водворенію образованія между инородцами до сихъ поръ препятствовали съ одной стороны—неумѣнье взяться за это дѣло, съ другой стороны—положеніе самихъ инородцевъ. Это доказываетъ слѣдующая за симъ назидательная исторія.

Въ 1853 г. министръ государственныхъ имуществъ гр. Кисилевъ спрашивалъ мѣстное начальство, «какими средствами можно было бы водворить постепенно образованіе между инородцами, дѣйствуя такимъ образомъ на распространеніе между ними хотя нѣкоторой гражданственности?» Начались соображенія и переписка. Водворить между инородцами образованіе было предложено на слѣдующихъ основаніяхъ. Для этого инородцы были раздѣлены на четыре разряда. Въ первомъ отнесены осѣдлые, обрусѣвшіе уже инородцы, которые живутъ или отдѣльными селеніями, или смѣшанно съ русскими. Поэтому было положено, что они могутъ учиться въ тѣхъ же приходскихъ училищахъ, которыя тогда были предположены къ открытію для приготовленія крестьянскихъ мальчиковъ въ волостные писаря. При этомъ сочтено необходимымъ, чтобы инородцы участвовали въ платежѣ сбора, платимаго крестьянами на содержаніе этихъ училищъ. Магометане этого разряда могутъ учиться у муллъ при мечетяхъ, какъ это дѣлается и теперь.

Во второму разряду отнесены осѣдлые магометане, сохранившіе вполнѣ свой языкъ, свои нравы, обычаи и вѣрованія. Такъ, при заведеніи у нихъ школъ можно встрѣтить сопротивленіе со стороны муллъ, то было положено поручать мулламъ, за извѣстное вознагражденіе, преподавать въ этихъ школахъ магометанскій законъ. Вмѣстѣ съ русскою грамотою учить и татарской. Учителей приготовить лучше всего изъ инородцевъ же.

Въ третьему разряду отнесены инородцы, находящіеся на низшей степени гражданственности, ведущіе осѣдлую жизнь и не знающіе русскаго языка. Таковы, на примѣръ, инородцы нарымскіе и алтайскіе. Въ школахъ преподавать законъ божій, русскую грамоту и *мастерство* (какое—неизвѣстно). Дѣти должны жить при школахъ, на казенномъ содержаніи.

Гдѣ взять учителей? Этотъ вопросъ прожектеры рѣшали различно. Большинство совѣтовало поручить эту обязанность приходскому духовенству. Томскій директоръ училищъ писалъ, что въ учителя нужно опредѣлять «престарѣлыхъ подвижниковъ-монаховъ» (которыхъ въ Сибири вовсе не имѣется), а туринскій исправникъ—«отставныхъ благонадежныхъ унтеръ-офицеровъ!» Относительно размѣровъ содержанія, потребнаго на школы, также всѣ разогласили. Алтайская миссія считала достаточнымъ 25 р. въ годъ на каждую школу. Тарскій исправникъ полагалъ: расходовъ на постройку дома 800 р., тремъ учи-

телямъ 1,500 р. ежегодно, на учебныя пособія 250 р., отопленіе и освѣщеніе 35 р., непредвидимыхъ 40 р.—Для успѣха преподаванія совѣтъ главнаго управленія Западной Сибири положилъ «обучавшимся давать особый мѣдный знакъ съ изображеніемъ государственнаго герба для ношенія на шапкахъ»!..

Начали наводить разныя справки, начали спрашивать самихъ инородцевъ, желаютъ ли они имѣть школы; оказалось, что сдѣлать это можно только на казенный счетъ и то съ большимъ трудомъ. Большинство инородцевъ оказалось погруженнымъ въ такую бѣдность, что объ образованіи ихъ пока нельзя было и думать. «Буде предположить особаго учителя для образованія малолѣтнихъ инородцевъ,—говорилъ весьма основательно тогурскій отдѣльный засѣдатель,—то въ такомъ случаѣ они не только не будутъ имѣть возможности производить сборъ для устройства училища, но даже не въ состояніи будутъ оплачивать государственнаго ясака и земской повинности». Но если бы завести училища на казенный счетъ, то и въ такомъ случаѣ инородческое хозяйство также пострадало бы. Инородческія дѣти съ самыхъ малыхъ лѣтъ помогаютъ своимъ родителямъ въ ихъ работахъ; отдавать ихъ въ школу родители обыкновенно не желаютъ, такъ какъ это лишитъ ихъ необходимыхъ работниковъ и тѣмъ разстроитъ ихъ хозяйство. Кромѣ того, инородцы думаютъ, что школьное образованіе приноситъ вредъ для ихъ народа. И инородцы отчасти правы, такъ какъ въ подтвержденіе этого мнѣнія они приводятъ примѣры инородцевъ, учившихся въ школахъ. Нѣкоторые изъ этихъ инородцевъ дѣлаются волостными писарями и притѣсняютъ своихъ соотечественниковъ. Другіе вовсе бросаютъ своихъ кочевыхъ родственниковъ, шатаются по русскимъ селамъ, дѣлаютъ мошенничества или уходятъ на присски и погибаютъ часто безъ вѣсти, опившись водки или попавши подъ судъ. Вообще инородцы воспринимаютъ отъ русскихъ скорѣе дурное, чѣмъ хорошее. Это нужно сказать даже о тѣхъ, которые имѣли случай вкусить высшаго образованія. Они съ презрѣніемъ относятся къ своимъ соотечественникамъ, гордятся своими чинами и ведутъ себя такъ глупо—напыщенно, что не могутъ быть терпимы въ сколько-нибудь порядочномъ обществѣ. Конечно, здѣсь есть исключенія, въ родѣ Д. Банзарова и Чекана Валиханова; но судьба этихъ исключительныхъ натуръ до того плачевна, что ихъ какъ-то не хочется ставить въ примѣръ того, что инородцы могутъ быть вполнѣ европейски-развитыми людьми. И Банзаровъ былъ очень образованный человекъ, и Валихановъ также. Но Банзаровъ, пріѣхавъ въ Иркутскъ, началъ все дружественнѣе и дружественнѣе сходиться съ невѣжественными и грязными ламами, которыхъ онъ прежде презиралъ, чужъ ли снова не обратился къ буддизму, въ который прежде не вѣрилъ; началъ пить и запилъ до смерти!.. Валихановъ же, въ бытность свою въ Петербургѣ, съ такимъ рвеніемъ предавался раз-

гузу гусарской жизни, что приобретать чахотку, быть принужденъ ухаживать въ степи, и чахотка была убита его. Такова была судьба двухъ сибирскихъ инородцевъ, которые одни только и получили европейское образованіе!..

Вслѣдствіе вышеупомянутыхъ причинъ, инородцы отнеслись весьма не сочувственно къ изложенному нами проекту о заведеніи у нихъ школъ. Кузнецкій исправникъ, напр., доносилъ, что «они боятся всякаго нововведенія со стороны правительства, опасаясь обращенія ихъ въ крестьянъ, отчего никто изъ нихъ не согласится добровольно отдать дѣтей своихъ въ училища». Въ Березовскомъ округѣ между инородцами разошлась молва, что дѣти ихъ по обученіи грамотѣ будутъ отдаваемы въ солдаты. И они рѣшились не соглашаться на открытіе школъ. Въ это время въ Березовѣ ѣздилъ директоръ училищъ Тобольской губерніи. Лишь только остиаки услышали отъ него предложеніе открыть школу, они забили руками и ногами—«не надо школы!» Въ слѣдующихъ селахъ директоръ не видалъ уже ни одного ребенка; остиаки прятали дѣтей, желая показать, что у нихъ нѣтъ ребятъ и что открывать школы не для кого.

Такимъ образомъ оказалось, что большинство инородцевъ и не можетъ, и не желаетъ содержать школъ; содержать же ихъ на казенный счетъ оказалось дорого. Проекты не осуществились и остались проектами на бумагѣ. Дѣло инородческаго образованія осталось въ прежнемъ положеніи. Только въ Балаганскѣ открыта г. Пирожковымъ частная бурятская школа, да въ Иркутскѣ составлена и переведена на бурятскій языкъ крижечка «о мірозданіи». Вотъ почти все, о чемъ стоитъ упомянуть. Еще нужно прибавить, что школа, подобная кондинской, существуетъ въ Туруханскѣ, да нѣкоторые инородцы изрѣдка попадаютъ въ русскія училища *). Число грамотныхъ инородцевъ въ Сибири, благодаря бездѣятельности мѣстныхъ статистическихъ комитетовъ, неизвѣстно, по крайней мѣрѣ мнѣ. Я знаю только, что въ Енисейской губерніи изъ 41,797 инородцевъ грамотныхъ только 46 человекъ. Процентъ ничтожный. Между тѣмъ, для успѣховъ обрусѣнія инородцевъ, для поправленія ихъ экономического и умственного состоянія грамотность и образованіе необходимы. Нужно разсѣять окружающій инородцевъ мракъ невѣжества, освободить ихъ отъ разныхъ отвратительныхъ пороковъ, отъ грязи кочевой жизни,

а всего этого можно достигнуть только посредствомъ образованія. Русской цивилизаціи предстоитъ здѣсь огромная и трудная задача не только измѣнить внѣшнюю культуру инородцевъ, но и реформировать ихъ общественный бытъ, облагородить ихъ общественные и семейные нравы.

Принадлежа всѣ къ одной группѣ народовъ, именно къ группѣ, которую называютъ *алтайскою*, инородцы Сибири мало чѣмъ отличаются другъ отъ друга въ своихъ нравахъ и обычаяхъ.

Первоначальная форма семьи у первобытныхъ народовъ есть полное рабство. Взятыя на войнѣ невольницы употребляются ихъ завоевателемъ для удовлетворенія своихъ животныхъ инстинктовъ. Эта форма брака существовала у сибирскихъ инородцевъ до русскаго владычества, какъ свидѣлствуютъ ихъ саги и преданія. Но еще передъ приходомъ русскихъ бракъ началъ переходить и, наконецъ, вовсе перешелъ во вторую форму своего развитія—въ куплю жены. Жена покупается, и такимъ образомъ мужъ приобретаетъ надъ ней полное право собственности. Вслѣдствіе недостатка женщинъ, цѣны за невѣсту (*калымъ*) всюду почти довольно высоки. На покупку жены инородецъ часто разоряется, а бѣднякъ или остается холостымъ, или женится на нищей, на старухѣ, на уродѣ. Само собою понятно, что жена завалена работою и подвержена постоянному деспотизму мужа. Иногда инородецъ бьетъ ее только ради развлечения, такъ какъ у многихъ инородцевъ драка составляетъ забаву въ родѣ англійскаго бокса. Г. О—въ въ своемъ описаніи Нарымскаго края рассказываетъ: «представьте себѣ кружокъ пьяныхъ остяковъ, сидящихъ за обѣдомъ вокругъ котла. Вдругъ одинъ изъ мужчинъ вскакиваетъ и начинаетъ бить свою жену, таскаетъ ее за волосы по землѣ, топчетъ ногами и т. д. Жена не издаетъ никакого стона и только по временамъ вскрикиваетъ: *айга, айга*, больно, больно!.. Уставъ, остякъ садится снова къ котлу; жена поднимается съ земли и садится тутъ же». Въ такомъ же отношеніи къ отцу находятся и дѣти. Прежде отецъ имѣлъ даже право жизни и смерти надъ всѣмъ своимъ семействомъ. Во время русскаго завоеванія и во время своихъ бунтовъ, инородцы сплошь и рядомъ перерѣзывали своихъ женъ и дѣтей, чтобы легче убѣжать отъ непріятеля или чтобы семейство не попало въ русскія руки. Всѣ права отца переходятъ послѣ его смерти къ старшему сыну.

То же положеніе, какое занимаетъ отецъ въ своемъ семействѣ, занимаетъ родоначальникъ въ своемъ родѣ. Патріархальный характеръ власти родоначальника особенно хорошо сохранился у бурятъ, алтайскихъ калмыковъ и у большинства бродячихъ инородцевъ. Родоначальники въ настоящее время уже не пользуются такою обширною властію надъ своимъ родомъ, какую они имѣли до русскаго владычества. Но такъ какъ ихъ власть была утверждена русскимъ правительствомъ, хотя и въ ограниченномъ видѣ, то родоначальники умѣютъ пользоваться этимъ для угнетенія своихъ

*) Упомянувъ о туруханской школѣ, я не могу не выразить сомнѣнія насчетъ ея дѣйствительнаго существованія. Въ туруханскихъ просвѣтителяхъ инородческаго множества замѣчается *тибетская* ревность къ дѣлу образованія, благодаря которой школа давно уже могла закрыться. Упомянутая ревность погубила же одну туруханскую школу въ самомъ ея началѣ. Нѣкто инородчій пожелавъ когда-то на основаніе школы деньги, оставленные на сохраненіе монахамъ, и лѣсъ. Такимъ образомъ школа должна была поступить въ руки монаховъ, что возбуждало не малую зависть въ священникѣ и засѣдателѣ. Деньги были растрчены хранителями, лѣсъ сожженъ однимъ изъ ихъ соперниковъ, а другой соперникъ, засѣдатель, донесъ на всѣхъ виновныхъ начальству!..

родовичей. Дань, которую они получали съ рода во времена независимости, превратилась теперь во взятки, которыя они сдираютъ съ родовичей при всякомъ удобномъ случаѣ. Эти взятки принимаютъ иногда самую оригинальную форму. Еще очень недавно, напр., буряты были обязаны платить своему тайшѣ столько рублей, сколько получилъ отъ него розогъ! Особенно вредны тѣ родоначальники, которые имѣютъ чины, ордена, медали и др. знаки отличія. Они считаютъ себя чиновниками и притѣсняютъ инородцевъ часто для одного того, чтобы показать свое чиновное значеніе. Они стараются подражать въ своей виѣшней жизни русскимъ; есть даже бурятскіе тайши, которые пьютъ шампанское и читаютъ газеты,—это увеличиваетъ ихъ расходы и заставляетъ ихъ увеличивать также и свои доходы на счетъ родовичей.

Нравственность инородцевъ представляетъ странную смѣсь отвратительныхъ пороковъ и патріархальныхъ добродѣтелей. Нѣкоторые изъ нихъ походятъ на невинныхъ дѣтей и не имѣютъ даже понятія о правѣ собственности. Случается, что русскій звѣропромышленникъ встрѣчаетъ въ лѣсу бродячаго тунгуса. Тунгусъ радостно привѣтствуетъ незнакомца, подходитъ къ нему, беретъ у него тѣ вещи, которыя ему понравились, вовсе и не подозрѣвая, что русскому это непріятно. Зато и русскій можетъ обобрать тунгуса хотя донага, не встрѣтивъ ни малѣйшаго знака неудовольствія. Остяки рыбопромышленники при всей своей бѣдности не оставляютъ помогать своимъ нищимъ собратьямъ. У нихъ существуютъ даже общественные котлы, въ которые всѣ остяки сваливаютъ всю наловленную ими рыбу и изъ которыхъ ѣсть и тотъ, кто поймалъ много, и тотъ, кто не поймалъ ничего. Буряты никогда не допустятъ, чтобы въ ихъ улусѣ завелся хоть одинъ нищій; каждому бѣдняку они помогаютъ общими силами, а если онъ лѣнивъ, то понуждаютъ его къ труду. Вообще большинство инородцевъ сохранило до сихъ поръ во всей патріархальной чистотѣ чисто братскія чувства другъ къ другу и обычаи самаго безкорыстнаго и радушнаго гостепріимства. Преступлений между ними чрезвычайно мало. Въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ Сибири каждое инородческое племя имѣетъ свой охотничій округъ, изъ котораго не выходитъ, и свои ловушки на звѣрей, неприкосновенность которыхъ свято соблюдается всѣми инородцами. Г. О.—въ въ своихъ рукописныхъ замѣткахъ пишетъ, что въ Нарымскомъ краѣ, во время четырнадцатилѣтняго его тамъ пребыванія, было только одно преступленіе: какой-то остякъ, возвращаясь съ пустыми руками съ охоты, взялъ изъ чужей ловушки лисицу. Въ Березовскомъ краѣ съ 1830 по 1862 г. изъ 20,000 инородцевъ признаны виновными только 21 человекъ, 13 въ убійствѣ и растленіи, 4 въ отгонѣ оленей и 4 въ корчемствѣ и кражѣ. Такая малочисленность преступлений (зависитъ, по моему мнѣнію, не отъ однихъ только патріархальныхъ добродѣтелей инородцевъ, а также и отъ важнаго недостатка ихъ характера,—отъ ихъ робости, вялости,

запуганности и безмолвной покорности року. Пршедшіе вѣка довели инородца до того, что онъ сдѣлался скорѣе безчувственнымъ выучнымъ скотомъ, чѣмъ человекомъ. Большинство инородцевъ, сознавая свое горестное положеніе, виѣсть съ тѣмъ рѣшительно не вѣритъ въ возможность улучшения своей участи. Они дошли почти до того же положенія, въ какомъ находится алеутъ. Алеутъ можетъ лежать безъ пищи и безъ питья дня два-три и голодовать до тѣхъ поръ, пока ему не прикажутъ наѣсться и напиться; безъ приказанія же онъ будетъ голодовать до послѣдней возможности! Остались ли здѣсь какіе-нибудь признаки свободной человѣческой личности и возможно ли ожидать отъ подобной полумашинны какого-нибудь преступленія! А въ подобномъ положеніи находятся очень многіе инородцы Сибири. Офіціальныя документы постоянно жалуются на ихъ лѣность и безпечность, совершенно несправедливо, однакожъ, приписывая исключительно этимъ недостаткамъ причину инородческой бѣдности. Есть, конечно, трудолюбивыя и дѣятельныя инородческія племена, какъ, напр., хлѣбопашцы буряты, якуты, нѣкоторые татарскіе роды. Но чѣмъ дѣятельнѣе инородческое племя, тѣмъ оно развращеннѣе нравственно, тѣмъ болѣе оно совершаетъ преступлений. Якуты, напр., всегда славилась и славятся своею страстною склонностью къ тяжбамъ и ябедничеству. Между бурятами нерѣдко случаются и воровство, и убійство и даже разбой; однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ разбойниковъ Сибири въ настоящемъ вѣкѣ былъ бурятъ, дѣйствовавшій съ своею шайкою въ Забайкальѣ. О тарскихъ торговых бухарцахъ и татарахъ одинъ офіціальныя документы говоритъ, что «способности къ обману развиты у нихъ до крайней степени совершенства; они такъ корыстолюбивы, что готовы продать за хорошія деньги родного брата». Самые же губительные пороки, распространенные между всѣми безъ исключенія инородцами,—это пьянство и развратъ, о которыхъ, по принятому нами плану, мы должны говорить въ концѣ статьи.

IV.

Экономическія отношенія инородцевъ къ русскому населенію.

Во время завоеванія Сибири сила русскаго оружія отнимала у инородцевъ всѣ ихъ лучшія угодья и большую часть ихъ имущества, а инородческихъ женъ и дѣтей обращала въ рабство. Въ XIX в. совершается то же самое явленіе, только другимъ путемъ, не военнымъ, а мирнымъ, болѣею частью экономическимъ. Во-первыхъ, инородческія угодья болѣе и болѣе переходятъ въ руки русскихъ, во-вторыхъ, сами инородцы дѣлаются кабальными рабами своихъ завоевателей.

Завладѣніе инородческими угодьями или расхищеніе ихъ русскими жителями совершается тремя путями, и, во-первыхъ, путемъ *насилъственной захвата*. Такъ, напр., инородцы цыганскихъ

юртъ съ давнихъ поръ владѣли кондинскимъ сорома (рыболовное мѣсто). Но въ 1823 году сорома (рыболовное мѣсто) изломали ихъ изгороди, изру-сѣдніе крестьяне изломали ихъ изгороди, изру-били ихъ рыболовныя избушки и совершенно за-владѣли упомянутымъ сорома. Такъ, около того же времени, крестьянинъ Шашковъ завладѣлъ рыболовными мѣстами, лежащими на рѣкѣ Сосно-вой Курѣ и составляющими собственность ино-родцевъ ячинскихъ юртъ. Точно также крестьяне деревни Батовой завладѣли рыбными и лѣсными угодьями, принадлежащими инородцамъ сарсат-скихъ юртъ и начали хозяйничать въ этихъ угодьяхъ, какъ дома,—выкашиваютъ сѣно, вы-лавливаютъ рыбу, рубятъ лѣсъ и ловятъ капка-нами звѣрей. Крестьяне той же деревни Батовой отняли лѣсныя и рыболовныя дачи у сорока трехъ остяковъ Нарымской и Тарханской волостей. Въ 1828 г. инородцы заводническихъ юртъ жалова-лись, что въ предыдущемъ году ряполовскіе кре-стьяне отняли у нихъ и отъ себя отдали въ наемъ рыболовное мѣсто на Иртышѣ, что они въ ино-родческихъ дачахъ ловятъ капканами и ловуш-ками звѣрей и тѣмъ «причиняютъ инородцамъ крайнее разореніе». Жители базьяновскихъ юртъ въ то же время жаловались, что крестьяне вхо-дятъ самовольно въ ихъ лѣсныя угодья, промыс-ляютъ звѣря, а изъ рѣки вылавливаютъ рыбу, разоряютъ лѣсъ гнѣзда и вынимаютъ лѣсъ, а отъ каждаго такого гнѣзда инородцы могли бы получать пользы рублей 100 въ годъ. Въ 1820 г. крестьяне деревни Шатиной овладѣли звѣропро-мышленными и рыболовными угодьями инород-цевъ шатинскихъ юртъ и тѣмъ повергли ихъ въ «крайнюю нужду». Иногда такой захватъ совер-шался слѣдующимъ образомъ: крестьянское се-мейство покупало у инородцевъ землю и селилось на ней. Проходили года: колонисты увеличива-лись и путемъ переселенія, и путемъ естествен-наго размноженія; на мѣстѣ прежней крестьян-ской избушки являлась цѣлая деревня, жители которой и отнимали у инородцевъ ихъ земли и угодья. Такъ, во время оно донычиковскіе кре-стьяне купили у инородцевъ семейскихъ юртъ рыбныя и земляныя угодья на двѣ души. Къ 1830 г. эти крестьяне размножились, имѣли уже шесть домовъ и сверхъ купленной ихъ предками земли захватили много инородческой, на которой и начали пахать пашню, косить траву, вырубать лучшій кедровый лѣсъ, собирали орѣхи, вылавли-вали рыбу и звѣрей. Иногда крестьяне завладѣ-вали инородческими угодьями по отводу началь-ства. Такъ, въ 1828 г. крестьяне коринскихъ юртъ жаловались, что крестьяне овладѣли ихъ сѣнокосными, хлѣбопахотными и рыболовными мѣ-стами; но оказалось, что крестьянамъ эти земли были отведены начальствомъ, при заселеніи Демьян-скаго Яма. Такимъ образомъ инородцы Тобольской губерніи много терпѣли отъ разселяющихся кре-стьянъ, но еще болѣе терпѣли они отъ рыбопро-мышленниковъ. Рыболовная Обь считается у остя-ковъ божествомъ; остяки главнымъ образомъ жи-вуть рыбой, добываемой ими изъ этой рѣки. Но

съ начала настоящаго вѣка русскіе рыбопромыш-ленники начали вторгаться въ инородческія ры-боловныя угодья и, вылавливая въ нихъ рыбу, разоряли остяковъ. «Прежде — писали они — мы жили рыболовствомъ на Малой Оби. Но всѣ оныя наши выгоды съ нѣкоторыхъ лѣтъ пресѣчены вѣзжающими изъ Тобольска прасолами, которые въ самомъ устьѣ Малой Оби неводятъ большими неводами, притомъ смолить ихъ такъ, что отъ за-паха смолы и величайшихъ неводовъ рыба съ устья упомянутой Оби обращается назадъ и не имѣетъ прохода туда, гдѣ мы имѣемъ свое лѣтнее житель-ство. Отъ этого мы приходимъ въ крайнюю нужду и занимаемся довольнымъ числомъ хлѣба, за ко-торый платить вполне не можемъ». То же самое насильственное завладѣніе угодьями инородцевъ мы видимъ и въ другихъ частяхъ Сибири, напр., въ Алтаѣ. Такъ, въ 1832 г. калмыки первой, второй, пятой, шестой и седьмой дучинъ просили изба-вить ихъ отъ притѣсненій заводскихъ крестьянъ и осѣдлыхъ инородцевъ, самовольно поселившихся въ земляхъ, принадлежащихъ упомянутымъ дучи-намъ. Ясачная комиссія, разслѣдовавъ эту жалобу, нашла, что просьба калмыковъ вполне справед-лива. Крестьяне заводскаго вѣдомства и люди дру-гихъ сословій самовольно селились на ихъ земляхъ. Нѣкоторые изъ этихъ колонистовъ имѣли тамъ только временныя заведенія для хлѣбопашества, пчеловодства и скотоводства, другіе — заводили цѣ-лыя деревни. Сосѣдство тѣхъ и другихъ съ кал-мыками губительно дѣйствовало на промышлен-ность послѣднихъ. Колонисты вылавливали въ инородческихъ угодьяхъ звѣрей, рыбу, предупре-ждали калмыковъ въ сборѣ ягодъ, орѣховъ и ди-каго меда. Мало этого, колонисты разоряли ино-родцевъ своимъ воровствомъ и грабежами. Такъ, напр., въ сентябрѣ 1829 г. одинъ калмыкъ былъ ограбленъ на 1,800 р. и затѣмъ убитъ. Подобныя преступленія были *вовсе неизвѣстны* калмыкамъ до приближенія къ ихъ кочевьямъ русскихъ коло-ній. Ясачная комиссія нашла, что «выманивать у калмыковъ добычу разными средствами за безцѣ-нокъ — сдѣлалось уже обыкновеннымъ между по-селенцами. Но есть еще другія средства отнимать у нихъ собственность, — это штрафы за потоптанные калмыцкими стадами посѣвы крестьянъ. Штрафы эти калмыки считаютъ несправедливыми, потому что крестьяне не имѣютъ права производить хлѣ-бопашества на самыхъ ихъ пастбищахъ. Извѣстно, что скотоводство у калмыковъ весьма обширно, и пастбища ихъ не могутъ быть опредѣлены въ точ-ности, ибо стада ихъ, въ теченіе всего года, оста-ваясь на подножномъ корму, необходимо должны постоянно переходить на новыя, изобильныя кор-момъ мѣста. Слѣдовательно, подобныя заведенія крестьянъ на калмыцкихъ земляхъ есть не что иное, какъ новыя вѣрныя средства къ насильствен-нымъ поборамъ съ этихъ беззащитныхъ дикарей». И здѣсь, какъ и въ Тобольской губерніи, ино-родцы разорялись не одними крестьянами, а также торговцами и промышленниками, которые давно уже начали расхищать инородческія угодья,

вывоза изъ нихъ въ огромномъ количествѣ кедровые орѣхи, вылавливая звѣрей, заводи въ инородческихъ угодьяхъ пчелиныя пасѣки и т. д. Все это повторялось и повторяется во всѣхъ другихъ частяхъ Сибири. Въ губерніяхъ Енисейской и Иркутской, въ областяхъ Якутской и Забайкальской, кромѣ крестьянъ и торговцевъ, инородческія угодья отнимаются еще золотопромышленниками, разбивающими на нихъ золотопромышленныя площади и основывающими пріиски. Инородцы для успѣховъ своего звѣроловства откочевываютъ подалѣе отъ этихъ заселившихся мѣстъ и тѣмъ лишаются и своихъ угодій, и выгоды, проптекающей для ихъ торговли отъ сосѣдства съ русскими поселеніями.

Кромѣ захвата, инородческія угодья переходятъ въ русскія руки путемъ заклада или отбираются за долги. Инородцы при своей постоянной бѣдности для уплаты податей и повинностей, для пріобрѣтенія сѣстныхъ припасовъ, для снаряженія на охоту, должны прибѣгать къ займамъ и отдавать въ закладъ свои угодья. Эти заложенные угодья очень рѣдко возвращаются ихъ настоящимъ владѣльцамъ, инородцы или не въ состояніи выплатить своего долга, или кредиторы находятъ разныя средства присвоить въ полную свою собственность заложенные имъ угодья. При каждомъ удобномъ случаѣ инородцы жалуются на то, что будто бы ихъ кредиторы незаконно владѣютъ угодьями; начинается тяжба: кредиторы представляютъ угодья, и оказывается, что кредиторы владѣютъ угодьями совершенно на законномъ юридическомъ основаніи, какъ залогами за неуплаченные еще долги. Такимъ образомъ инородцы лишаются своихъ угодій большею частью за самый незначительный долгъ. Въ 1803 г. напр. остяки бурейнскихъ, солянскихъ и кошелевскихъ юртъ заняли у крестьянина Кормовщикова 140 р., заложивъ ему свои сѣнокосы съ тѣмъ, чтобы онъ пользовался ими въ уплату долга 25 лѣтъ. Но въ заемное письмо было включено условіе, что по смерти Кормовщикова эти сѣнокосы должны перейти во владѣніе Питухина съ тѣмъ, чтобы онъ ежегодно вносилъ 3 р. въ уватскую церковь. На основаніи этого условія и по истеченіи двадцатипятилѣтняго срока сѣнокосы остались за Питухинымъ. Остяки варламовскихъ юртъ въ 1683 г. заложили въ двухъ рубляхъ ямскому охотнику Сергѣеву свой сѣнокосъ въ 420 копенъ съ тѣмъ, что если эти деньги не будутъ уплачены черезъ полгода, то покосъ остается за Сергѣевымъ навѣчно; остяки долга не заплатили, покосы перешли къ потомкамъ Сергѣева, съ которыми потомки его должниковъ до сихъ поръ не перестаютъ спорить и тягаться изъ-за этихъ покосовъ. Тѣ же инородцы лишились покоса въ 700 копенъ, заложенного въ 1688 г. въ 5 рубляхъ ямщику Кобылину. Остяки априныхъ юртъ жаловались ясачной комиссіи, что ихъ рыболовными мѣстами самовольно завладѣли крестьяне и промышленники туть рыбу большими неводами и во множествѣ числѣ рабочихъ людей. Но крестьяне представили закладную, которая доказала, что упомя-

нутыя ловли отдавы предками остяковъ въ 1730 г. крестьянину Скрипунову въ залогъ за 30 р., а по неуплатѣ долга, эти ловли перешли отъ Скрипунова къ его наслѣдникамъ. Изъ лежащихъ передо мною тяжбныхъ актовъ инородцевъ съ крестьянами видно, что всѣ лучшія угодья инородцевъ березовскаго края давно перешли и продолжаютъ переходить въ руки кредиторовъ, такъ какъ инородцы не въ состояніи уплатить даже самаго незначительнаго долга. Одинъ, напр., инородцы совершенно разорились оттого, что были принуждены крестьянамъ заложить свои пашни въ 1 р. 50 к. Этотъ закладъ совершенъ въ 1668 г., и съ тѣхъ поръ должники не могли уплатить 1 р. 50 к. до 1828 г., а можетъ быть, этотъ ничтожный долгъ не уплаченъ и до настоящаго времени!.. Нужно замѣтить, что въ описываемый мною періодъ такіе заклады угодій совершались гораздо рѣже, чѣмъ прежде: всѣ лучшія угодья были уже давнымъ-давно заложены, и въ настоящее время у березовскихъ инородцевъ почти ужъ нечего закладывать. У нихъ остались только плохія угодья, да и тѣхъ мало; инородцы впрочемъ иногда находятся вынужденными закладывать и эти послѣднія угодья. Такъ остяки обдорскаго отдѣленія, желая избавиться отъ тягостной подводной гоньбы, въ 1833 г. уступили купцамъ свои земли, лежащія близъ Обдорска. Купцы обязались отбывать на обдорской станціи обывательскую гоньбу и содержать въ домахъ своихъ постоя для служащихъ казаковъ и прибывающихъ по дѣламъ чиновниковъ. Для постройки домовъ и прочихъ зданій инородцы уступили купцамъ свои земли отъ церкви на 1½ версты во всѣ стороны; сверхъ того купцы получали право косить сѣно, гдѣ пожелаютъ, на инородческихъ земляхъ и пользоваться строевымъ лѣсомъ по отводу инородцевъ. Въ другихъ мѣстностяхъ Сибири тѣмъ же путемъ заклада и задолжанія множество инородческихъ угодій переходили и переходятъ въ руки русскихъ кредиторовъ, преимущественно торговцевъ. Такъ, въ нарымскомъ краѣ одна волость заложила недавно купцу три рыболовныхъ мѣста на пять лѣтъ; эти мѣста заложены въ шести рубляхъ, а если ихъ отдавать въ аренду, то въ пять лѣтъ можно получить за нихъ платы, по крайней мѣрѣ, шестьдесятъ рублей. Такой переходъ инородческихъ угодій въ руки кредиторовъ въ особенно большихъ размѣрахъ совершается въ южныхъ частяхъ Томской губерніи, въ плодородной странѣ Алтаѣ. Торговцы дерутъ здѣсь съ инородцевъ чертовскіе проценты. На р. Чуѣ, на примѣръ, русская торговля производится посредствомъ тридцати капиталовъ; цифра торговаго оборота ихъ не превышаетъ 300,000 р. Вся почти торговлю до послѣдняго времени совершалась въ долгъ; но долгъ за инородцами пропадалъ рѣдко, потому что въ случаѣ неисправности должника за него платитъ вся волость, и во взысканіи долговъ купцамъ до послѣдняго времени помогали пограничные китайскіе чиновники. Но нынѣ китайское начальство отказало купцамъ въ своемъ содѣйствіи. Причина

тому — громадные проценты, которыми пользовались русскіе купцы. Они издавна торговали рубль на рубль, а за одолженіе на годъ цѣна удваивалась или утроивалась, такъ что черезъ двѣнадцать мѣсяцевъ получалось 200 или 300%. Такіе проценты привели въ нищету большинство инородцевъ. То же самое совершается и въ другихъ мѣстахъ Алтая. Въ 1853 г. начальникъ алтайской миссіи официально писалъ, что «напримѣръ, 1 топоръ или старые сапоги, данные русскимъ человѣкомъ въ долгъ кочевому инородцу, года черезъ четыре вырастаютъ въ сторублеваго коня, а вскорѣ — и въ цѣлый табунъ, который неробкіе торговцы и угоняютъ безъ дальнихъ толковъ, объявивъ черезъ людей хозяину, что скотъ угнанъ такими-то... 1 пудъ ячменя года черезъ два вырастаетъ въ 25 пудовъ орѣховъ или еще болѣе. Такимъ образомъ нынѣ едва ли не всѣ лѣса съ ихъ орѣхами и бѣлками запродапы русскимъ за нѣсколько лѣтъ впередъ, такъ же какъ дикія пчелы и прочіе промыслы. Русскіе люди, свободно вѣзжая въ *чернь* (лѣса), предвосхищаютъ всякую промышленность кочевыхъ инородцевъ и тѣмъ лишаютъ ихъ послѣднихъ средствъ къ пропитанію, не вознаграждая ихъ за то ничѣмъ добрымъ ни въ гражданственномъ, ни въ нравственномъ отношеніи. Инородцы — вѣчные рабы лукавыхъ заимодавцевъ!..» Справедливость этихъ извѣстій, сообщенныхъ алтайской миссіей, вполне признана и мѣстнымъ начальствомъ. Въ журналѣ томскаго губернскаго правленія (20 марта 1854 г.) говорится, что инородцы Бійскаго и Кузнецкаго округовъ сдѣлались «неоплатными должниками торговцевъ и впали въ полную ихъ зависимость. Тѣ же торговцы вывозятъ ежегодно изъ принадлежащихъ инородцамъ лѣсовъ въ огромномъ количествѣ кедровые орѣхи, заводятъ въ звѣропромышленныхъ мѣстахъ пчелиныя пасѣки и поселенія и тѣмъ отнимаютъ у инородцевъ возможность пользоваться мѣстными способами промышленности. Оба эти обстоятельства ввергаютъ инородцевъ въ крайнюю бѣдность, лишаютъ ихъ всякой возможности образованія и вредно дѣйствуютъ даже на ихъ нравственность». Алтайскіе инородцы такимъ образомъ сдѣлались только номинальными владѣтелями своихъ угодій, точно такъ же, какъ инородцы березовскіе только номинально владѣютъ многочисленными стадами оленей. Въ березовскомъ краѣ давно уже ведутъ дѣятельную торговлю ижемскіе зыряне. Торговля эта основана на тѣхъ же началахъ, какъ и въ Алтай, какъ и вездѣ въ Сибири. Зыряне имѣютъ столь губительное экономическое вліяніе на остяковъ, что послѣдніе, по словамъ Гоффмана, имъ главнымъ образомъ приписываютъ упадокъ и разстройство своего хозяйства. Зыряне въ роли купцовъ и оленьихъ пастуховъ — настоящіе господа въ березовской тундрѣ. Лукавые, расторопные, смывленные, — они вовлекли остяковъ и самоѣдовъ въ неоплатные долги. За эти-то долги они расхищаютъ скудныя богатства тундры. За эти долги они перевели въ свою собственность оленьи стада березовскихъ инородцевъ, а ихъ самихъ превратили въ своихъ пастуховъ, которые въ уплату дол-

говъ, кромѣ отдачи оленей, должны еще работать на зыряны!..

Наконечъ, инородческія угодья переходятъ къ русскимъ еще путемъ аренды. Угодья арендуются обыкновенно за самую ничтожную цѣну; арендаторы наживаются и, совершенно истощивъ угодье, возвращаютъ его инородцамъ. Такъ, по словамъ Гагемейстера, тунгусы Восточной Сибири часто отдаютъ свои лѣса русскимъ лѣтъ на 5, на 10 «за самую ничтожную цѣну». Такъ, въ нарымскомъ и березовскомъ краѣ всѣ лучшія рыболовные угодья инородцы отдаютъ за безцѣнокъ въ аренду русскимъ промышленникамъ. Сами инородцы не въ состояніи эксплуатировать своихъ лучшихъ рыболовныхъ мѣстъ, такъ какъ для этого нужны большіе невода и другіе дорого стоящіе рыболовные снаряды, завести которые инородцамъ рѣшительно не на что. Въ нарымскомъ краѣ одно изъ лучшихъ рыболовныхъ мѣстъ, Ишкинъ Яръ, со всѣми его курьями, озерами и истоками остяки отдаютъ въ аренду одному мѣщанину за 50 р. въ годъ. Мѣщанинъ, въ свою очередь, раздаетъ его по частямъ въ аренду разнымъ промышленникамъ и выручаетъ за одинъ только яръ, безъ озеръ, курей и истоковъ болѣе 500 р. въ годъ. То же самое видимъ и въ отдахъ въ аренду рыболовныхъ мѣстъ березовскаго края, такъ называемыхъ, *песковъ*. Въ 1816 г. остякамъ платили за песокъ въ лѣто отъ 10 до 130 р. асс., а арендаторы выручали съ песка въ десять, даже въ двадцать разъ больше арендной платы. Въ 1848 г. березовскіе остяки отдавали въ аренду 150 песковъ за 6,050 р.; арендаторы же добывали на этихъ пескахъ рыбы 99,530 р. Нужно еще замѣтить, что аренда уплачивается болѣею частью товарами, при чемъ инородцы страшно обманываются и получаютъ товары по чрезвычайно дорогимъ цѣнамъ. Независимо отъ этого, арендаторы вовлекаютъ хозяевъ въ долги, давая имъ, при уплатѣ арендной цѣны, еще нѣсколько товару въ кредитъ, сверхъ платы. Потомъ арендаторъ нанимаетъ своего хозяина работать на нанятомъ у него пескѣ: вмѣсто платы за работу, хозяинъ песка получаетъ прощеніе своего долга арендатору. Если же долгъ этотъ слишкомъ малъ, для того, чтобы покрыть заработную плату, или, если инородецъ не долженъ арендатору, то плата производится дорогими товарами. Во всякомъ случаѣ, инородецъ дѣлается должникомъ арендатора, и вслѣдствіе этого, по необходимости, отдаетъ ему же въ аренду свой песокъ и на слѣдующій годъ. Такимъ образомъ, если песокъ и не переходитъ въ полную собственность арендатора, то послѣдній пользуется имъ почти даромъ. Часто инородцы отдаютъ въ аренду рыболовное мѣсто не все, а только нѣсколько паевъ и эксплуатируютъ его вмѣстѣ съ арендаторами. Послѣдніе, благодаря своей изворотливости, лучшимъ снарядамъ и наглости, получаютъ въ ущербъ инородцу, гораздо больше прибыли, чѣмъ слѣдуетъ имъ по условію. Часто такая аренда кончается тѣмъ, что арендаторы захватываютъ въ свою пользу все угодье. Такъ ряполовскіе и цыганскіе остяки давали пай въ своихъ рыболов-

ныхъ угодныхъ рязановскимъ крестьянамъ. Но въ 1823 г. крестьяне лишили цыганскихъ остяковъ ихъ пая, а въ 1825 г. та же участь постигла и рязановскихъ остяковъ. Крестьяне овладѣли всѣмъ угодьемъ и начали отдавать его въ аренду одному купцу за 140 р. въ годъ. Остяки разорились. Такъ въ 1815 г. инородцы финскихъ юртъ отдали доньшиковскимъ крестьянамъ въ аренду на тридцать лѣтъ часть своихъ сѣнокосовъ. «Когда прошелъ—пишутъ въ своей просьбѣ остяки—кортомный срокъ, то мы неоднократно упомянутымъ крестьянамъ отъ кортому отказывали, но они все-таки усильствомъ своимъ траву косять! Сверхъ того, въ бору нашемъ, при лѣсныхъ гнѣздахъ, безъ дозволенія нашего, стрѣляютъ бѣлку, вырубаютъ лучший лѣсъ, ловятъ *птаху*, а въ рѣчкѣ Волоковой промышляютъ рыбу, чѣмъ дѣлаютъ намъ крайнюю бѣду и въ промыслахъ недостатокъ». Вотъ вамъ и аренда!..

У.

КАБАЛЬНЫЯ ОТНОШЕНІЯ ИНОРОДЦЕВЪ КЪ РУССКОМУ НАСЕЛЕНІЮ.

Мы разсмотрѣли, какимъ образомъ инородческія угодья переходятъ въ руки русскихъ. Но экономическая эксплуатація инородцевъ не ограничивается этимъ. Инородецъ дѣлается кабальнымъ рабомъ русскаго человѣка.

Выше мы уже нѣсколько разъ замѣчали, что торговля съ инородцами отличается громадными процентами и губительнымъ кредитомъ. Инородцу нуженъ хлѣбъ, ему нужно снарядиться на охоту, ему нужно уплатить подати,—во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ входитъ въ долги у русскаго человѣка. И будьте увѣрены, что онъ не выплатитъ этого долга во вѣки вѣковъ. На первый годъ онъ отдаетъ своему кредитору все упромышленное имъ, и все-таки за нимъ будетъ считаться часть будто бы недоплаченного долга; въ то же время онъ по необходимости дѣлаетъ новый долгъ, который заставляетъ его и на слѣдующій годъ отдать кредитору весь свой уловъ. И не только самъ инородецъ остается кабальнымъ должникомъ кредитора до своей смерти, но его долги переходятъ на его потомство, которое по наслѣдству поступаетъ въ кабальную зависимость къ потомкамъ кредитора, которому закабалился ихъ отецъ. Немногіе инородцы избавлены отъ этой печальной участи. Большинство ихъ давно уже сдѣлалось кабальными работниками купцовъ, промышленниковъ и крестьянъ. Эти кабальники эксплуатируютъ въ пользу кредиторовъ свои угодья и за это получаютъ отъ нихъ лишь такую плату, которая доставляетъ имъ только возможность не умереть съ голода да заплатить, и то не всѣ, подати и повинности. Такъ, въ Восточной Сибири вся инородческая звѣропромышленность, по справедливому замѣчанію Раева, находится подъ гнетомъ купеческаго деспотизма, безъ всякой соразмѣрности выгодъ промышленника и покупателя. Менѣе другихъ инородцевъ подчинены этой кабалѣ буряты.

Буряты могутъ избѣжать монополіи купца, потому что многіе буряты сами ходятъ въ городъ продавать свои мѣха и продаютъ, конечно, тому, кто дастъ дороже. Но это относится только къ племенамъ, ближайшимъ къ Иркутску. Чѣмъ отдаленнѣе племя отъ города, тѣмъ болѣе оно встрѣчаетъ затрудненій въ сбытѣ и тѣмъ сильнѣе подчиняется вліянію монополіи. Сословіе этихъ монополистовъ охватило все пространство, на которомъ добывается дорогой звѣрь. И инородцы, войдя разъ въ долговое обязательство съ такими людьми, никогда уже не въ состояніи выйти изъ подъ вліянія ихъ. Нужда все больше и больше заставляетъ его забирать въ долгъ и онъ по необходимости долженъ отдавать весь свой товаръ за цѣну, произвольно назначенную покупщикомъ. Это, впрочемъ, имѣетъ одну хорошую сторону, именно ту, что кредиторъ рѣдко оставляетъ инородца даже и въ томъ случаѣ, если его промыселъ бываетъ неудаченъ; безъ помощи кредитора, въ такомъ случаѣ, не имѣя возможности достать все нужное для промысла, инородецъ долженъ былъ бы умереть съ голоду. Такъ, множество березовскихъ остяковъ и самоѣдовъ обязаны жизнью своимъ кредиторамъ-кабалителямъ. Остякъ не можетъ обойтись безъ хлѣба, который продаетъ ему купецъ. Остякъ покупаетъ хлѣбъ въ долгъ и обязуется заплатить въ слѣдующемъ году рыбою. Вошедши въ долгъ, онъ находится уже въ полной власти купца, который кладетъ произвольную цѣну какъ на свой товаръ, такъ и на товаръ остяка. Эти спекулянты изъ Обдорска, Березова и Тобольска цѣлое лѣто разгуливаютъ по Оби на своихъ судахъ, покупаютъ рыбу и солятъ на мѣстѣ лососей и осетровъ, а потомъ отвозятъ ихъ въ свои магазины, построенные по берегамъ рѣки. Продавъ съ отличнымъ барышомъ привезенную муку, купцы возвращаются домой съ большимъ грузомъ рыбы и съ радостною надеждою такъ же выгодно торговать съ инородцами и на будущій годъ. Такъ ведется торговля не одной мукой, а всѣми товарами, необходимыми для инородца. Привезенный купцами товаръ раздается мелкимъ промышленникамъ, болѣе или менѣе задолжавшимъ купцу, и купецъ, отдавая товаръ своему должнику, необходимо налагаетъ лишній процентъ. Мелкіе торговцы продаютъ инородцу также въ долгъ и также съ надбавкою большихъ процентовъ. Торговецъ очень вѣрно рассчитываетъ, что чѣмъ выше цифра въ долговомъ счетѣ инородца, тѣмъ на большее полученіе можно рассчитывать, а инородецъ думаетъ, что чѣмъ дороже вещь, тѣмъ она лучше. Такое барышничество, какъ мы уже замѣтили, хотя разоряетъ и закабаляетъ инородцевъ, но зато и спасаетъ ихъ въ особенно трудныя для нихъ времена голода, неудачи промысловъ или уплаты податей. Благодаря кабалѣ, инородецъ имѣетъ рыболовныя сѣти, хотя и плохія, имѣетъ винтовку, свинецъ и контрабандный порохъ, безъ которыхъ онъ умеръ бы съ голоду; кредиторъ платитъ за него подати даже и въ тѣ года, когда инородецъ потерпѣлъ положительную неудачу въ промыслѣ и не добылъ ничего. Мы вовсе не хотимъ защищать торговли

съ инородцами; громадные проценты, сдираемые съ инородцевъ, гнилые товары, фальшивые вѣсы, спайиванье инородцевъ водкой, закабаленіе инородческаго населенія и тому подобныя плутни, постоянно сопровождавшія эту торговлю, удаляютъ всякую мысль объ ея защитѣ. Но мы сейчасъ увидимъ, что ограниченіе этой торговли, ограниченіе, не соединенное съ другими мѣрами къ прекращенію инородческихъ золъ, причиняло инородцамъ болѣе вреда, чѣмъ пользы.

Въ сороковыхъ годахъ Восточную Сибирь ревизовалъ сенаторъ графъ Толстой. Онъ нашелъ, что пркутское купечество, выѣзжая въ инородческія стойбища до сбора ясака, скупаетъ всѣ лучшіе ясачные мѣха, вслѣдствіе чего въ ясакъ поступаютъ только мѣха низшаго сорта. Поэтому купцамъ и было запрещено ѣздить къ инородцамъ для торговли во всякое время, какъ это было до тѣхъ поръ. Купцамъ позволено торговать съ инородцами только въ февралѣ и съ 1 іюля по 1 сентября. Купцамъ запрещено не только торговать съ инородцами во все остальное время года, но даже имѣть въ инородческихъ стойбищахъ амбары и магазины для склада своихъ товаровъ. Если купецъ, въ отведенное ему для торговли время, не успѣлъ продать всѣхъ своихъ товаровъ, то остатокъ онъ непременно долженъ увезти съ собою назадъ. Этотъ законъ 27 февраля 1844 г. велъ за собою значительный упадокъ частной торговли съ инородцами. Главною причиною тому служило крайнее неудобство назначеннаго для торговли времени. Лѣтомъ инородцы расходятся для промысловъ въ разныя, отдаленныя отъ ихъ жилищъ мѣста; дома остаются только немногіе; у нихъ купецъ не найдетъ тогда никакого товара; у нихъ въ это время часто даже нечего ѣсть. Въ февралѣ мѣсяцѣ инородцы также не имѣютъ товаровъ, которые они могли бы продать купцу. Да если купецъ и найдетъ въ упомянутые сроки какіе нибудь товары у инородцевъ, то ему некуда сбыть ихъ. Товары, купленные у инородцевъ въ февралѣ, не поспѣютъ на прбитскую ярмарку, а закупленные въ лѣтнюю пѣздку къ инородцамъ — опоздають на нижегородскую ярмарку. Не забудьте, что купецъ отдѣленъ отъ инородческихъ стойбищъ большими пространствами, что, отправляясь съ товаромъ часто за 1,000 верстъ, онъ рискуетъ не распродать своего товара и долженъ тащить его назадъ цѣлыя тысячи верстъ. Въ силу этихъ причинъ, частная торговля съ инородцами значительно сократилась съ 1844 г. До этого времени въ нарымскій край, напр., ввозилось товаровъ на 200,000 р., а нынѣ только на 50—60,000 р.; вывозилось инородческаго звѣря до 1844 г. на 30—150,000 р.; а въ 1854 г. на прбитскую ярмарку вывезено только на 13,000 р. Такой упадокъ частной торговли велъ за собою ухудшеніе экономическаго состоянія инородцевъ. Чтобы инородцу отправиться на промыселъ звѣря, орѣховъ, птицы или рыбы, онъ долженъ обезпечить себя и свое семейство пищею и одеждою мѣсяца на четыре или на пять, онъ долженъ при-

обрѣсти ружье, порохъ, свинецъ, ловушку, неводъ и т. д. Изъ всѣхъ этихъ необходимыхъ предметовъ казна даетъ инородцу только немного пороха, свинца и хлѣба. Но этого хлѣба очень недостаточно для инородцевъ, и этотъ недостатокъ онъ долженъ восполнить покупкою муки изъ частныхъ рукъ. Изъ частнымъ же рукъ только инородецъ можетъ доставать себѣ оружіе, сѣти, мясо, холстъ. Съ упадкомъ частной торговли множество инородцевъ лишилось возможности приобрѣтать эти необходимые предметы и тѣмъ были ввержены въ крайнюю бѣдность. Въ нарымскомъ краѣ, напр., множество инородцевъ вовсе бросило звѣропромышленность и поступило въ работы къ купцамъ, мѣщанамъ и крестьянамъ; это сдѣлали въ особенности обскіе инородцы. Остяки чижановскіе и нюренскіе почти всѣ переселились въ Тарскій округъ и поступили тамъ въ работы къ крестьянамъ. Васюганскіе же инородцы, обремененные болѣею частью большими семействами, не могли поступить въ постоянныя работы къ нарымскому купечеству. Они занимаются промысломъ бѣлки, но не въ состояніи ходить въ отдаленныя, обильныя звѣремъ мѣста; они охотятся только въ окрестностяхъ своихъ зимнихъ юртъ, забирая съ собою на охоту все свое семейство, которое питается тогда бѣлкою, кротами, колонками и оленьиной. «Представьте себѣ — пишетъ очевидецъ — это несчастное семейство, которое должно жить подъ открытымъ небомъ, вырывъ подъ густымъ деревомъ яму въ снѣгу и устлавъ ее вѣтвями хвойнаго дерева. Эти бѣдняки въ своихъ рубищахъ кое-такъ отогрѣваютъ у костра свои законченныя члены. Женщины въ это же время часто разрѣшаются отъ беременности. Несчастная мать, не имѣя никакого пріюта и для прочихъ своихъ дѣтей, должна согрѣвать новорожденнаго на своей холодной груди и кормить его на открытомъ воздухѣ, имѣющемъ градусовъ 45 мороза!» Отъ подобнаго положенія инородцы находили спасеніе только въ кабальной работѣ у русскихъ. Инородцы, какъ мы уже сказали, дѣйствительно начали во множествѣ выходить изъ своихъ лѣсовъ и наниматься въ работу на судахъ, коноводкахъ, пароходахъ, а также на пріиски томскихъ золотопромышленниковъ. Инородцу давали въ лѣто рублей 15—20 или только платили за него казенныя недоимки, да кое-какъ прикрывали наготу его. Инородецъ работалъ, какъ волъ, все лѣто, работалъ почти даромъ, а затѣмъ — голодовалъ цѣлую зиму. Эти работы теперь почти вовсе прекратились: съ пріисковъ инородцевъ вытѣснили болѣе вынодные для золотопромышленника ссыльные; обскіе же суда, на которыхъ работали дикари, постепенно исчезаютъ съ развитіемъ пароходства. Большинство этихъ инородцевъ поступило въ домашніе работники къ русскимъ. «Здѣсь они — пишетъ г. О — въ — окончательно гибнуть и матеріально, и нравственно. Если они попадаютъ въ срокъ, какъ здѣсь называется такая работа, то они считаютъ себя окончательно погибшими и становятся до того апатичными, что

если кто укорить такого работника въ лѣности или дурномъ поступкѣ, то остоякъ отвѣтитъ: «что же такое, — я, вѣдь, сроковой!...» Одни только кетскіе инородцы пользуются болѣе счастливымъ положеніемъ, благодаря священнику села Максимовскаго. Священникъ доставляетъ имъ съѣстные припасы, оружіе, платитъ за нихъ ясакъ, а они ежегодно отдаютъ ему *всю свою добычу* — тысячи пудовъ орѣховъ, тысячи бѣлокъ и др. звѣрей. Всѣ эти товары священникъ продаетъ купцамъ. Вообще нужно замѣтить, что съ изданія указа 27 февраля 1845 г. купцы начали вести контрабандную торговлю черезъ посредниковъ, живущихъ постоянно между инородцами, черезъ вахтеровъ хлѣбныхъ магазиновъ, казаковъ, крестьянъ и т. д. Это увеличивало дороговизну товаровъ и съ тѣмъ вмѣстѣ усиливало кабалу, и кабалу не однимъ только купцамъ, а также вахтерамъ, казакамъ, крестьянамъ и т. д. Разорившійся инородецъ часто тащится съ своею юртою въ русскую деревню, ставитъ ее подлѣ крестьянскаго дома и работаетъ со всѣми своими домочадцами на крестьянина, получая отъ него только скудную, дрянную пищу. Иногда, за малочисленностью русскаго населенія, инородцы попадаютъ въ кабалу къ инородцамъ же. Такъ, въ Березовскомъ округѣ въ 1859 году въ большей части остояцкихъ деревень хозяева составляли не болѣе четвертой части; остальные три четверти состояли изъ остояковъ-работниковъ, т. е. кабальниковъ.

Кабала у крестьянина или у инородца гораздо вреднѣе, чѣмъ кабала у купца. Отъ крестьянина инородецъ получаетъ только пищу и одежду, а отъ купца, кромѣ того, оружіе, свинецъ, сѣти. Кабальникъ крестьянина — нищій деревенскій работникъ, кабальникъ купца — звѣроловъ, рыбакъ или скотоводъ. Если онъ даже обязанъ отдавать кредитору всѣ продукты своего промысла, то онъ можетъ обмануть кредитора и отдать ему не все, добытое имъ. Такимъ образомъ, упадокъ торговли съ инородцами ухудшилъ положеніе многихъ дикарей, не избавивъ ихъ въ то же время отъ купческаго вліянія. Купцы все-таки продолжаютъ торговать съ инородцами. Въ стойбища, напр., нарымскихъ инородцевъ, по словамъ г. О—ва, купцы имѣютъ теперь почти *свободный* въѣздъ во всякое время; во звѣропромышленность у инородцевъ чрезвычайно пала, и поэтому торговля съ ними не можетъ имѣть обширныхъ размѣровъ. Кромѣ того, съ упадкомъ торговли частныхъ лицъ, ею начали заниматься официальные лица, — смотрители хлѣбныхъ магазиновъ, казаки, засѣдатели и т. д. Такъ, по словамъ «*Сибирскаго Вѣстника*» (1866 г. № 13), въ Гижигѣ «частная торговля идетъ плохо потому, что тамъ черезъ исправника торгуетъ казна товарами, посылаемыми канцеляріей изъ Николаевска подъ предлогомъ обезпеченія казаковъ и инородцевъ. Исправникъ имѣетъ и свои товары... Всѣ эти товары и хлѣбъ находятся въ распоряженіи урядника, который продаетъ ихъ инородцамъ за звѣрей, а казакамъ даетъ въ счетъ будущаго жалованья. Но самыя нужныя и ходовыя вещи от-

дѣляются для Р., который, записавшись въ гильдію, раздѣзжаетъ по округу и деретъ по хорошей шкуркѣ съ каждаго инородца. Чтобы дѣла шли успѣшнѣе, онъ снабжается и порохомъ, который для другихъ есть товаръ недоступный... Гижигинскіе купцы, запуганные казенною торговлею, со всѣмъ опустили руки и чуть не сдѣлались приказчиками исправника, пользуясь отъ него ничтожнымъ количествомъ товаровъ и платя ему, разумѣется, самыя высокіе проценты... Инородцы всѣ должны купцамъ и не въ состояніи уплатить этого долга, хотя взысканіе его купцы производятъ съ примѣрною строгостью, обирая у инородцевъ всѣхъ соболей и не оставляя нисколько у нихъ даже для уплаты ясака». Мы не можемъ навѣрное сказать, что исправники превращаются въ купцовъ и въ другихъ округахъ; но до начала настоящаго царствованія это было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ... Кромѣ исправниковъ и засѣдателей, торговали съ инородцами вахтера, прикрываясь личиною официальныхъ продавцовъ хлѣба, пороха и свинца.

Вообще мы рассказывали, какъ часто инородцы до Сперанскаго мерли съ голода и дѣлались даже людоедами. Мы говорили также, что система казеннаго продовольствія инородцевъ была въ самомъ дурномъ состояніи. Сперанскій обратилъ на это вниманіе и, значительно увеличивъ объемы казеннаго продовольствія инородцевъ, составилъ особыя правила для этой торговли. Продажу предписано производить въ обыкновенныхъ случаяхъ на деньги, съ наложеніемъ 6% въ пользу обращающагося капитала; но, въ крайнихъ случаяхъ угрожающаго голода, предписывается не только не налагать процента, но позволяется продавать даже ниже настоящей казенной цѣны. Въ послѣднемъ только случаѣ дозволена продажа *кочующимъ* въ долгъ, но не иначе, какъ по требованію и на отвѣтственности старостъ, головъ и степенныхъ думъ. Бродячимъ же инородцамъ продажа въ долгъ дозволена во всякое время, въ обыкновенныхъ случаяхъ по требованію и на отвѣтственность почетныхъ людей, въ случаѣ же настоятельной нужды — каждому требующему пособія безъ всякихъ формальностей. Во взысканіи этихъ долговъ для бѣдныхъ чинить отсрочки, а при безнадежности взысканія, долги эти, по рѣшенію губернскаго совѣта, прощать.

Едва сибирское уложеніе успѣло войти въ силу, какъ на инородцахъ накопились уже огромные долги за казенный хлѣбъ, порохъ и свинецъ. Напр., инородцы тогурскаго отдѣленія уже въ 1825 году были должны 9,904 р. Вопреки уложенію, взысканіе этихъ долговъ начали производить съ примѣрною и разорительною строгостью, о которой мы можемъ судить по тому, какъ взыскивались эти долги въ березовскомъ краѣ въ пятидесятыхъ годахъ. На березовскихъ инородцахъ, по обыкновенію, были огромные долги за казенные товары. Начальство сочло возможнымъ взыскать эти долги. Засѣдателямъ было предписано, чтобы они отбирали у инородцевъ все промышленное имѣ, кромѣ рыбы, и присылали въ Березовъ для про-

дажи съ аукціона. Предписаніе было исполнено въ точности. Но всѣ отобранные у инородцевъ мѣха, орѣхи и т. д., могли быть проданы только по самымъ низкимъ цѣнамъ, и на инородцахъ все-таки остались большіе долги. Начальство заключило съ одной пароходной компаніей контрактъ о поставкѣ дровъ на пароходы посредствомъ инородцевъ. Инородцамъ было предписано отправляться на извѣстные пункты для рубки дровъ въ іюль мѣсяцѣ, въ такъ называемую *комарную пору*, когда отъ комаровъ въ лѣсу нельзя и носу показать безъ сѣтки и дыма. У остяковъ не было ни топоровъ для рубки, ни лошадей, ни телѣгъ для возки дровъ, ни платья, ни сѣтокъ, ни рукавицъ, необходимыхъ для защиты отъ насѣкомыхъ. Всѣ остяки рѣшились бѣжать, но были остановлены узнавшими объ ихъ намѣреніи вахтерами. И остяки были принуждены нанять рубить дрова тѣхъ же вахтеровъ, которые взяли по три рубля съ квадратной сажени. Инородцы заплатили вахтерамъ работой и кабалой. Вахтера же вовсе не рубили дровъ, да и невозможно было въ теченіе двухъ мѣсяцевъ поставить одному человѣку 100—150 кв. сажень. Сначала вахтера донесли, что дрова нарублены, а потомъ снова донесли, что дрова всѣ унесены разливомъ Оби. Чѣмъ кончилось дѣло—не знаю. Подобныя строгія взысканія долговъ были особенно часты въ первое время послѣ Сперанскаго, и напуганные ими инородцы начали избѣгать покупки казеннаго хлѣба. Такъ, въ 1829 г. начальникъ Тобольской губерніи писалъ, что «инородцы, въ особенности пелымскаго края, не берутъ изъ казенныхъ магазиновъ хлѣба для своего продовольствія единственно изъ боязни строгихъ мѣръ, употребляемыхъ при взысканіи накопившихся на нихъ недоимокъ, и въ семъ страхѣ томятся голодомъ». Но это продолжалось недолго; начальство скоро убѣдилось въ негодности особенно строгихъ мѣръ при взысканіи долговъ, и инородцы стали больше покупать казеннаго хлѣба. Долги росли, по истеченіи извѣстнаго времени прощались, потомъ снова росли. Въ туруханскомъ краѣ долгъ за хлѣбъ простирается иногда до 200 р. на человѣка. По всѣмъ магазинамъ этого края въ 1861 г., на шестидесяти четырехъ инородцахъ хлѣбной недоимки считалось 13,000 р. сер. Нужно замѣтить, что, благодаря плутнямъ вахтеровъ, значительная часть этого долга давно уже заплачена инородцами, но не скинута со счетовъ. Въ березовскомъ краѣ, въ 1850 г., были должны за хлѣбъ 12,947 р., а въ 1852 г. 17,000 р. Большею частью эти долги неоплатные; такъ смотрятъ на нихъ и администраторы, и сами инородцы. «Старый долгъ—гнилой долгъ», говоритъ остякъ и продолжаетъ забирать казенный хлѣбъ съ полной увѣренностью, что никогда не заплатитъ за него. И онъ, дѣйствительно, не платитъ. Такимъ образомъ, множество инородцевъ давнымъ-давно уже состоитъ на казенномъ содержаніи. Это чрезвычайно вредно дѣйствуетъ на ихъ характеръ и ихъ экономическое благосостояніе. Инородецъ увѣренъ,

что казна если не накормитъ его досыта, то, по крайней мѣрѣ, не дастъ ему умереть съ голода, и онъ мало заботится о будущемъ, вполне надеясь на казенную помощь.

По сибирскому уложенію, всѣ казенныя продажи инородцамъ должны имѣть двойную цѣль: 1) умѣреніе частныхъ цѣнъ на хлѣбъ, и 2) пособіе инородцамъ въ ихъ продовольствіи и промыслахъ. Мы сейчасъ увидимъ, въ какой мѣрѣ достигались эти цѣли.

Поставка хлѣба въ казенныя магазины производится посредствомъ того же купечества, которое торгуетъ съ инородцами хлѣбомъ. Эта поставка всегда обходилась очень дорого, и казенный хлѣбъ поэтому былъ всегда немногимъ дешевле, а иногда даже дороже частнаго. Можно принять среднимъ числомъ, что казенный хлѣбъ стоитъ 80 коп. пудъ, а въ частной продажѣ 1 руб. Но, какъ увидимъ ниже, вахтера продаютъ хлѣбъ дороже казенной цѣны, дѣлая надбавку въ свою пользу, отчего казенный хлѣбъ дѣлается дороже продаваемого купцами. Иногда казенная торговля не только не умѣряла, но даже *возвышала* цѣны хлѣба, обращающагося въ вольной торговлѣ. Купцы имѣютъ право торговать хлѣбомъ, и уложеніе предписываетъ не стѣснять этой торговли. Но такъ какъ казенная продажа хлѣба можетъ вредить успѣху купеческой хлѣбной торговли, то купцы начали входить въ сдѣлки съ вахтерами хлѣбныхъ магазиновъ. Вахтера задерживали выпускъ казеннаго хлѣба, а купцы продавали свой съ барышомъ. Тобольскій губернаторъ писалъ въ 1829 г., что «частные торгаша, входя въ стачки съ чиновниками, раздаютъ въ сеуду хлѣбъ свой инородцамъ и, зная время, удобное для ловли звѣря, пріѣзжаютъ въ ихъ аулы для сбора онаго въ уплату долга и, употребляя при семъ случаѣ, въ видѣ угощенія, вино, получаютъ за безцѣнокъ самаго лучшаго звѣря». Хотя березовскій исправникъ и отвѣчалъ на это замѣчаніе губернатора, что «того не только въ обыкновеніи никогда не было, но едва ли и мыслью кто-либо осмѣливался мнить о томъ», но слова губернатора вполне справедливы; сдѣлки вахтеровъ съ купцами были и въ то время, были и послѣ. Само собою разумѣется, что эти сдѣлки падали всею своею тяжестью на инородцевъ. Что купецъ давалъ вахтеру, то онъ бралъ съ инородца за хлѣбъ. Цѣна хлѣба поднималась. А такъ какъ инородцы всегда покупали частнаго хлѣба гораздо больше, чѣмъ казеннаго, то такое поднятіе цѣнъ очень невыгодно отзывалось на инородцахъ.

Уже одно то, что размѣры частной торговли превышаютъ размѣры казенной торговли, показываетъ, что казенный хлѣбъ не обезпечиваетъ вполне продовольствія инородцевъ. Это вполне и подтверждается ближайшимъ разсмотрѣніемъ дѣла. Кромѣ того, что одного казеннаго хлѣба всегда было недостаточно для инородцевъ, и это недостаточное количество его рѣдко все покупалось инородцами. Иногда ихъ удерживалъ отъ покупки страхъ строгихъ взысканій хлѣбнаго долга, но

чаще всего—отдаленность хлѣбныхъ магазиновъ, разбросанныхъ на сотни и тысячи верстъ. Иноходецъ, кромѣ того, можетъ покупать хлѣбъ только изъ того магазина, къ которому онъ приписанъ, а онъ иногда кочуетъ отъ него за тридевять земель. Самая покупка обставлена затруднительными формальностями. Прежде всего инородческий старшина долженъ собрать свѣдѣнія у своихъ родичей, сколько кому нужно хлѣба. Эти свѣдѣнія онъ представляетъ вахтеру, вахтеръ засѣдателью, засѣдатель со своимъ мнѣніемъ въ губернское правленіе, послѣднее утверждаетъ это мнѣніе и посылаетъ его къ засѣдателью, засѣдатель же предписываетъ вахтеру отпустить требуемое количество муки. Проходить въ этой перепискѣ время, и часто нуждающійся инородецъ сидитъ голодомъ въ ожиданіи отпуска. Кромѣ того, инородцы раскиданы часто на тысячеверстномъ прострарствѣ, и старшина можетъ быть не въ состояніи собрать свѣдѣнія о всѣхъ нуждающихся. А не попавшій въ его списокъ не получить хлѣба. Но всѣ эти неудобства—ничто въ сравненіи съ тѣми, которыя создаются вахтерами хлѣбныхъ магазиновъ.

Представьте себѣ необозримую, пустынную, холодную тундру сѣвера, по которой разсѣяны хлѣбные магазины для продовольствія живущихъ тамъ инородцевъ. Здѣсь очень мало русскихъ жителей, отсюда далеко до значительнаго начальства. И вахтеръ—полный властелинъ, король печальной тундры. Этотъ король тундры происходитъ изъ простыхъ казаковъ или отставныхъ «благонадежныхъ» унтеръ-офицеровъ. Хорошо торгуетъ вахтеръ съ голодными, довѣрчивыми, робкими инородцами. Онъ или беретъ съ инородца за продажу хлѣба известную дань, или просто возвышаетъ казенную цѣну въ свою пользу. Но уплатить вахтеру дань можетъ не всякій инородецъ; хлѣбъ поэтому продается, большею частью, только болѣе или менѣе достаточнымъ. Не принесшій дани не получить хлѣба и можетъ умереть съ голода. Такъ, васюганскій вахтеръ еще недавно былъ подъ судомъ за то, что, благодаря ему, одно инородческое семейство умерло съ голода, и причина его смерти была записана священникомъ въ метрическую книгу. Вахтеръ можетъ обвѣсить инородца. Вахтеръ можетъ подмѣшавать въ муку песокъ и снѣгу. Но этого мало,—вахтеръ заводитъ свою частную торговлю, обзаводится мукой, водкой, свинцомъ, порохомъ. Иноородецъ попадаетъ къ нему въ кабалу, тѣмъ болѣе тягостную, что вахтеръ держитъ въ своихъ рукахъ жизнь инородца. Иноородецъ кабалится вахтеру за его собственные товары, онъ кабалится ему также въ томъ случаѣ, если, будучи не въ состояніи дать вахтеру за отпускъ хлѣба подарокъ, можетъ предложить ему только свою свободу. Вахтеръ кормитъ инородца, а инородецъ отдаетъ вахтеру всю свою добычу. Вахтеръ, напр., даетъ инородцу въ долгъ нѣсколько пудовъ муки; инородецъ забираетъ свою семью и отправляется на промыселъ: съѣвъ весь хлѣбъ, онъ выходитъ изъ тайги къ магазину, отдаетъ вахтеру всю свою добычу, снова забираетъ въ долгъ

хлѣба, снова идетъ въ лѣсъ, снова отдаетъ вахтеру всю свою добычу, и т. д. Вахтеръ богатѣетъ страшно. При поступленіи на службу онъ имѣетъ только одну казенную солдатскую шинель, а черезъ десять—пятнадцать лѣтъ онъ становится богачомъ. Наприм., въ селѣ Тогурѣ въ 1860 г. умеръ вахтеръ Нестеровъ, казакъ, сильно нажившійся отъ своей, повидимому, незначительной должности. Нестеровъ нажилъ четыре отличныхъ дома въ Тогурѣ, одинъ въ Нарымѣ; у него было 250 прекрасныхъ лошадей, кромѣ рабочихъ, множество рогатаго скота, свиней, птицы и т. п. Онъ вступалъ въ казенные подряды на поставку хлѣба, соли, пороха, велъ значительную торговлю мѣхами и орѣхами, поставялъ на пароходы тысячи сажень дровъ, содержалъ почтовую гоньбу отъ Нарыма до Томска. Въ 1860 г. онъ сгорѣлъ въ собственномъ домѣ. Но оstantки долго не вѣрили въ его смерть: они видѣли, какъ Нестеровъ въ его красной рубахѣ былъ унесенъ въ воздухъ чертами; долго они боялись, что этотъ вахтеръ снова явится къ нимъ и снова начнетъ торговать съ ними!.. Другой король тундры, вахтеръ одного магазина, вывезъ въ Нарымъ въ 1864 г. своихъ нажитыхъ имъ въ тундрѣ товаровъ: на 1.000 р. сер. орѣховъ, на 180 руб. сер. лосиныхъ кожъ, 7.000 бѣлокъ и 40 соболей! Да, выгодно быть вахтеромъ!.. Само собою понятно, что въ большинствѣ случаевъ администрація не можетъ искоренить злоупотребленія, гнѣздящіяся въ отдаленной тундрѣ и часто находящія себѣ сильную поддержку въ административныхъ центрахъ Сибири. Въ туруханскомъ краѣ, напр., одинъ чиновникъ, посланный для изслѣдованія причинъ голода между инородцами, былъ признанъ сумасшедшимъ и отозванъ назадъ, когда началъ раскрывать истинную причину горестнаго положенія дикарей. Назначенная послѣ того коммиссія, вмѣсто слѣдствія, пустилась въ торговлю.

Иноородецъ, какъ мы видѣли, не всегда имѣетъ хлѣбъ; инородца, какъ мы уже говорили, часто поражаетъ неудача его промысловъ; вслѣдствіе этого, и послѣ Сперанскаго много разъ повторялись ужасныя голодовки, въ родѣ описанной нами туруханской въ 1814—1816. И послѣ Сперанскаго голодная смерть хаживала по сибирской тайгѣ, истребляя бѣдныхъ дикарей. Такъ, въ 1827 г. въ рѣкахъ нарымскаго края отъ чрезвычайныхъ морозовъ вымерла рыба. Насталъ голодъ. «Останки—по словамъ тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ—находились въ самомъ бѣдственномъ положеніи и только что не умирали отъ голода» Такія голодовки повторялись въ нарымскомъ краѣ и послѣ; въ такихъ случаяхъ, по словамъ О—ва, весной инородцы выходили на Обь, ловили плавшую по ней дохлую скотину и ѣли эту падаль. Баронъ Врангель въ своемъ путешествіи пишетъ, что инородцы сѣверо-восточной Сибири часто имѣютъ полную неудачу въ охотѣ на дикихъ оленей. Настаетъ голодъ. Племя разсыпается по тундрѣ отдѣльными семействами. Они питаются древесной корой, травами, воронами, падалью. Многіе гиб-

нута съ голоду. Вотъ, напр., въ 1844 году въ окрестностях Аянскаго порта бродить нѣсколько семей остяковъ. Они потеряли полную неудачу въ охотѣ и въ ловлѣ нерпъ. Они голодны и отъ голода больны. Силы постепенно измѣняютъ имъ. Аянтъ близко, но они не могутъ идти... Управляющій аянской факторіей узналъ объ этомъ и послалъ помѣщъ; но въ живыхъ застали только одного тунгуса, всѣ остальные уже кончили свою страдальческую жизнь... Но это что!.. Вотъ, раннимъ утромъ по улицамъ какого-нибудь сибирскаго города подъ звукъ барабана медленно движется черная, позорная колесница съ сидящимъ на ней преступникомъ-инородцемъ. На груди его привязана доска и на ней написано: *дѣтоубійца и женоубійца*... Но эти слова не выражаютъ его преступленія, — это человѣкъ, сѣвшій во время голодовки свою жену и своихъ дѣтей! Случаи людоедства бывали и послѣ Сперанскаго.

Продавать инородцамъ вино всегда строго запрещалось. Это запрещеніе подтверждалось и сибирскимъ уложеніемъ, и поддерживалось высшимъ мѣстнымъ начальствомъ. Но *огненная вода* попрежнему текла по инородческимъ стойбищамъ, пожирая и имущество, и здоровье инородцевъ. Купцы, казаки, крестьяне и т. д. всегда отлично умѣли пользоваться водкой для своего обогащенія. Инородецъ же страшно любить это зелье и готовъ отдать за него все, хотя послѣ, во время голоднаго похмелья, и готовъ пожаловаться на виноторговца-разорителя. Такъ, въ 1832 г. инородцы Комляжской и Южской волостей приносили ясачной комиссіи такую жалобу на бійскаго засѣдателя Черепанова: «при сборѣ нашего общества въ деревню Найму, при сборѣ нашего ясака г. Черепановъ имѣлъ при себѣ вино, которое продавалъ намъ каждый штофъ по 5 р. Верхнекумандинской волости Демичи Иглановъ пропилъ 2 р. 50 к. Комляжской волости Сазы Окучаевъ, вообще, съ волостью пропилъ 15 р., да во второй разъ 15 р. Южской волости Полушка Чехановъ вообще съ оной волостью пропилъ 14 р. Кузенской волости Арыспай Юдековъ 5 р. Да онъ же Черепановъ просилъ подарокъ, и дали ему 30 р., и за то онъ хотѣлъ намъ руку помощи подать». Чтобы характеризовать эту прежнюю виноторговлю, мы расскажемъ здѣсь, какъ она производилась въ березовскомъ краѣ въ тридцатыхъ годахъ. За достовѣрность этого разсказа ручается officialность источниковъ, по которымъ онъ составленъ (*Архивъ Главн. Управл. Зап. Сибири, № 1889 и 1407*). Съ 1810 по 1831 г. протоіерей Вергуновъ велъ обширную торговлю сукномъ, холстомъ, чаемъ, сахаромъ, медомъ, солью, крупою, хлѣбомъ, табакомъ, мѣхами. Березовскій округъ простирается болѣе чѣмъ на 2.000 верстъ, и на всемъ этомъ пространствѣ торговалъ Вергуновъ; его причетники разъѣзжали всюду на продавали инородцамъ и водку по 40 р. ведро, покупая ее въ Березовѣ по 5 р. ведро. Напоивъ инородцевъ, они забирали у нихъ, что попада-

лось. Кромѣ того, инородцы покупали много водки у березовскихъ обывателей, преимущественно у откупщика. Прежде чѣмъ инородецъ отправлялся въ городъ за водкой, онъ долженъ былъ являться къ засѣдателю, и онъ, за известную сумму, давалъ инородцу дозволеніе ѣхать за водкой. Собиралось нѣсколько инородческихъ семей и отправлялось въ Березовъ. Здѣсь инородцы останавливались у знакомаго обывателя, который велъ ихъ представлять разнымъ чиновникамъ. Сначала шли къ городничему; городничій спрашивалъ, сколько имъ нужно водки и, сообразно съ количествомъ ведеръ, назначалъ количество потребныхъ ему мѣховыхъ даровъ; затѣмъ онъ давалъ остякамъ дозволенную записку къ откупщику на отпускъ водки. Отъ городничаго остяковъ вели къ исправнику и ко всѣмъ другимъ важнымъ чиновникамъ, а если ихъ водилъ казакъ, то и къ начальнику казачьей команды. Вездѣ повторялась та же исторія, что и у городничаго. Наконецъ, инородцы добираются до откупщика и закупаютъ нѣсколько сотъ ведеръ водки. Закупивъ водки для отвоза въ стойбища, инородцы покупаютъ еще для гулянки въ самомъ городѣ. Начинается безобразное пьянство, во время котораго хозяева инородцевъ отбавляютъ изъ ихъ посуды много водки, добавляя эти посудыны водой. Пропивъ все, что можно пропить, инородцы отправляются домой. Едва отъѣдутъ они версты двѣ-три, какъ уже встрѣчаютъ на дорогѣ чиновниковъ, у которыхъ они не были. Чиновники останавливаютъ дикарей, начинаютъ допрашивать, какъ смѣли они покупать водку, грозятъ имъ судомъ, приказываютъ вернуться въ городъ, и т. д. Инородцы удовлетворяютъ этихъ господъ, чѣмъ могутъ — деньгами, звѣриными шкурами, отпряженными отъ саней оленями или снимаемою съ себя одеждою. Инородцевъ отпускаютъ. Проѣдутъ они версты три, — вдругъ на дорогѣ стоитъ нѣсколько верховыхъ казаковъ съ обнаженными саблями, а «другіе казаки, нагоняя ихъ, скачутъ на лошадяхъ и, приведя инородцевъ въ безмѣрный страхъ, забираютъ все, что осталось у нихъ изъ денегъ или вещей; буде же мало того, то снимаютъ съ нихъ половину одежды и забираютъ даже часть купленнаго ими вина, и тогда только отпускаютъ инородцевъ въ ихъ жилища». Чиновникъ Палашковский, ѣздившій въ Березовъ для изслѣдованія этихъ злоупотребленій, пишетъ, что какъ чиновники, такъ и мѣщане, купцы, казаки возили къ инородцамъ водку и, спавая инородцевъ, забирали все, что могли найти у нихъ цѣннаго. Особенно обширную виноторговлю велъ обдорскій отдѣльный засѣдатель. Конкурентовъ, такимъ образомъ, было много; они ссорились и доносили другъ на друга. Березовскій откупщикъ, страдавшій отъ этой конкуренціи, подалъ слѣдователю Палашковскому докладную записку. Откупщикъ изображалъ въ ней необходимость дозволить виноторговлю съ инородцами, «такъ какъ вино для большинства ихъ необходимо. Съ давнихъ временъ существуетъ между ними венерическая болѣзнь,

отъ которой они лѣчатся настоємъ на винѣ сас-санарели». Плохо вѣрится, чтобы подобныя вещи существовали тридцать пять лѣтъ назадъ!.. Въ другихъ мѣстахъ Сибири велась также обширная винооторговля. Даже въ настоящее время ведется... *Сибирскій Вѣстникъ* (1866 г., № 13) говоритъ, что въ «Гижигѣ между товарами исправника первое мѣсто и значеніе имѣетъ водка, которою распоряжается супруга исправника черезъ вѣстового казака». Кроме того, тамошніе инородцы страстно любятъ настой мухомора на уринѣ. «Чукчи и коряки предпочитаютъ мухоморъ даже водкѣ, потому что послѣ опьяненія отъ него не чувствуется головной боли. Мухоморъ растетъ по всему охотскому побережью, но самый обильный сборъ его бываетъ въ Ямскѣ, откуда онъ и привозится въ Гижигу для коряковъ и чукчей. Чрезмѣрное употребленіе мухомора часто бываетъ причиною смерти. Торговля мухоморомъ въ Анадырскѣ укоренилась давно. Здѣсь его закупаютъ анадырскіе чукчи; они идутъ навстрѣчу носовымъ чукчамъ, возвращающимся съ колымской ярмарки, и вымѣниваютъ его на табакъ очень выгодно». Главная торговля мухоморомъ находится въ рукахъ купца К...

VI.

Санитарное состояніе инородцевъ. Движеніе народонаселенія. Заключение.

Въ настоящемъ отдѣлѣ мы должны значительно выйти изъ предѣловъ описываемаго нами періода и начать съ 1763 г. Къ этому времени относится начало губительныхъ болѣзней во многихъ инородческихъ округахъ, къ упомянутому же году относятся и первыя, сколько-нибудь полныя статистическія данныя о движеніи инородческаго народонаселенія.

Въ одной самоѣдской сказкѣ рассказывается, что два шамана спорили о своемъ могуществѣ. Одинъ изъ нихъ взялъ съ неба луну, и по землѣ распространился ужасный холодъ, убійственный для людей. Всѣ умоляютъ шамана отпустить луну, и онъ отпускаетъ. Но тотчасъ другой шаманъ схватываетъ съ неба солнце, — и люди начинаютъ умирать отъ страшнаго жара; они умоляютъ шамана поставить солнце на свое мѣсто. Въ этой мифической сказкѣ самоѣдъ изобразилъ тѣ пагубныя атмосферическія вліянія, которыя никогда не переставали поражать все инородческое народонаселеніе Сибири. Жестокая продолжительная зима, съ сорокаградусными морозами и снѣжными ураганами, удушливое жаркое лѣто съ его вредными болотными испареніями, — оба эти времени года равно губительны для инородческаго здоровья. Инородецъ плохо защищенъ отъ атмосферическихъ вліяній; его шалашъ грязенъ и холоденъ, его пища скудна и нездорова, его одежда часто не предохраняетъ его отъ холода и всегда не соотвѣтствуетъ основнымъ правиламъ гігіены. Все это ведетъ за собой рядъ губительныхъ болѣзней, истребляющихъ множество

инородцевъ. Гибельность этихъ эпидемій увеличивается еще тѣмъ, что онѣ всегда наводятъ на инородцевъ паническій страхъ; при появленіи эпидеміи всѣ инородцы разбѣгаются, бросая больныхъ на произволъ судьбы и только снабдивъ ихъ пищею на нѣсколько дней. Смертность поэтому громадная, и при частомъ своемъ повтореніи эпидеміи постепенно истребляютъ цѣлыя племена. Съ особенно губительностью дѣйствовала всегда оспа^{*)}. Во второй половинѣ XVIII в. оспа сильно опустошала Забайкалье, появляясь здѣсь періодически, лѣтъ черезъ десять, и похищая множество тунгусовъ и бурятъ. Въ сентябрѣ 1768 года оспа изъ Охотска завезена въ Камчатку, а отсюда проникла на острова Алеутскіе и Курильскіе, также къ Ледовитому морю. Эта эпидемія похитила около 20,000 камчадаловъ, коряковъ и курильцевъ. Въ слѣдующіе года къ оспѣ присоединилась горячка и лихорадка, и дѣятельно продолжали опустошать Камчатку. Въ 1799 г. въ Камчатку прибылъ генералъ-маіоръ Сомовъ съ отрядомъ солдатъ. Тѣсное помѣщеніе команды на двухъ небольшихъ судахъ во время продолжительнаго плаванія, холодъ и сырость глубокой осени развили въ морѣ между солдатами тифъ, вынесенный на берегъ, по мѣрѣ размѣщенія солдатъ по Камчаткѣ, распространившійся по всему полуострову и по Курильскимъ островамъ. Камчатка потеряла еще 2,000 челозв. Въ то же время солдаты распространили сифилисъ, заразившій всѣхъ камчадаловъ, перешедшій навсегда въ ихъ потомство и отнявшій всякую надежду когда-либо размножиться этому доброму племени. Тѣ же эпидеміи опустошили и другія части Сибири. Такъ въ 1824 и 1825 г. на Ленѣ

^{*)} Для сравненія, и нѣкоторымъ образомъ въ видѣ поученія, мы сообщимъ здѣсь объ оспѣ въ колоніяхъ Новой Испаніи. А. Гумбольдтъ рассказываетъ (*Essai politique sur la nouvelle Espagne*, tome I, p. 344—352), что оспа, появившаяся здѣсь въ 1520 г., производила свои опустошенія періодически. Она произвела ужасныя опустошенія въ 1763 г. и особенно въ 1799 г. (въ то же время, какъ и въ сѣверо-восточной Сибири). Въ послѣдній годъ она похитила въ одной столицѣ Мексики болѣе 9.000 человекъ. Телѣги развозжали каждый вечеръ за подборкой труповъ, какъ это бываетъ въ Филадельфіи во время желтой лихорадки. Большая часть мексиканскаго юношества была похищена оспою въ этотъ роковой годъ. Эпидемія 1797 г. была менѣе опустошительна, благодаря усердію, съ которымъ распространялось искусственное оспопрививаніе въ окрестностяхъ Мексики и въ епископствѣ Мехуаканѣ. Въ г. Вальядолидѣ изъ 6.800 человекъ, которымъ была привита оспа, умерли только 170, т. е. $2\frac{1}{2}$ изъ 100; тамъ же, гдѣ оспа не прививалась, умерло 14 изъ 100. Многие частные люди, особенно духовенство, выказывали при этомъ похвальный патріотизмъ, останавливая посредствомъ оспопрививанія успѣхи этой эпидеміи. Тогда привили оспу болѣе 60 тыс. человекъ. Въ 1804 г. въ Мексикѣ введена коровья оспа. Индѣйцы скоро научились переносить временное зло отъ оспопрививанія, чтобы избѣжать зла болѣе пагубнаго. Если бы прививаніе коровьей или обыкновенной оспы было извѣстно въ Новомъ Свѣтѣ въ XVI в., то многіе миллионы индѣйцевъ не погибли бы ея жертвою. Этой болѣзни слѣдуетъ приписать ужасное уменьшеніе туземцевъ Калифорніи и другихъ областей Америки. По словамъ Гумбольдта, главная заслуга по введенію оспопрививанія принадлежала духовенству, миссіонерамъ и частнымъ людямъ. Въ невѣжественной же Сибири не было ничего подобнаго, и оспѣ былъ здѣсь полный просторъ.

отъ горячки вымерли тулгузы. Кромѣ горячки и оспы, здѣсь свирѣпствуетъ проказа (лерга). Ужасная болѣзнь elephantiasis, по словамъ доктора Кибера, распространена между всѣми сѣверовосточными племенами. Тотъ же докторъ пишетъ, что у перхоянскихъ инородцевъ господствуетъ эпидемія, проявляющаяся сильнымъ стѣсненіемъ въ груди, головною болью и стрѣльбою въ ушахъ. Въ туруханскомъ краѣ тифъ и оспа также не прекращали своихъ опустошеній до самого послѣдняго времени. Съ особенною силою дѣйствовала здѣсь оспа въ 1850—1851 г. Кромѣ того, инородцы постоянно страдаютъ здѣсь сибирской сыпью. Тифъ и оспа очень знакомы также всѣмъ инородцамъ губерній Иркутской и Томской. Такъ напримѣръ, въ 1841 г. множество телескихъ калмыковъ погибло отъ тифозной горячки. Такъ, нарымскій край, по свидѣтельству г. О—ва, постоянно страдаетъ отъ оспы, тифа и лихорадокъ. То же самое видимъ и въ Тобольской губерніи, особенно въ сѣверной половинѣ ея, въ березовскомъ краѣ. Объ опустошительности ея здѣсь можно судить по тому, напримѣръ, что въ 1855 году въ обдорскомъ отдѣленіи отъ кровяного тифа умерли въ теченіе трехъ мѣсяцевъ 1,270 человекъ изъ 1,752 больныхъ, а въ Кондинскихъ волостяхъ 53 изъ 64 больныхъ.

Перечисленные нами эпидеміи истребляютъ инородцевъ періодически, но есть болѣзнь, которая никогда не разстается съ ними,—это сифилисъ. Инородцы называютъ его *русскою болѣзнію* и называютъ справедливо. Ею заразили дикарей солдаты, казаки, звѣропромышленники, ссыльные. Въ 1830 г. медицинскій инспекторъ Восточной Сибири писалъ, что сифилисъ распространили въ Сибири преимущественно ссыльные, «которые въ совмѣстномъ продолжительномъ путешествіи, предаваясь распутству, заражали другъ друга, принесли эту заразу въ Сибирь и заразили природныхъ жителей. Стеченіе въ извѣстное время отдаленныхъ жителей обою пола на сборныя мѣста для торговъ, рыбныхъ промысловъ, взноса ясака и т. д., способствовало зараженію самыхъ отдаленныхъ жителей. Они, въ мѣстахъ этихъ, ведя нетрезвую жизнь, жертвуя, такъ сказать, Бахусу и Венерѣ въ излишествѣ и безъ всякой предосторожности, заражались сами и заражали другихъ». Расходясь изъ этихъ сборныхъ пунктовъ по своимъ жилищамъ, инородцы разнесли сифилисъ по самымъ отдаленнымъ мѣстамъ Сибири. «Холодный климатъ сѣверныхъ частей Сибири,—продолжаетъ упомянутый медицинскій инспекторъ,—влажная атмосфера сѣверо-восточныхъ приморскихъ береговъ—все это, располагая жителей къ цынготной болѣзни, способствуетъ необыкновенному дѣйствію венерической. Отъ смѣшенія съ цынгою родились разные отбѣнки сифилиса». Этому же мнѣнію держатся и другіе компетентные медики. Такъ, иркутскій штабъ-лѣкарь Малиновскій, изучавшій у колымскихъ якутовъ ихъ проказу, пришелъ къ убѣжденію, что эта болѣзнь есть не что иное, какъ соединеніе венерика, цынга и ревматизма. Въ Березовскомъ краѣ множество инородцевъ поражено гноетеченіемъ и во-

спаленіемъ глазъ; излѣченіе этой болѣзни не имѣло успѣховъ до тѣхъ поръ, пока, въ недавнее время, не узнали, что это признакъ третичнаго сифилиса. Въ 1826 г. инспекторъ тобольской врачебной управы, д-ръ Альбертъ, первый высказалъ мнѣніе, что господствующая между березовскими остяками болѣзнь есть не чисто венерическая, а «та же самая, которая была наблюдаема и въ другихъ сѣверныхъ странахъ и которая извѣстна въ Шотландіи и Канадѣ подъ именемъ *новой*, а въ Норвегіи подъ именемъ *нѣмецкой*». Это мнѣніе было подтверждено д-ромъ Рожеромъ. «Соединеніе венерической болѣзни съ другими—говоритъ онъ—производитъ нерѣдко такую смесь, опредѣленіе которой заставляетъ заблуждаться даже опытнаго врача». Томскій акушеръ Докучаевъ, изучавшій эту болѣзнь въ нарымскомъ краѣ въ 1837 г., писалъ, что «у многихъ остяковъ язвы въ зѣвѣ и въ нѣбѣ и ломота въ костяхъ, которая усиливается при суровой непогодѣ. Я убѣжденъ, что это болѣзнь компликантная изъ сифилитической, скорбютной и ревматической». Эта болѣзнь ужасно угнетаетъ и обезображиваетъ инородцевъ. По словамъ камчатскаго корреспондента *Сибирскаго Вѣстника* (1866 г., № 14), «начальство, при появленіи этой болѣзни, не обратило на нее вниманія. А бѣдные камчадалы, не имѣя понятія объ ея прилипчивости, назвавъ венерическіе прыщи *пуговицами*, по простотѣ нравовъ, а большею частью по неосторожности, разнесли ее по всему краю. Въ настоящее время очень немногіе не заражены ею. Большая же часть инородцевъ заражены и изуродованы до безобразія. Есть острожки, въ которыхъ за десять лѣтъ населеніе считали сотнями душъ, а нынѣ едва ли наберется десятковъ человекъ, да и то калѣки. Отъ камчадаловъ эта болѣзнь перешла къ корякамъ и ламутамъ и губить ихъ ужасно. На дняхъ мнѣ рассказывали объ одной ламутской юртѣ, въ которой нѣтъ ни одного человека, который могъ бы ходить и смотрѣть за оленями, кромѣ дряхлаго старика. А оленей эта юрта имѣетъ штукъ тысячу. Пожалуй, что люди всѣ умрутъ безъ всякой помощи, а олени разсѣются по тундрѣ... По причинѣ страшнаго распространенія сифилиса, большая часть населенія, при рыбной и нерпичьей пищѣ, въ скоромъ времени должна погибнуть». Въ другихъ сѣверныхъ округахъ дѣйствіе сифилиса не менѣе ужасно. Въ березовскомъ краѣ онъ свирѣпствовалъ уже въ началѣ XVIII в. Спутникъ Филовея Лещинскаго, Новицкій, пишетъ, что «остяковъ преизлишнее женорачительство низвело ихъ въ неистѣльный нечистоты недугъ. Человѣку гниlostію снѣдаетъ уста, носъ, ноги, и многимъ все тѣло, даже до костей. Жестокою сею язвою вящая ихъ часть поражена. Егда кого начнетъ сія болѣзнь язвити, то онъ не токмо не имѣетъ попеченія о исцѣленіи, но ниже, ради облегченія болѣзни язвы согнившія чимъ прикрывать; но, не радя о семъ, берестомъ гниющую обвивъ язву, за промысломъ идетъ, и доселѣ ходить, донележе язвою весь пораженъ—падетъ».

Въ тридцатыхъ годахъ настоящаго вѣка лѣкарь Бѣлявскій ѣздилъ въ Березовъ для изслѣдованія сифилиса и нашелъ, что нѣтъ ни одного инородца, который не былъ бы зараженъ имъ. Полукиіе остяки ходили безъ носовъ, ушей, губъ; не гнушаясь своимъ безобразіемъ, они вступали между собой въ бракъ, приживали дѣтей и тѣмъ дѣлали сифилисъ неотъемлемою принадлежностью своего племени. Въ настоящее время сифилисъ проявляется у нихъ весьма разнообразно. У большинства остяковъ, особенно у женщинъ, третичный сифилисъ въ видѣ глазной болѣзни. У дѣтей онъ проявляется струпами по тѣлу, преимущественно на головѣ; у взрослыхъ — ранами по лицу и тѣлу, отсутствіемъ носа и гнусливостью, у стариковъ — ломотою въ костяхъ и тою же глазною болѣзнию. Инородцы лѣчатся отъ сифилиса или разными вредными снадобьями своихъ знахарей, или настоємъ на водкѣ сассапарели, которую продаютъ имъ купцы. Но это лѣчение не столько искореняетъ, сколько усложняетъ болѣзнь и дѣлаетъ ее неизлѣчимою. Лѣчение сассапарелью требуетъ содержанія тѣла въ постоянномъ теплѣ; инородецъ же безпрестанно подверженъ холоду, особенно зимой; онъ безпрестанно выходитъ изъ шалаши на трескучій морозъ; онъ часто по цѣлымъ днямъ принужденъ работать на такомъ морозѣ. Сифилисъ не излѣчивается, и къ нему присоединяется еще ревматизмъ. Излѣченіе же сифилиса посредствомъ русскихъ медиковъ всегда производилось только въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Въ Сибири, на обширные округа, превосходящіе своимъ пространствомъ самое обширное государство западной Европы, всегда полагалось только по одному окружному медику. Болѣе дѣятельно, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ, излѣченіе инородческаго сифилиса производилось въ березовскомъ краѣ. Въ 1822 г., для обозрѣнія березовскаго края были командированы чиновникъ Буличъ и лѣкарь Шавровъ. Они первые донесли губернатору о страшномъ развитіи тамъ венерики. Начали посылать туда медиковъ съ лѣкарскими учениками и необходимыми медикаментами. Но медики долго не могли не только излѣчивать, но даже распознавать сифилиса. Послѣ поѣздки лѣкаря Бѣлявскаго, для березовскихъ инородцевъ было выписано на нѣсколько тысячъ рублей антисифилитическихъ медикаментовъ, но инородцы, мало того, что не слушали совѣтовъ доктора, они были даже не въ состояніи ни понять, ни исполнять ихъ. Инородцы боятся лѣкарей и большею частью скрываютъ отъ нихъ свою болѣзнь, — это также чрезвычайно затрудняетъ излѣченіе, и безъ того недостаточное *). Впрочемъ, эта боязливая

*) Кромѣ сифилиса, тифа и другихъ болѣзней, общихъ всему народонаселенію Сибири, инородцы, особенно сѣверные, сильно страдаютъ еще отъ болѣзней нервныхъ, въ родѣ русскаго кликушества. Якуты, напр. и въ особенности якутки, каждую весну во множествѣ страдаютъ сильными истерическими припадками. Человѣкъ совершенно, повидимому, здоровый вдругъ вскакиваетъ, начинаетъ охать, махать руками и пѣть дикимъ голосомъ разныя не потребна о себѣ и о другихъ. На его голосъ изъ юрты выбѣ-

скаютъ инородцевъ не имѣла бы мѣста, если бы медицинское пособіе было основано на болѣе широкихъ и цѣлесообразныхъ основаніяхъ. Между тѣмъ, этого нѣтъ, и русская медицина, нисколько не избавляя инородцевъ отъ сифилиса, только нагоняетъ на нихъ страхъ. Однажды только были приняты, повидимому, дѣятельныя мѣры къ искорененію инородческаго сифилиса. Въ 1831 г. министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ сибирскимъ генералъ-губернаторамъ войти въ мѣстныя сообщенія по этому дѣлу. Началась переписка и продолжалась до 1840 г. Составлено нѣсколько проектовъ. Медицинскія управленія Сибири просили значительно увеличить число больницъ, лѣкарей и фельдшеровъ. Но на это требовались довольно значительные расходы, и проекты не были утверждены. Да если бы излѣченіе сифилиса и другихъ болѣзней было усилено во сто разъ противъ нынѣшняго, то оно все-таки мало принесло бы пользы. Причина появленія и сильнаго развитія инородческихъ болѣзней лежитъ въ бѣдности инородцевъ и въ грязи ихъ кочевого быта. Поэтому, лучшіе медики указывали всегда на устраненіе этихъ пагубныхъ причинъ, какъ на необходимое и главное условіе для поправленія санитарнаго состоянія инородцевъ. Такъ, напр., акушеръ Докучаевъ, изучивъ инородческія болѣзни нарымскаго края, пришелъ къ убѣжденію, что «главное и вѣрнѣйшее средство для прекращенія этихъ болѣзней есть лучшій образъ жизни. Для этого нужны мѣры болѣе полицейскія и религіозныя, чѣмъ медицинскія». Штабъ-лѣкарь Богдановъ, знакомый съ народническими болѣзнями турухунскаго края, говоритъ, что причины ихъ — «всегдѣшнее пребываніе инородцевъ на открытомъ воздухѣ, дымъ въ юртахъ, яркій отблескъ снѣга, тѣснота, неопрятность жилищъ, худая пища, тяжелыя удушливыя испаренія, непомѣрное напряженіе во время трудовъ и несчастная, холодная осень». Пока будутъ существовать эти болѣзнетворныя причины, до тѣхъ поръ инородцевъ никто не исцѣлитъ отъ ихъ болѣзней.

Такимъ образомъ, мы видѣли, что нищета и дикость инородческаго быта всегда вели за собою голодъ и болѣзни. Само собою понятно, что даже отъ этихъ двухъ причинъ движеніе инородческаго народонаселенія должно было находиться въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Благопріятность этихъ условій увеличивается еще двумя обстоятельствами. Во-первыхъ, инородцы платятъ за своихъ невѣсть *калымъ*; бѣднякъ инородецъ долго

гуютъ другіе и дѣлаютъ то же самое. Начинается дикій, сумасшедшій шабашъ. Здоровые стараются перевязать ихъ и положить въ юрты, потому что иначе они могутъ дойти до такого неистовства, что начнутъ грызть другъ друга. Связанные умолкаютъ, но ихъ страданія не прекращаются. Страшныя конвульсіи и истерическіе вздохи продолжаются дня два или три и доводятъ больныхъ до совершеннаго изнеможенія, въ которомъ и засыпаютъ. Черезъ нѣсколько дней припадки возобновляются и продолжаются съ небольшими промежутками по мѣсяцу и по два. Сосѣди и родные въ это время находятся въ какомъ-то паническомъ страхѣ и часто сами заболѣваютъ тою же болѣзнию, которая нерѣдко ведетъ за собою смерть.

копить этот капиталъ или же въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ зарабатываетъ его у своего будущаго тестя. Такимъ образомъ, множество бѣдныхъ инородцевъ вступаютъ въ бракъ уже не молодыми, а это, конечно, уменьшаетъ плодovitость браковъ и поддерживаетъ развратъ, который также ведетъ за собою безплодіе женщинъ. Во-вторыхъ, число инородческихъ женщинъ очень незначительно относительно числа мужчинъ, а это, какъ извѣстно, всегда служить большимъ препятствіемъ къ быстрому размноженію народонаселенія. Причина этой малочисленности женщинъ лежитъ въ томъ, что положеніе женщины въ дикомъ инородческомъ быту гораздо хуже, чѣмъ положеніе мужчины. Поэтому женщинъ и умираетъ болѣе, чѣмъ мужчинъ. Такъ, напр., въ Березовскомъ округѣ съ 1816 по 1828 г. мужское инородческое народонаселеніе *увеличилось* на 260 чел., а женское *уменьшилось* на 1,609 чел. Съ 1816 по 1831 г., въ тридцати четырехъ волостяхъ Томскаго округа инородческое народонаселеніе убыло на 375 мужчинъ и 426 женщинъ. Благодаря такой слабой устойчивости женщинъ противъ нападеній смерти, ихъ всегда было мало сравнительно съ числомъ мужчинъ. По таблицамъ ясачной комиссіи я нашелъ, что, напр., во всѣхъ инородческихъ волостяхъ Томскаго округа на 100 мужчинъ приходилось женщинъ въ 1816 году 85,2; въ 1832—82,4. Менѣе всего женщинъ въ 1832 г. было въ волостяхъ Малокоргачинской 63,6, Большечурбаровской 66,9, Большebaйгульско-Чулымской 69,3. Въ Бійскомъ округѣ въ 1816 году на 100 инородцевъ приходилось 83,3 женщинъ,—минимумъ въ Комляжской волости—60,1. Въ Березовскомъ округѣ въ 1816 г. максимумъ женщинъ было 95,7, минимумъ въ Казымской волости—72,4. Самая значительная пропорція женщинъ относительно мужчинъ у якутовъ и бурятъ, зато эти два народа и умножаются весьма быстро.

Подробное разсмотрѣніе вопроса о движеніи инородческаго народонаселенія приводитъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ.

Если разсматривать общіе итоги движенія всего инородческаго народонаселенія, то получается результатъ довольно благопріятный. Инородцевъ *мужескаго пола* въ Сибири было:

Въ 1763 г.	131,995 чел.	Въ 1817 г.	220,307
» 1797 »	180,994 »	» 1834—39 г.	250,000
» 1812 »	212,512 »	» 1851 »	280,000

Такимъ образомъ, инородческое населеніе Сибири удваивается въ періодъ времени около 75 лѣтъ. Такое увеличеніе—замѣчаетъ академикъ Беръ—не очень быстро, однакожъ оно необыкновенно быстро для народовъ, стоящихъ въ весьма близкомъ соприсосновеніи съ народами, болѣе ихъ развитыми.

Размноженіе нѣкоторыхъ племенъ совершается еще быстрѣе, чѣмъ размноженіе всѣхъ инородцевъ по общему итогу. Такъ, въ пяти якутскихъ улусахъ—наскомъ, кангаласскомъ, бутурусскомъ, борогонскомъ и мегинскомъ—якутовъ мужского пола было въ 1750 г. 21,642 ч., въ 1817 г.—

35,070 ч., въ 1839 г.—41,733 ч. Въ Якутской области инородцевъ обоого пола было въ 1823 г. 156,495 ч., въ 1835 г.—181,325 ч. Буряты размножаются также очень быстро. Въ 1766 г. ихъ было 31,140 луковъ, въ 1783 г. 49.764 мужского пола, кромѣ 5,275 бурятскихъ и тунгусскихъ казаковъ; въ 1816 г. 58,730 ч., въ 1839 г. 83,018 ч. м. п. Въ настоящее же время бурятъ обоого пола 240,000 ч.

Академикъ Беръ, которому принадлежитъ единственная до сихъ поръ статья о движеніи инородческаго народонаселенія въ Сибири *), на основаніи вышеприведенныхъ и другихъ цифръ, предполагаетъ, что всѣ инородческія племена Сибири размножаются. Очевидно, что у достопочтеннаго академика не было таблицъ инородческаго народонаселенія, составленныхъ ясачной комиссіей. Разсмотрѣніе этихъ таблицъ и нѣкоторыхъ другихъ свѣдѣній даетъ намъ слѣдующіе выводы.

Буряты, якуты и нѣкоторыя другія племена размножаются и размножаются очень быстро.

Другія же племена, преимущественно сѣверныя, *уменьшаются*; но эта убыль съ избыткомъ вознаграждается увеличеніемъ первыхъ племенъ.

Здѣсь мы займемся только фактами уменьшенія народонаселенія.

На устьѣ Индигирки до сихъ поръ видны слѣды жилищъ какого-то народа. Это мѣсто называется *Омское городище*, и юрты, по общему преданію тамошнихъ жителей, приписываются вымершему народу *омоковъ*, которые, по словамъ сѣверо-восточныхъ туземцевъ, «были многочисленны, какъ звѣзды небесныя». Точно также давно уже исчезли съ лица сибирской земли шелаги, ходынцы и онаульцы. Во время русскаго завоеванія въ Сибири былъ народъ аринцы. Въ 1608 г. ихъ было 300 семей. Они быстро вымирали, и слабые ихъ остатки образовали, наконецъ, вмѣстѣ съ качинцами улусъ Ара, состоявшій изъ 60 человѣкъ. Въ 1735 г. Миллеръ и Гмелинъ видѣли послѣдняго человѣка, говорившаго по-арински. Къ половинѣ XIX в. изъ 300 аринскихъ семей, бывшихъ въ 1608 г., осталось только 5 человѣкъ. Барагадскій якутскій родъ, бывшій въ 1763 г. однимъ изъ многочисленныхъ, во время ясачной комиссіи оказался вымершимъ, и въ живыхъ осталось отъ него только 2 человѣка. Въ туруханскомъ краѣ съ 1763 г. по 1816 г. вымерло цѣлыхъ $\frac{3}{4}$ инородческаго народонаселенія. Когда ясачная комиссія пріѣхала въ Березовскій округъ, то не могла найти шести самоѣдскихъ родовъ. Князецъ Обдорской волости объяснилъ, что самоѣды родовъ найвачи и айвамды вошли въ составъ рода карачей, по причинѣ своей бѣдности. Сигунеевъ родъ почти весь вымеръ отъ болѣзней, кромѣ 2 человѣкъ, ушедшихъ къ Енисею. Родъ тазу-карачей частью вымеръ, частью былъ боленъ и ни одного человѣка не могло явиться въ комиссію. Содомы и аседы значительно уменьшились въ числѣ и поэтому соединились въ одинъ

*) Zunahme der eingebornen Bevölkerung, Sibirens. in Beiträge zur Kenntniss d. russisch. Reiches, Band VII, S. 89—117.

родъ. Обдорскій отдѣльный засѣдатель вполне подтвердилъ это показаніе остякаго князца, объяснивъ комиссіи, что «одни изъ этихъ родовъ, будучи въ малочисленности, присоединились къ другимъ родамъ, а другіе *вымерли*». Такимъ образомъ, въ Сибири довольно часто повторяется та ужасающая сцена, которою начинается одна самодская сказка. Въ одномъ мѣстѣ, говоритъ она, стояло 700 шатровъ, въ которыхъ жило 700 человекъ. Имъ управляли семь мужей; всѣ они были бездѣтны, и только у одного былъ лѣнивый и сонливый сынъ. Проснувшись онъ однажды утромъ и видя, что всѣ 700 человекъ умерли. Онъ посмотрѣлъ на оленей — всѣ олени подошли. Онъ смотритъ на собакъ — и онѣ лежатъ мертвыми. Онъ отправляется въ путь. Идетъ онъ день, идетъ другой, идетъ третій, идетъ недѣлю, идетъ семь мѣсяцевъ. Все идетъ онъ безъ пищи по голодной пустынѣ и, наконецъ, въ изнеможеніи падаетъ на снѣгъ. Лежитъ онъ, лежитъ долго, долго. Вотъ онъ пробуждается и снова отправляется въ путь. Идетъ, идетъ — и приходитъ на мѣсто, на которомъ видны слѣды бывшаго тутъ жилья. Онъ ищетъ пищи и находитъ въ снѣгу только обглоданныя собаками кости. Онъ грызетъ ихъ, бросаетъ и роется снова въ снѣгу, ища другихъ костей. Затѣмъ онъ снова отправляется въ путь, питаясь единственно отрываемыми изъ снѣга обглоданными костями. Встрѣчаются ему и люди другихъ племенъ, но они коварно и враждебно относятся къ несчастному; его бьютъ и нѣсколько разъ убиваютъ, только его постоянно воскрешаетъ мистическое существо, — однорукий, одноглазый старикъ съ желѣзной палицей. Въ такомъ положеніи находится инородецъ, пережившій свой родъ!

Теперь мы приведемъ статистическія данныя о движеніи инородческаго народонаселенія въ тѣхъ округахъ, въ которыхъ замѣчается убыль населенія (къ сожалѣнію, мы не имѣемъ таблицъ народонаселенія туруханскаго края).

Выше мы говорили, что ужасная эпидемія, посѣщавшая Камчатку, не только уменьшала въ ней народонаселеніе, но даже отняли у него всякую возможность къ размноженію. Въ 1744 г. камчадаловъ обою пола было около 20,000, въ 1823 г. — 2,760 ч., въ 1850 г. — 1,951 ч. Убыль громадная!

Въ Березовскомъ округѣ инородцевъ мужского пола было въ 1763 г. — 8,303 ч., въ 1816 г. — 10,793 ч. Въ пятьдесятъ три года *прибыло* 2,490 ч.

Въ 1816 г. инородцевъ обою пола здѣсь было 21,001 чел., а въ 1828 г. — 19,652 ч. Слѣдовательно, въ двѣнадцать лѣтъ *убыло* 1,349 человекъ. Такое уменьшеніе народонаселенія должно приписать введенію устава Сперанскаго. Въ 1850 г. здѣсь было 21,513 ч., слѣдовательно, въ двадцать два года *прибыло* 1,861 ч. Въ 1858 г. было 21,734 ч., — въ восемь лѣтъ *прибыло* 221 человекъ, т.-е. гораздо меньшій процентъ, чѣмъ въ предыдущій періодъ. Слѣдовательно, можно допустить, что все инородческое народонаселеніе Березовскаго округа можетъ снова пойти на убыль

даже въ общемъ итогѣ, не говоря уже объ уменьшеніи отдѣльных родовъ и волостей, что замѣчается и въ эти періоды общаго увеличенія числа инородцевъ.

Въ Томскомъ округѣ съ нарынскими краемъ въ 1816 г. было: инородцевъ обою пола 10,135 ч., а въ 1832 г. 9,724 ч., т.-е. въ теченіе шестнадцати лѣтъ *убыло* 411 человекъ.

Въ семи барабинскихъ волостяхъ¹⁾, до введенія ихъ въ острѣдыя, народонаселеніе прибывало довольно сильно, но съ этого времени оно пошло на убыль. Въ этихъ волостяхъ жителей обою пола было въ 1840 г. — 4,915 ч., а въ 1858 г. — 4,419 ч., т.-е. въ теченіе восемнадцати лѣтъ *убыло* на 504 ч.

Изъ двадцати четырехъ волостей тогурскаго отдѣленія въ двѣнадцать²⁾ было инородцевъ муж. пола въ 1763 г. — 1,247, а въ 1816 г. — 1,110, — *убыло* 137 человекъ. Обою пола въ нихъ было въ 1816 г. — 2,111 ч., а въ 1832 г. — 1,808 ч., т.-е. *убыло* 306 человекъ.

Во всѣхъ двадцати двухъ волостяхъ Кузнецкаго округа въ 1827 г. инородцевъ было 5,160, а въ 1832 г. — 4,399, т.-е. въ пять лѣтъ *убыло* 771 человекъ.

Въ нѣкоторыхъ волостяхъ Туринскаго округа народонаселеніе инородческое также убывало. Въ пяти изъ его волостей³⁾ въ 1763 г. было муж. пола 555 ч., а въ 1816 г. — 467 ч.; *убыло* 88 чел. Въ пяти другихъ волостяхъ⁴⁾ въ 1816 г. было инородцевъ обою пола 850, а въ 1830 г. — 740 чел., *убыло* 110 чел.

Вогулы округовъ Тобольскаго и Туринскаго (въ 1838 г. — 4,527 ч., обою пола) также убываютъ. «Обжорство ихъ, — говоритъ г. Гагемейстеръ, — частыя лишенія, неопрятность, пьянство и развратъ причины общаго тщедушія этого народа, большой смертности и малаго плодородія женщинъ. Съ 8 до 9-й ревизіи коренныхъ вогуловъ *убыло* почти на 50%».

Въ Енисейскомъ округѣ съ туруханскимъ краемъ въ 1838 году инородцевъ было 7,740 чел., а въ 1864 г. 7,483, *убыло* 257 чел.

Такимъ образомъ, несомнѣнно, что во многихъ мѣстностяхъ Сибири инородческое народонаселеніе *убываетъ*. Мы, по неимѣнію цифръ, не могли перечислить всѣхъ этихъ мѣстностей; впрочемъ, и выставленныхъ нами цифръ достаточно для доказательства факта убыли.

Окидывая общимъ взглядомъ все сказанное нами, мы видимъ, что въ настоящемъ столѣтіи одна половина сибирскихъ инородцевъ находилась въ сносномъ положеніи, благодаря своему земле-

¹⁾ Бараба, Туражъ, Тунузь, Любей, Чай, Каргалы, Турене.

²⁾ Лелькина, Иштанова, Нянина, Кяргѣва, Тогурская-Порубежная, Тогурская, Цыновская, 3-я Парабельская, Ларнитская, 4-я Парабельская, Царабельская-Отдѣльная, Подгородно-Пойдушная.

³⁾ Большекондинская, Лиственичная, Сосвинская, Нижне-табаринская.

⁴⁾ Верхнекондинская, Верхнепелымская, Вагильская, Лиственичная, Ворыинская.

дѣлю и скотоводству (хотя, говоря о сносномъ положеніи, мы хотимъ только сказать, что они имѣютъ возможность *жить* и не вымирать отъ голода и другихъ убійственныхъ золъ).

Другая половина инородцевъ находится въ страшной нищетѣ, заражена губительными болѣзнями, подвержена вымиранію. Это инородцы березовскіе, нарымскіе, туруханскіе, енисейскіе, камчатскіе, охотскіе, гижигинскіе, барабинскіе, частью якутскіе, туринскіе, тобольскіе, алтайскіе. По всей вѣроятности, имъ въ непродолжительномъ времени суждено вовсе исчезнуть съ лица земли.

Судьба первыхъ рѣшена исторіей—имъ предстоитъ совершенно смѣшаться съ русскими, составить съ ними одну народность или, по крайней мѣрѣ, усвоить себѣ русскую культуру и образованность. Въ настоящей статьѣ мы вовсе не ставили своей задачей разсмотрѣніе вліянія русской культуры на этихъ инородцевъ и ихъ фізіологическаго сліянія съ русскимъ племенемъ. Для этого необходимы спеціальныя этнологическія и фізіологическія знанія, которыхъ у насъ нѣтъ.

Въ настоящей статьѣ, какъ уже видѣлъ читатель, мы занимались не тѣмъ, какъ исчезаютъ инородческія національности путемъ обрусѣнія, а только разборомъ причинъ, ведущихъ за собою полное разореніе инородческихъ племенъ и ихъ постепенное вымираніе. Односторонность нашего очерка для насъ казалось необходимою, чтобы по возможности лучше обрисовать положеніе тѣхъ инородцевъ, которымъ, можетъ быть, суждено вовсе исчезнуть съ лица земли.

Мы сомнѣваемся, чтобы положеніе этихъ дикарей могло значительно улучшиться. Это возможно было бы только въ томъ случаѣ, если бы виною инородческихъ бѣдствій были неудобство и тяжесть законодательства или административныхъ мѣръ. Конечно, и до Сперанскаго и послѣ его реформы, были неудобны для инородцевъ законы, приводились въ исполненіе тягостныя для нихъ административныя мѣры, совершались чудовищныя злоупотребленія администраціи; но это было только частица зла. Мы видѣли, что инородцевъ стѣсняли и разоряли крестьяне; что ихъ обдували, давили, разоряли купцы и промышленники; что русскіе всѣхъ сословій отнимали у нихъ угодыя и имущество, спаивали ихъ водкой; что отъ русскихъ переходили къ нимъ ужасныя контагіозныя болѣзни; мы видѣли, что вся обстановка инородцевъ, весь ихъ бытъ, наконецъ, гибельныя вліянія природы—все это давитъ инородцевъ. Уничтожить всѣ эти злостворныя причины въ скоромъ времени—невозможно. Главнымъ образомъ невозможно уничтожить тѣ нравственные недостатки въ русскомъ народонаселеніи Сибири, благодаря которымъ сибирякъ такъ энергично эксплуатируетъ дикаря. Участь этихъ инородцевъ можетъ улучшиться только тогда, когда истинное образованіе и гуманная нравственность сроднятся съ сибирякомъ; безъ этихъ благодѣльныхъ факторовъ свобода—сонъ, а счастье народа—безумная мечта;

безъ нихъ сибирякъ всегда найдетъ возможность эксплуатировать инородца, какъ бы ревниво ни охранялъ законъ интересы послѣдняго и какими бы ангельскими добродѣтелями ни обладала администрація...

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКАЯ КОМПАНІЯ.

Завоевывая и колонизуя Сибирь, русскіе пришли на берега Восточнаго океана. Недолго Камчатка и охотскій край были главнымъ мѣстомъ ихъ дѣйствія,—Берингъ и Чариковъ открыли богатые морскими звѣрами острова Алеутскіе и сѣверо-западный материкъ Америки, и промышленники съ жадностью кинулись туда за добычей. Въ это время въ Восточной Сибири была какая-то манія на пушные промыслы; въ продолженіе пятидесяти съ лишнимъ лѣтъ, начиная съ 1743 г. и до основанія Россійско-Американской Компаніи, извѣстно болѣе сорока компаній и отдѣльных лицъ, промыслявшихъ звѣрами во вновь открытых мѣстахъ. Правительство поощряло предпріятія промышленниковъ и поручало имъ покореніе туземцевъ, сборъ съ нихъ ясака и ученія изслѣдованія вновь открытыхъ острововъ. Въ высочайшихъ указахъ предписывалось сибирскимъ губернаторамъ и большерѣдской канцеляріи снабжать отправляющихся за промысломъ пособіями отъ казны, съ отсрочкою за нихъ платежей до возвращенія судовъ изъ вояжа. Въ 1764 г. компанія Иркутскихъ купцовъ Югова и Трапезникова получила особенныя привилегіи: компаньоны были освобождены отъ службы по выборамъ, а ихъ дома отъ постоя; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, компанія эта была обязана собирать ясакъ и вносить въ казну десятую часть своей добычи. Всѣ эти привилегіи и обязанности первыхъ нашихъ промышленниковъ на Восточномъ океанѣ принесли горькіе плоды. Будучи чѣмъ-то въ родѣ вольнонаемнаго войска, промышленники начали покорять, притѣснять инородцевъ, и при малѣйшемъ ихъ сопротивленіи истреблять ихъ «безъ всякаго сожалѣнія». Дѣйствуя такимъ образомъ, они, съ одной стороны, хотѣли выслужиться передъ правительствомъ, а съ другой—извлечь возможную пользу для себя изъ исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей.

Главнымъ мѣстомъ дѣйствія промышленныхъ компаній были Алеутскіе острова, населенные промышленнымъ, трудолюбивымъ и довольно развитымъ народомъ—алеутами. Они жили мирно съ русскими промышленниками до тѣхъ поръ, пока послѣдніе не стали черезчуръ ужъ злоупотреблять данною имъ отъ правительства властью. Выведенные изъ терпѣнія насиліями русскихъ, уналашкинскіе и умнакскіе алеуты въ одну зиму истребили три промышленныхъ судна и стали уже неприязненно встрѣчать приплывавшихъ на ихъ острова промышленниковъ. Послѣдніе же, подъ предлогомъ покоренія алеутовъ русскому владычеству и отомщенія за смерть своихъ товарищей, внесли